

У Р А Л Ь С К И Й № 12 (582), 2005
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

декабрь:

**ЗОЛОТАЯ
ЖИЛА
ВСЕВОЛОЖСКИХ**

**НОВОГОДНИЕ
СНОВИДЕНИЯ**

**ПЯТЕРО
НА ПЕРЕВАЛЕ**

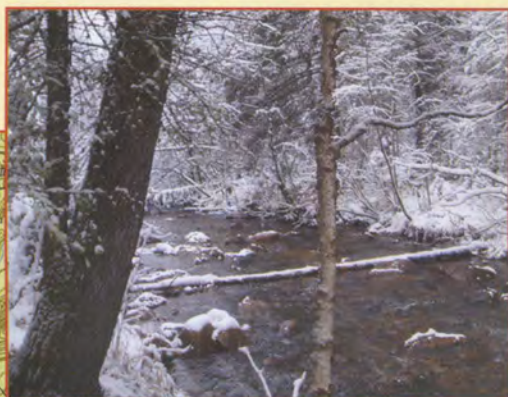
**ГОЛОДНОМУ
ТУРИСТУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...**

Маршруты Уральского следопыта

Иремель, одна из самых высоких и красивых гор Южного Урала, которую башкиры раньше считали святой. Имеет две вершины – Большой Иремель и находящийся севернее Малый иремель. В некоторых тюркских языках есть словоэмэл – «седло», «седловина». Кто видел Иремель, легко может обнаружить в этой исполинской, наискось усеченной пирамиде сходство с гигантским седлом.

А.К.Матвеев «Вершины каменного пояса»

Читайте статью А. Пановой

РЕКА ВРЕМЕНИ

декабрь 2005 :

Ишимские хроники

О.ОЖГИБЕСОВА

Прасковья Луполова, или
Путешествие из Ишима в историю 2

Далекое-близкое

**А.АЛЕКСЕЕВ
И.ПЛОТНИКОВ**

Побег 8
Чекист Кабанов вспоминает 72

Тропой поиска

**Ю.ГОРБУНОВ
В.ИЩЕНКО
Э.СОКОЛОВ**

Писательницы России 11
Тайное золото Всеволожских 48
Сказ об уральских скоморохах 51

Клуб собирателей

**Л.БОРИСОВА
А.МАКУРИН**

«Вовчики» ШААЗа 22

Юбилей

Е.МИНАКОВА

Как удержать на своих плечах
весь мир? 80

В мире прекрасного

**Е.МИНАКОВА
М.ЗАХАРОВ**

По следу Захарова 85
По небу лодка плыла 88

АЗИТА

Современная проза

М.ПРОЗОРОВА

Новогодние сновидения, или
К чему снятся вараны? 5

Союз писателей представляет

О.ЧУДНОВСКАЯ

Стихи 12

Фантастика

**Н.ИПАТОВА
А.ГОРЕЛИКОВА**

Ледяное сердце Златовера 24
Юпитер-Кситху 65

Сказка

В.НИКОРА

Новогодний дар 58

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Путешествие

А.ПАНОВА

Поход на Иремель, или
Хоббиты. Туда и обратно-2 15

Советы специалиста

С.КОРОТОВСКИХ

Упаковка и сохранение продуктов
в туристском путешествии 20

Экспедиция

Г.ЧЕУРИН

Учебно-оздоровительная экспедиция
«Сибирский путь» 54

История уральского туризма

В.ШУМКОВ

Памяти отца 61

Записки очевидца

И.ТАРАБАЕВА

Ожог от северного сияния 68

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов –
Юний Горбунов,
Андрей Наседкин,
Елена Минакова,
Андрей Беспутин.

Художественный редактор,
верстка –
Юлия Ульянова.

Художник –
Ирина Овсянникова.

Фото 1-й полосы обложки –
Сергей Поляков.

Набор –
Валентина Кадочникова.

Корректор –
Елена Тришкина.

Интернет-версия –
Дельта Плюс.

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мещавкин

Наблюдательный совет
Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям**
при поддержке
**министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области**

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе; указывать согласие на публикацию в
журнале, на сайте журнала, корректорскую и
редакторскую правки. В первую очередь
рассматриваются рукописи, дополненные
электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-10-74.
Подписано к печати 30.11.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
ООО «ИА «Рег-пресс», г. Первоуральск,
ул. Чкалова, 18-в, тел. (34392) 675-09.
Заказ №

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 12, 2005
Издается с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

Прасковья Луполова,

или

Путешествие из Ишима в историю

Судьба русской девушки Прасковьи Луполовой добрую сотню лет занимала умы её современников и их потомков. О ней писали книги, сочиняли оперы, ставили спектакли; она стала прообразом многих литературных героев. Над могилой Прасковьи установлена плита с памятной надписью. В начале двадцатого века её хотели причислить к лику святых. И только революция помешала канонизации.

В советское время имя Параша Луполовой, ставшее достоянием истории, было предано забвению: оно не вписывалось в официальную коммунистическую идеологию. Нравственный подвиг дочери, пожертвовавшей собой ради доброго имени отца, был чужд строю, основанному на культе доношительства и предательства.

Но довольно уже держать в недоумении читателя, тщетно пытающегося понять, о ком и о чём, собственно, идёт речь.

Прасковья Луполова родилась в 1784 году в Елисаветграде, ныне Екатеринослав, в семье дворянина. Её отец Григорий Луполов был доблестным воином, участвовал в русско-турецкой войне, однако в 1798 году по неизвестной причине – за преступление или по несправедливости, что скорее всего, – был разжалован из прапорщиков, лишён всех прав и состояния и сослан в Сибирь. Его семья – жена и дочь, предваряя судьбу декабристок, – последовала вслед за ним. Если бы не это обстоятельство, может, и не было бы истории, которая потрясла всю Европу.

В Сибири Луполовы поселились в деревне Жиляковке, в двух верстах от Ишима. Глава семейства служил в Ишимской канцелярии земского суда. О его дочери Прасковье достоверно известно, что она была очень религиозной, чему, видимо, способствовала и несправедливая царская воля, лишившая её благополучного будущего. Параша часто посещала Богоявленский собор – старейший в городе, сохранившийся до наших времён. Может, во время молитвы и пришла в голову смиренной девушке дерзкая по своему замыслу мысль: дойти до Петербурга, попасть к милосердному государю, испросить у него прощения для отца и удалиться в монастырь.

Сегодня, быть может, это уже не вызывает ни удивления, ни восхищения. Но в начале девятнадцатого века восемнадцатилетней девушке отправиться из Сибири в Петербург!..

Сломив сопротивление родителей, которые, конечно, боялись отпускать в дальний путь единственную дочь, осенью 1803 года Прасковья покинула Ишим, имея за душой одну серебряную монету да иконку, подаренную ей матерью.

А дальше... дальше начинается сказка. Неграмотная Прасковья отправилась в Петербург в полной уверенности, что на пути к столице лежит Киев, поэтому и дорогу она спрашивала до Киева. Ночевала в деревнях у добрых людей. Однажды попала к разбойникам: не поверив в её историю, они хотели убить её, но, увидев, как смиренно она молилась всю ночь, пожалели и не только отпустили, но ещё и дали денег на дорогу.

Как-то раз Прасковья упросила ямщиков подвезти её от одной деревни до другой: у неё не было тёплой одежды, и она замерзала. Ямщики по очереди одевали на неё свои шубы и, чтобы согреться, бежали рядом с санями. Это не выдумка, это исторический факт.

Так Параша добралась до Екатеринбурга. Там она познакомилась с некой госпожой Миловой. Кто была эта добрая женщина, ещё предстоит выяснить историкам, — у неё Параша провела несколько зимних месяцев, выучилась грамоте, после чего госпожа Милова проводила её, снабдив деньгами и сопроводительным письмом к своим знакомым. Теперь девушка шла пешком до Вятки, потом до Казани, оттуда в столицу — к конкретным людям, которые могли оказать ей помощь и поддержку.

5 августа 1804 года, спустя год после начала своего путешествия, Прасковья вошла в Петербург. Во время странствий она повторяла одну только фразу: «Бог не оставляет несчастных».

Придворные дамы, к которым она обратилась с письмом от госпожи Миловой, были потрясены историей Параша. Участие в её судьбе приняли фрейлины императрицы — графиня Самарина, Татьяна Васильевна Юсупова, Дарья Александровна Трубецкая, княгиня Авдотья Ивановна Голицына. Они помогли ей сначала попасть к императрице Марии Фёдоровне, а затем путешественницу принял Александр I. Был отец Прасковьи невиновным или нет, но император помиловал его, разрешив жить, где он пожелает, а Параше за её поступок подарил две тысячи рублей серебром, — огромные по тем временам деньги. Не лишним будет сказать, что вместе с Григорием Луполовым император помиловал ещё двух ссыльных, за которых просила Прасковья.

Девушка была принята в высшем свете, обласкана, стала богата и ни в чём не нуждалась. Придворные дамы и дальше были готовы опекать покорившую их юную сибирячку. Но, преодолев дорогу, опасности, голод и царскую немилость, Параша смогла преодолеть и искушение богатством и благополучием: верная данному обету, она решила уйти в монастырь. Александр I позволил ей удалиться от мира в один из монастырей Нижнего Новгорода. Прожив там несколько лет, послушница Прасковья заболела чахоткой и перебралась в монастырь в Великом Новгороде, где и умерла в 1809 году.

Прижизненная слава сибирячки Параша после её смерти выплеснулась за пределы Российской империи. Первой ласточкой стал роман модной французской писательницы Мари Софи Коттен, по мотивам, если можно так сказать, путешествия Параша, «Елизавета, или ссыльные в Сибири». В России он был переве-

дён с французского и издан ещё в 1807 году. Это была история молодой девушки, отправившейся в трудный путь, чтобы добиться милости для своего возлюбленного.

В 1815 году Ксавье де Метр написал книгу, которая в русском переводе называлась «Юная сибирячка или Параша Луполова»: исторически достоверную, или, как бы мы сегодня сказали, документальную повесть. Ксавье де Метр хотя и был французом, но жил в России, был женат на фрейлине Софье Загряжской — тётке Наталии Николаевны Пушкиной, а потому вхож в лучшие дома Петербурга. Занимался литературой, писал миниатюрные портреты. Был хорошо знаком с родителями А.С. Пушкина, написал два портрета матери поэта — Надежды Осиповны. Так что сам Александр Сергеевич наверняка знал историю Прасковьи Луполовой, причём из достоверных источников.

Уже в тридцатые годы XIX века писатель Н.А. Полевой написал пьесу «Параша — Сибирячка»: её премьера состоялась в 1840 году в Александринском театре в Москве; главную роль сыграла знаменитая В. Асенкова, разделившая впоследствии судьбу своей героини, — как и Параша, она умерла от чахотки.

На сюжет пьесы Полевого было написано либретто оперы Д. Струйского, а роман Мари Коттен лёг в основу либретто музыкальной драмы итальянского композитора Доницетти.

Книга Ксавье де Метра переиздавалась на протяжении всего XIX века в Париже, Лондоне, Брюсселе, Амстердаме, в России — в оригинале, в переводах, в многочисленных лубочных изданиях для народа. В 2001 году в очередной раз она была переиздана в Париже.

Литературоведы не без оснований отмечают, что

Богоявленский собор в Ишме. Начало XX века

Памятник Прасковье Луполовой в Ишиме

в основу образа Маши Мироновой, героини «Капитанской дочки» А.С. Пушкина положены реальные черты Параша Луполовой. Не берусь утверждать категорически, но приключения Герды из сказки Андерсена «Снежная королева» один в один списаны с приключений, с которыми в реальности пришлось столкнуться ишимской страннице. Припомните хотя бы добрую старушку, у которой провела Герда всю зиму, или разбойников, которые отпустили девочку, дав в дорогу денег. Ну и, наконец, царский дворец, где девочка встретила добрых принца, принцессу и короля. Чем не история Параша-сибирячки?

В первой половине XIX века биография Параша Луполовой вошла в русскую историографию. С.Н. Глинка в своём хронографе «Русская история» отмечает в числе самых знаменательных событий европейской жизни 1804 года «подвиг бедной и неизвестной россиянки по имени Прасковья Григорьевна Луполова». Её краткую биографию можно прочитать в «Энциклопедическом словаре» Д. Бантыш-Каменского, которым пользовался в своей работе Пушкин.

В 1864 году в Лондоне была опубликована «Книга золотых дел» Шарлотты М. Янг. В главе «Просители помилования: 1720 – 1805 г.г.» автор рассказывает лишь о двух девушках, совершивших подобный

подвиг самопожертвования, – шотландке Элен Уокер и Прасковье Луполовой. В начале XVIII века Элен Уокер отправилась пешком из Эдинбурга в Лондон, чтобы просить помилования для своей сестры, приговорённой к смертной казни. По сравнению с путешествием русской девушки её поход похож больше на загородную прогулку. Но... Элен Уокер стала прообразом героини романа Вальтера Скотта «Эдинбургская темница» Джинни Динс. Английский писатель поставил памятник Элен в той деревне, где она жила.

А что же Параша? На сценах театров ставились пьесы, люди читали романы, и никто не вспоминал о том, что их героиня покоится в подцерковье Рождественского собора в Десятинном женском монастыре Великого Новгорода. Только в середине XIX века краеведы обратили внимание на этот факт. А в начале XX-го стараниями игуменьи монастыря Людмилы удалось установить плиту на могиле. Она же пыталась добиться канонизации Прасковьи. Помешала революция...

В 1930-м году Рождественский собор был закрыт. В монастырских постройках размещалось НКВД. О Параше-сибирячке никто не вспоминал. Дети Страны Советов воспитывались на примере Павлика Морозова. В годы войны Рождественский собор был разрушен, сейчас на его месте руины. Но могила Параша, как ни странно, сохранилась.

Восстановлением истины и исторической справедливости занялись сотрудники Ишимского краеведческого музея: там открыта маленькая выставка, посвящённая Параше Луполовой. Идёт работа по выявлению всех деталей её путешествия, всех тех, кто помогал ей в этом богоугодном деле. «У нас есть мечта, – говорит старший научный сотрудник музея Надежда Проскурякова, – поставить памятник Прасковье: это был бы единственный подобный памятник в России. Параша его заслужила».

Мечта осуществилась.

Надгробие Прасковьи Луполовой

НОВОГОДНИЕ СНОВИДЕНИЯ

ИЛИ

К ЧЕМУ СНЯТСЯ ВАРАНЫ

Зима в этом году выдалась теплая и бесснежная, бездушно-европейская. Душа русская не вмещалась в такую зиму, ей, чтобы испытать катарсические новогодние ощущения, требовалось не только напиться, развести хоровод вокруг елки, но еще и поваляться в снегу, поиграть в снежки, накататься с горки. А город был пыльный, сухой и грустный, несмотря на все ухищрения городских властей по созданию новогоднего настроения. Поэтому на сходняке нашей компании было выдвинуто предложение встречать Новый год на даче у Светы.

Дача находилась недалеко от города, к тому же имела очень приятное местоположение – сразу за калиткой начинался прекрасный сосновый лес. Возможно, там, между красными стволами деревьев обнаружится, хотя бы намек на снежный покров. Может быть, получится побродить по белому покрывалу, даже если каждый шаг оставит на нем неизгладимый слякотный след. Пусть хотя бы иллюзия зимы будет, а уж если выпить... Люди размышляли о новогоднем костре и сказке «Двенадцать месяцев», о непривычном для такого праздника, шашлыке. Одним словом, решение было принято и утверждено.

Накануне праздника я приехала пораньше, чтобы помочь с приготовлениями к новогоднему священнодействию. Дети еще не вернулись со своих студенческих посиделок, в доме было тихо. Ваня, Светин муж, встретил меня радостно, помощь была нужна и не только в приготовлении ужина, появилась возможность дезертировать во двор. Бурно выражал свой восторг и рыжий терьер Тимик, он умел ценить дружбу, кроме того, я привезла ему сахарную косточку.

Света, охотничьи кромсая овощи для салатов, истово рассказывала приснившийся нынче сон. Скоро я поняла, почему Ваня сбежал. Через полчаса я выучила сон наизусть, впечатлительная подруга рассказала мне его раз пятьсот и рассказывала всем:

и приехавшим на праздник гостям, и забегавшим за солью соседям. Предпраздничное настроение у нее не складывалось, сон был очень яркий, пугающе четкий, запомнившийся во всех подробностях. От каждого она требовала растолковать приснившиеся ей натуралистические «ужасы».

А приснилось ей, что приехала на дачу ее дочь Ксюша, да не одна, а с целым выводком гадов ползучих. В корзине у нее клубились и шипели разноцветные и разнокалиберные змеи, разевавая розовые слюнявые пасти с белыми клыками, и лупал глазами внушительных размеров варан. Как он помещался в корзинке? Впрочем, он там долго не задержался. Как только Ксения пристроила свой груз в угол за печкой, ящерица вылезла и замерла, как часовой перед мавзолеем, у Светиных ног.

– Мам, – безапелляционно заявила девица, – пусть они поживут у тебя, ты ведь все равно здесь живешь, а им без свежего воздуха нельзя.

Брезгливая Света замахала на дочь руками, ей было страшно и гадко даже смотреть на этих чудовищ, а уж жить с ними в одном помещении было вообще немислимо.

– Ну, мам, они едят совсем немного, ты их только накормишь, они не будут тебя беспокоить, будут тихо сидеть в корзине. Они очень редко едят – Ксюшу не напрасно с раннего детства называли Железным Феликсом, несмотря на ее внешнюю субтильность. Проинструктивровав маму по поводу кормления, девушку исчезла, не слушая возражений.

Не успела раствориться дочка, как начал проявлять активность варан. Видимо, он счел свою задачу по охране государственной святыни выполненной и пошел в увольнительную, то есть принялся охотиться

за Светой с настойчивостью хищника, выслеживающего добычу. Она и почувствовала себя дичью, казалось, что варан, не поворачивая головы, видел все, двигался механически, но очень проворно и везде настигал испуганную хозяйку: на диване, стуле, комоде. Замирал и выщелкивал ей в лицо раздвоенный узкий язык, хлопал тяжелыми веками. Наконец, устав скакать по шаткой дачной мебели, Света догадалась покормить зверюгу. Она извернулась, соскочила с комода, вытащила приготовленную для кошки кильку и, хорошо размахнувшись, запустила подтаявшим пакетом в настырное животное. Бросок получился неудачным, рыба угодила в морду ящерицы, но зверь этим не огорчился. Забившись в угол кровати, Света следила, как вместе с пакетом в ненасытной утробе исчезает недельный запас кошачьего пропитания.

Употребив кошачий корм, рептилия легко спланировала с комода, забралась в пылающую печку и закрыла за собой дверку перепончатой лапой с острыми когтями. На этом эпизоде Света проснулась и с ужасом вспоминала окраску змей, их клубящиеся тускло поблескивающие тела. Наверное, она могла бы определить их по названиям, если бы хоть немножко в этом разбиралась. Но одно она могла сказать четко: их было четыре, и все разные.

погуляет с Тимиком в лесу. Пес вскрикнул от восторга и заюлил перед молодой хозяйкой, барышня надела теплую куртку и вышла. Разговор постепенно перешел на другие предметы, Света, наконец, забыла про сон, рассказывала анекдоты и забавные истории, все предвкушали веселое застолье. Мужчины ушли разжигать костер и готовить угли для шашлыков.

За разговорами прошло около двух часов, Ксюша с Тимиком все не возвращались, в лесу сгустились сумерки. Когда родители совсем разволновались, сопровождаемая суетливым псом, Ксюша выплыла из леса, ее живот под курткой подозрительно оттопыривался.

– Вряд ли она успела так сильно забеременеть за прошедшие два часа, – сказала Люся, чтобы успокоить Свету.

Свету сомнительная шутка не утешила, она выронила шампур с горячим шашлыком и бросилась навстречу своему взрослому ребенку. Ребенок на ходу расстегнул куртку, за пазухой у девушки сидели четыре малюсеньких и отважно шипящих... котенка.

– Где ты это взяла? – завопила Света, в ее доме уже существовало немалое количество живности, увеличивать численность четвероногого населения Света категорически не желала. Гости обступили

Змеи не проявляли агрессии по отношению к ней, только плели загадочный узор своими лоснящимися скользкими телами, поэтому были не так страшны, как противны. А вот серо-зеленая настырная ящерица с остановившимся взглядом, вся в бородавках и мозолях на сгибах высоких плохо сгибающихся лап, так и стояла перед глазами, хотелось ее забыть. Беспокоило, что вся эта нечисть как-то связана с её доченькой.

Объяснить сон можно было только одним способом: дочка подложит мамочке свинью, то есть змею, да еще и варана. В общем, ничего хорошего в грядущий год Собаки ожидать не приходилось. Собственно, так и трактовали сон все вновь прибывающие.

К середине дня собралась вся компания, вместе с ними появилась и Ксюша. Она ввалилась в домик с большими пакетами, что сразу насторожило маму. Но в пакетах оказались банальные продукты для новогоднего застолья, Света расслабилась и предложила ей присоединиться к приготовлению праздничного ужина. Однако, Ксюша не проявила энтузиазма, она заявила, что очень устала и лучше

Ксюшу, разглядывали маленьких гостей, а те шипением предупреждали больших подвыпивших дяденек и тетенок, что могут представлять опасность.

– Их Тимик нашел, – оправдывалась Ксюша. – Он увидел большую картонную коробку, помчался к ней и начал облаивать. Я не смогла его оттащить.

– Как же ты решилась подойти к коробке? А вдруг там была бомба или подброшенный ребенок, – все еще придумывала неприятности Света.

– Ну, это ты уже слишком... – попытался вмешаться Ваня, но дочь не дала договорить, затараторила.

– Я долго боялась подойти, но поняла, что Тимку не уведешь, лучше посмотреть. Когда открыла и увидела, какие они маленькие и несчастные, поняла, что уйти не смогу и взяла их с собой. Они

замерзли, прижались друг к другу, прямо забились в один угол.

Котят уже достали из-за пазухи и передавали по рукам, они действительно были очень худые, замерзшие, жалобно мяукали и шипели. Малыши были очень красивой окраски: черные, с белыми мордочками и лапками.

Шашлыки были забыты, вся компания ринулась в дом кормить котят. Света, продолжая ворчать, что у нее дом, а не зоопарк, налила им полную миску молока. На удивление, они быстро поняли, что нужно делать с белой жидкостью в большой миске. Правда, они постарались влезть туда всеми четырьмя лапами, вернее шестнадцатью. Молоко быстро кончилось, ребят уложили в коробку и поставили в угол за печкой, как раз в тот, где находились приснившиеся Свете змеи. Тут все вспомнили про змеиное шипение, съеденную вараном кильку и заветную цифру четыре, оставалось понять, что символизирует варан. Решили, что ночь чудес впереди, варан еще успеет появиться и снова вышли к костру.

Праздник шел своим чередом, друзья резвились, время от времени кто-нибудь отходил в сторону леса и его спрашивали:

– Ты куда?

один не отказывался от очередной порции щедрых подношений.

Гости восхищались беззащитным очарованием крошек, ругали злодея, выкинувшего малышей в зимнем лесу, жалели их маму, которая, наверное, места себе не находит. За ночь котяткам дали фамилию Мурзики, уж очень были грязные. Отчество получили в честь нашедшего их пса – Тимофеичи, ведь отец не тот, кто родил и даже не обязательно, кто воспитал. Отцом для бездомных котят вполне может стать и собака, спасшая им жизнь. Сименами решили не торопиться, нужно же было время, чтобы понять их характеры, а, главное, половую принад-

– За вараном, – отвечал уходящий, в конце концов, даже Света стала миролюбиво реагировать на такие шутки.

Иногда заходили в дом погреться и провести найденышей. Котята спали, разбуженные шумными вторжениями выползали к миске и расправлялись с молоком с неимоверной жадностью. При этом самый маленький обязательно забирался в чашку целиком и оставался без еды, для мордочки уже не хватало места. Он ругался, угрожающе рычал, но его собратья были заняты уничтожением молока, им некогда было пугаться грозных рыков. Поужинав в пятый раз, ребята уползали в коробку изрядно округлившимися. Под утро их пузики так раздулись, что лапы разъезжались в разные стороны, но ни

лежность. Среди гостей не нашлось специалистов в этой области.

Забегая вперед, скажу, Мурзики стали Петром Тимофеевичем, Степаном Тимофеевичем, Федором Тимофеевичем и Евфстафией Тимофеевной и каждый из них получил новогодний подарок – полноценного хозяина, из числа участников новогоднего праздника. Свете не пришлось открывать новый зоопарк, но с месяц они еще прожили в большой дружной семье и немало позабавили хозяев своим озорством. Приемный отец принимал активное участие в их воспитании, но это уже совсем другая история.

Варан так и не появился, видимо, он удовлетворился съеденной в Светином сне килькой и решил не беспокоить наяву. Впрочем, год еще впереди, а Ксюша уже совсем совсем большая девочка и гуляет не только с Тимиком.

Побег

Для башкирской деревни акция под названием торфоразработка была мерой государственного значения.

Торф, как топливо, не имел себе равных по дешевизне, эффективности добычи при тогдашней бесплатной рабочей силе.

Дело было в Свердловской области, в деревне оно получило название – «себерлау». А сами поездки на торфоразработки – «торфа себерлау».

Для организации набора меры были отработаны еще на заре советской власти. До каждого района через сельский совет

доводили количество человек здорового рабочего люда. Ни у кого не спрашивали согласия. Составляли списки. Определяли бригадира. От Дюртелей первым бригадиром была Мария Митрофанова. Затем несколько поездок – Клавдия Яковлева. И в последующие поездки все четыре года была бессменно определена Наталья Васильевна Лазарева. Отправляли, словно этапом, до станции Туймазы. В бригаде были только девушки примерно одного возраста от 18 до 25 лет. Состав слегка менялся, включались люди и из близлежащих деревень:

Еремкино, Укияз, Георгиевка, Салиховка, Каракашлы из Шаранского р-на Башкортостана.

Особо знаменательна первая поездка в 1941 году. С ней связан беспримерный поступок семерых девочек-дюртюлинцев – побег из неволи.

Вот как рассказывает об этом его участница Зинаида Тимофеевна Петрова (в девичестве Трифонова).

Их вызвали в сельсовет и объявили, что они записаны в бригаду на торфоразработку. Бригадиром назначили Марию Митрофанову. Она надежная.

Торфоразработчицы из д. Дюртюли Шаранского р-на. (1941 г.).
На переднем плане бригадир Клавдия Яковлева.

Зинаида Тимофеевна Петрова (Трифонова). 1942 г.

Люди к такого рода мерам уже привыкли. Если записали, то хочешь-не хочешь, соглашайся. Значит, быть по сему.

Выехали в себерлау в апреле 1941 года. По прибытию на место ничего страшного не было, кроме тесноты барачков, антисанитарии в них. Было терпимо, как считали все. Не было бани. Девушки поочередно мылись в закутке, меняли белье...

Питание вообще-то тоже было терпимым. В день выдавали по 1 кг хлеба, суп из трески или селедки с капустой и свеклой и кипяток. В качестве дополнительного питания употребляли продукты домашние: семена конопля, муку толокенную (из ячменной муки) заваривали кипятком, овсяную муку домашней заготовки (шелушенное овсяное зерно).

Забегая вперед, отметим, что часть этих продуктов сохранилась до осени (сентября). Иначе как бы и чем бы они питались во время побега.

Девушки втянулись уже в непомерно тяжелую работу. Носили от экскаватора куски торфа весом

по 15-20 килограммов в течение 8-10 часов ежедневно, кроме одного воскресного дня. Срывов, хотя бы и по болезни, сколько помнит Зинаида Тимофеевна, не было.

На началась война, и весь сложившийся порядок рухнул. Враз все изменилось: условия жизни, режим работы. Изменились и нормы, качество питания. Режим ужесточился. Удлинили рабочий день до 10 часов. Начались болезни. И без того ненормальные санитарные условия почти свелись на нет.

Наступили суровые дни поздней осени. В один из дней облетела весть: привезли военнопленных немцев. Они работали рядом, и девушки видели, как сурово и жестоко обращались с ними охранники.

Конечно, девушки не знали, как обращались фашисты с нашими военнопленными в немецких лагерях смерти или просто в обычных концлагерях. Но тогда они сочувствовали этим подневольным людям (для них они были похожи на них самих – людьми!)

Пленные получали по 200 граммов на день суррогатного хлеба. К концу года от двух тысяч их осталось меньше ста человек.

День ото дня жизнь становилась все более тяжелой и невыносимой.

Мучили желудочные заболевания и женские болезни. Рядом, в другой бригаде, умерла одна из

молодых работниц.

Стала частой и на слуху мысль: что-то надо делать, умрем все. И окончательно определилось решение: надо бежать.

Собралось человек двадцать. Семеро наших, остальные – из другой группы.

Группу деревенских возглавила старшая по возрасту, наиболее опытная Евгения Суртаева – лет 30 ей было тогда.

Вышли в путь после полуночи. С первых же минут группа (сначала вся) взяла хороший темп и шла без передышек курсом на северо-запад.

К утру группа решила раздвоиться. Так было удобнее и безопаснее. Знали: будет погоня. Оно так и случилось.

Добравшись до небольшой речки, Евгения распорядилась сойти в реку и двигаться против течения. Так они и шли более часа. Затем, выйдя на берег, пошли прежним курсом.

Как стало известно потом, погоня догнала другую, большую группу – застала спящими на привале. Их вернули обратно. Наказали.

Малая группа продолжала идти и днем. В последующие пять дней двигались только в ночное время.

Шагать становилось все трудней и трудней. На ногах тяжелые бахилы (род брезентовых сапог) и поверх их так называемые чуни – типа легких галош тоже из брезента. По распоряжению вожатой

Уголок деревни Дюртюли. 1941 г.

все наличные продукты были объединены и выдавались поровну. Днем на стоянке копали саранки, собирали съедобные растения.

На ночь располагались «звездой», головами к центру. Обовшивели, покрылись фурункулами.

Ясными ночами Евгения выходила на поляну определять по звездам курс движения. Поразительно, что ни разу группа не сбилась с выбранного курса. И на 16-е сутки невольницы подошли вплотную к отрогам Уральского хребта.

Добрались ночью до башкирской деревни. Вид у всех был ужасен.

В доме хозяйка со снохой и дочерью приняли их с сочувствием и доброжелательностью. Все валились с ног, а Зина незадолго получила травму ноги, занозила. Дальше идти практически уже не могла. Не дожидаясь утра, хозяйка принялась подручными средствами врачевать. Наутро затопила баню. Девушки почти за полугодие впервые помылись. Здесь прожили они, не выходя на улицу, два дня и ночью снова вышли в путь.

Зинаида Тимофеевна Петрова (Трифонова). 1975 г.

Целый день ушел на переход через хребет. «Наверное, в тех местах живут все нечистые силы, – вспоминает Зинаида Тимофеевна. – Так было страшно и тяжело. Трудно поверить, если бы не сама была участницей всего совершенного». Вспоминая, она заливается слезами по сей день.

Переехали на пароме через Белую. Уговорили паромщика, чтобы он это сделал в ночное время. Тот согласился. И девушки снова продолжили свой беспримерный поход.

Добрались до чувашского села Ерекмен. Здесь в школе преподавала в начальных классах Марфа Александровна Кондратьева. Заночевали в доме, где она квартировала, отдыхали целый день и снова в ночь вышли в путь. Шел уже двадцать второй день побега.

А на двадцать девятый день Зинаида постучалась в дверь сеней родного дома. Открыть и войти в дом (тогда дома, сени, калитки и вообще входные двери на запор не закрывались) уже не осталось сил.

Вышла мама, стала разглядывать незнакомку и спросила, кто такая и что ей нужно? Зина уже не могла произнести ни слова, она просто упала на грудь маме и повисла у нее на шее, и еле произнесла: «Анне, это я».

Зина попила молочка и, упав почти без сознания, с редкими пробуждениями, чтобы что-либо

Смешанная группа торфоразработчиц. Тут не только дюртюлинцы. Все они участницы побега. 1941 г.

попить, проспала два дня и две ночи.

Мама ходила в правление колхоза к председателю Илье Андреевичу Васильеву. Надо заметить, ни куда-нибудь, не к кому-нибудь, а именно к Илье Андреевичу. Только он мог войти в положение и понять ситуацию. Он распорядился дать две недели отпуска, поставил Зину поваром в общественную столовую, выписал три килограмма меду – как лекарство.

Зина встала на ноги, быстро поправилась и стала работать по уходу за ягнятами.

Но недолго длилась свобода.

В апреле следующего 1942 года всех семерых арестовали и в сопровождении милиции доставили в Шаран. Судили. Завели уголовное дело: не сдали бахилы, чуни и постельные принадлежности, которые в их отсутствие исчезли.

В Шаране собрали всех сбегавших и этапом доставили в Туймазы. Там перед заселением в тюрьму поставили их на колени (чтобы удобно было по головам посчитать). Посчитали. Все сошлось. На этот раз никто не сбежал: все 180 беглянок района на месте.

В тюремное окно увидели их уголовники. Как только захлопнулась тюремная калитка, их обобрали, опустошили их сумки и котомки. И предоставили им место на полу. И на четвертые или пятые сутки погнали их в товарные (телячьи) вагоны. Перед посадкой снова ээковский ритуал: всех на колени, на прирельсовую щбенку. Пересчитали по головам и, погрузив в вагоны, после пересыльной тюрьмы в Уфе, направили в Черниковку.

Там началась новая ээковская жизнь на сельхозработках: посадка картофеля, лука. Заключение длилось, правда, относительно недолго – всего около полугода. Задавать вопрос: за что? – было небезопасно: по справедливым советским законам в тюрьму безвинных не сажают.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

А

АХМАТОВА Елизавета Николаевна (псевд. Лейла; 1820 – 1904), прозаик, переводчица.

Повести А. "Замосковная летопись о наших женских делах и о других", "Мачеха" и др. написаны гладким литературным языком, сентиментальны, носят морализаторский характер. Более успешно А. проявила себя в переводной литературе. Ей с детства легко давались словесные переводы, а в 22 года она решилась послать свой опыт в редакцию "Биб-ки для чтения" О.И.Сенковского. Между ними завязалась переписка, перешедшая к дружбе и сотрудничеству. А. выполнила более 300 переводов. Среди авторов Ж.Санд, В.Гюго, У.Коллинз, Дж.Элиот, У.Теккерей, Ж.Верн и др. Переводы печатались в издаваемом ею ежемесячнике "Собрание иностранных романов, повестей и рассказов...". Современники, в т.ч. Н.С.Лесков, уважительно относились к работе А., которая "приохотила к чтению переводных произведений десятки и сотни тысяч русских читателей" ("Курьер", 1904, 17 апр.). А. издавала детский журнал "Дело и отдых", а затем – "Сб. переводов для легкого чтения". Содержала лит. салон ("Вечера А"). Выпускала многочисленные сборники переводных произв. для детей. Ею написаны воспоминания о литерат. Петербурге 50-60-х гг., а также – "Знакомство с А.В.Дружининым". – "Рус. Мысль", 1891. № 12. С.117-147.

Русские писатели (портр.); Слов. рус. писательниц; Новый энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона. Т.4; ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 3236, 3357.

АХНОВСКАЯ М.

Авт. "На родине" – "Женское дело", 1900, № 1. Авт. пов. «Пьяница» – «Женское дело», 1900, № 4-5.
Венгеров.Источ.

АХТЫРСКАЯ З.

"Степан Халтурин (искусный полировщик)" М-Л., 1931; "Царевна-бейца Софья Перовская" М-Л., 1930.
Старцев.

АХШАРУМОВА Н.П., дет. писательница 1880–1900-х гг.

Авт. кн.: "Гнедко". Рассказ для детей мл. возр.. М., 1918. 6-е изд. А.Д.Ступина.
Венгеров.Источ.

АШАЛЬЧИ Оки (лит. имя; наст. имя и фамилия Векшина Лина (Акулина) Григорьевна; 1898 – 1973), поэтесса.

Засл. врач республики. Первая поэтесса в удмуртской литературе. Автор лирических стихов, посвященных родному краю, судьбе женщины-удмуртки. Стихи А.О. близки к фольклору, некоторые стали народными песнями. Писала также для детей. "О чем поет вотячка", стихи.

КЛЭ; Шмаков.

АШЕБЕРГ Мария Александровна (1848 –), переводчица.

Пер. "Маргарита Готье", драма в 5 д.; "В русальный вечер", картина в 1 д.; "Васильев вечер: (ночь на новый год). Святочные сцены" (Из пов. Д.В.Григоревича "Прохожий").

Масанов.

(Продолжение в следующем номере).

Стихи Ольги Чудновской

Прогулка за город

Возьмешь новую, совершенно незнакомую рукопись, и по первым же текстам складывается даже не впечатление, скорее – некое желание. То ли, не дай Бог, забросить в угол эту графомань.... То ли – читать и читать, листать – а что же там, дальше? Так ли же «таинственно и хорошо», как в первых стихах Ольги Чудновской? И – «Как будто куда-то едешь, / И в то же время на месте?» – продолжать путешествие по её поэтическому миру-городу... да полно, мы давно уж за городом, в какой-то совсем другой местности, возвышенной и чуть грустноватой:

*Здесь вечность с бесконечностью едины....
Сто лет пройдет, но горы – вдалеке,
мычат коровы, у ворот рябина,
и слушает промокший куст малины
благословенье в каждом ветерке.*

Впрочем, совсем не пейзажная это лирика. А если и есть в ней пейзаж – так это скорее ландшафт души самого автора, с поездами из детства, дождиками, ангелами и журавлями в небе, и перевернутой лодкой воображения, на которой всё плыли, плыли... удалялись.... От кого? Да от тебя, родимый мой! Удивительный феномен: этот самый «родимый мой», невидимый спутник и собеседник нигде не явлен, обо-

значен двумя-тремя штрихами, а чувствуешь всё время, что он – неотступно рядом. Или чувствуешь себя на его месте? Драгоценное качество настоящей поэзии – обращаться прямо к тебе.

*Провинция. Провинность легких дней
перед грядущим, явным и весомым.
Пахнет винцом, кольнет лицом знакомым
провинция разбросанных теней.*

*Колдуньей была, ведуньей,
босой на углях плясала.
Чему я повиновалась?
В какой мне вине виниться?*

Ну, хорошо, пусть прогулки по городу, пусть по одной его улице. Зато

*...Эта улица подходит
для внезапной странной встречи
с кем-то так и не забытым
из былого измержья.*

И все стихи Ольги Чудновской подходят для чтения под настроение, для встречи с чем-то не забытым, легким и таинственным. Для встречи с Поэзией.

Вадим Осипов, член Союза писателей России.

Ольга ЧУДНОВСКАЯ

Провинция

Провинция. Испарина на лбу,
весенний рок мальчишек тонконогих,
ряд косвенных намеков на судьбу,
крутых ступеней, насыпей пологих.

Провинция. Провинность легких дней
перед грядущим, явным и весомым.
Пахнет винцом, кольнет лицом знакомым
провинция разбросанных теней.

Провидица всех наших «неспроста»,
дрейфующий во льдах пейзаж дворовый.
Провинция – с названьем в пол-листа,
провизия для пиршеств пустяковых.

Провинция. Минувшего разброд,
полуторка, полтинник, полукровка.
Провинция, тасующая ловко,
роняющая карты из колод.

Провинция. Столовый провансаль,
подвески люстр, подсказки, подоплеку.
Поземки, уносящие февраль,
подземки, увозящие потоки...

Провинция всех наших зим и лет,
презумпция невинности грошовой,
гранитная, прозрачная на свет,
играющая мартом, как обновой.

Во дни прощания, на самом дне зимы,
где воздух пролетает мимо вдоха,
цвета и звуки различимы плохо
и голоса сливаются в шумы.

Толкуются и снуют опроверженья
возможной нереальности конца,
и в зеркале мое же отраженья
пугает незнакомостью лица.

И сколько ни блуждай среди событий,
наткнешься на родные холода,
где все застыло в пустоте отбытья,
на дне зимы, незначимо когда.

М.К.

Эта улица подходит
для внезапной странной встречи
с кем-то так и не забытым
из бывшего измеренья.
Эта улица проходит
сквозь июньский теплый вечер,
эта улица отходит
от тоски и разоренья.

Мимо дворика, направо,
в тополином оперенье,
пробираюсь: здесь застава,
здесь граница – привиденье.
Кто здесь жил, давно уехал,
время спелось с вычитаньем,
и разбрасывает эхо
воробьишек щебетанье.

И подбрасывает ветер
мысль о странном совпаденье
то ли времени с погодой,
то ли чуда с ожиданьем.
И отбрасывает вечер
тени, словно наважденье:
чей-то силуэт знакомый
там, где эркер справа зданья.

Эта улица подходит
для времен переплетенья,
для надежды, что находит
лихорадкой и смятеньем.
Эта улица осталась

позади, и шум трамвая
тишину согнал, казалось,
чей-то голос заглушая.

Этот голос заглушая,
пронеслось десятилетье,
память скомкалась, ветшая,
в лету кануло столетье.
Я почти окаменела,
погружаясь в сожаленья.
Только улица сумела
избежать опроверженья.

Эта улица подходит
для внезапной странной встречи
с кем-то так и не забытым
из бывшего измеренья.
Эта улица уходит
в мир, где только память лечит
обеззвученные речи,
обесцвеченное время.

Перевернутая лодка отдыхала кверху дном.
А под ней темно и сыро, притаилась мошкара.
Я сижу на этой лодке и далеко мы плывем,
Теплый ветер дует в спину,
Он попутчик наш с утра.

Плыли, плыли, удалялись, удивлялись, что плывем,
Сверху солнышко светило, снизу ластилась трава.
Вдруг догнал нас старый тополь, и поплыли мы втроем.
А на тополь села птица – беспризорная сова.

Птица хлопала в ладоши, тополь тенью метил путь.
Лодка прыгала на волны, я глядела в облака.
Заколоченный домишко попросился к нам примкнуть
И поплыл он вместе с нами с видом старого друга.

Плыли, плыли, удалялись, удивлялись, как легко
Плыть неведомым маршрутом с теплым лугом за кормой,
Огляделись, увидели, что уплыли далеко
Убежали, убежали от тебя, родимый мой.

Колдуньей была, ведуньей,
босой на углях плясала.
Чему я повиновалась?
В какой мне вине виниться?
Колдуньей была, ведуньей,
девчонкой из подворотни,
старухой из богадельни,
любительницей абсента,
глядящей в свое былое
из собственной преисподни
в замусленном ресторане.
(Он тоже ее припомнил,
не помню, в каком контексте).
Была я счастливой птицей
и репкой была зловредной,
которую все тянули,
пока не явилась мышка
и хвостиком не махнула.
Совсем про другое сказка,
слова не из этой пьесы.
Дебильной была девчонкой,
которую не просили...
Колдуньей была, ведуньей,
с чертями играла в прятки.
Была и живой и мертвой,
соринкой в глазах любимых,
тычинкой на поле брани.
Чему я повиновалась?
В какой мне вине виниться?
Колдуньей была, ведуньей,
босой на углях плясала
с предвиденным привиденьем.

А.Б.

Кореш твой, сентябрь плакучий,
разбросал листву и перья.
Сквозняки, как подмастерья,
в услуженье у ветров,
по домам все ищут лучших,
пыль летит, грохочут двери,
если есть, конечно, двери
у оставленных домов.

Если есть, конечно, лица
у таких, кто помнить может,
то по лицам, их тревожа,
пролетит, промчится тень.
Если к ним не подступится –
Значит, век до срока прожит.
Птицы в небо путь проложат,
канут в небо в этот день.

Твой дружок, озябший скверик,
все чинарики стреляет,
в речку веточки бросает
и гоняет детвору,
на скамейках мокрых дремлет,
сор под веки задувает,

и глаза слезятся, тают,
слезы сохнут на ветру.

Если есть, конечно, слезы
у того, кто отмахнулся,
отступился, отшатнулся,
задержался, занемог.
Дождь ночной ударной дозой
рухнет, словно сам свихнулся,
вспомнив, кто же подвернулся
под горячий кулачок.

Твой браток, сиротский город,
размывает очертанья,
все строчит на пропитанье,
все толпится у дорог,
безотцовщину за ворот
за бесплатное катанье
выставляет и летальный
составляет эпилог.

Твой сынок, дымок летучий,
завивается в колечки,
долетая до крылечка,
залетает под навес.
Кореш твой, сентябрь плакучий.
Ставит желтенькие свечки.
Есть еще такие свечки,
нет осечки у небес.

Поход на Иремель

(Хоббиты. Туда и обратно-2)

Жили-были в норе под землей хоббиты. Не в какой-то там мерзкой грязной сырой дыре, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, норки были хоббичьи, а значит, благоустроенные.

В те далекие времена в мире было меньше шума и больше зелени, а многочисленные хоббиты благоденствовали. Однажды в тиши утра, плотно позавтракав, они стояли в дверях и смотрели на пробегающие по небу облака. Случилось так, что как раз в это время мимо проходил Гэндальф. Гэндальф! Если вы слышали хотя бы четверть того, что о нем рассказывают, а я слышала лишь малую толику того, что о нем рассказывают, то вы подготовлены к любой, самой невероятной истории. Истории и приключения вырастали как грибы всюду, где бы он ни появлялся. Он не бывал в этих краях уже давным-давно, и хоббиты уже успели забыть, каков Гэндальф с виду. Он отсутствовал по своим делам с той поры, когда все они были еще хоббитятами (то есть учились на первом курсе).

Так что в то утро ничего не подозревавшие хоббиты просто увидели какого-то человека с посохом (лыжными палками). На нем была синяя анорачка и высокие резиновые сапоги, а еще у него была длинная черная борода.

– Прелестное утро, – сказал Гэндальф, – но я спешу. Я ищу участников приключения, которое я нынче устраиваю, но не так-то легко их найти.

– Еще бы, – отозвались хоббиты, – мы простой мирный народец, приключения не жалуем. Бр-р, от них одно беспокойство и неприятности! Еще, чего доброго, пообедавать из-за них опоздаешь!

Хоббиты дружно уткнулись в утреннюю почту, притворяясь, что забыли о старике. Они решили, что тот не внушает доверия, и надеялись, что он пойдет своей дорогой. Но тот и не думал уходить. Он стоял, опираясь на посох, и, не говоря ни слова, глядел на хоббитов.

На следующее утро хоббиты окончательно забыли про вчерашнего гостя. Нехотя просыпались и шли на кухню завтракать, при этом громко насвистывая. Но только они собрались сесть и уютненько позавтракать, как появился Гэндальф.

– Голубчики, ну что это, скажите на милость, сидите, завтракаете, или как у вас это там называется, а между тем времени-то много. Остается ровно десять минут. Вам придется бежать.

– Но... – только начали хоббиты.

– Никаких «но», – отрезал Гэндальф.

– Но ведь... – сделали еще одну попытку протестовать хоббиты.

– Никаких «но ведь»! Бегом!

Друзья-хоббиты долго не могли вспомнить, каким образом очутились на улице. Без шапок, без рюкзачков, без денег, без всех тех вещей, которые привыкли брать с собой, выходя из дому.

(по мотивам книги Д.Р.Р. Толкина «Хоббит»)

ЧАСТЬ I. Туда

Fanya: Мы с Белкой появились на вокзале, сгибаясь под тяжестью рюкзаков и прижимая к груди самое дорогое, теплое, приятное, напоминающее о доме – пакет пирожков с капустой. Болит живот. Пришлось немного пострадать на благо набитости желудков группы. Обожгла свое пузико кипящим маслом. Покрылась волдырями. Противно.

Никого нет. Испуганно переглядываемся. Может, день перепутали, а может, опоздали. Стало страшно. Еще крепче прижимаю к груди пирожки. Минут через десять начали подтягиваться провожающие, а потом и все остальные. Объятия, поцелуи, будто не виделись несколько месяцев, но все равно приятно. Отдали с Белкой провожающим свои вещи – пусть жизнь малиной не кажется и налегке отправились на поиски поезда. Нашли: 8-ая платформа, 25-ый путь. Скинув наши рюкзаки, провожающие выразили огромное желание поехать с нами. Ну да, донеся вещи от касс до перрона, они искренне решили, что категорийный поход с легкостью выдержат.

Долго не могли разложить вещи, сесть и успокоиться. Когда более-менее определились с местами и поняли, что билеты нам дали нормальные и два человека на одну полку не предполагаются, начали ходить друг к другу в гости, активно впаривая пирожки, бутерброды, колбасу и печенье. Наедались впрок, потом не будет. Ближе к ночи народ начал собираться в группы по интересам. Павел Юрьевич, Женя и Юля переписывали раскладку. Люда с Катей пошли спать. Мы (Сергея, Тема, Сашка, Белка, Фантаза, Цыпа и Я) устанавливали рекорды по скорости поедания семечек. После полуночи Павел Юрьевич каждые десять минут заглядывал к нам в купе и интересовался, как продвигается процесс их поглощения.

(Тетрадь все еще пахнет Женькиными бутербродами)

Еда закончилась ближе к двум. Надо было идти спать. Ребята еще немного посидели, уничтожили остатки чая. Спустился 40 минут храпел весь вагон.

Fanya: Жизнь была прекрасна до семи утра. Ровно в семь часов начали безжалостно пинать невыспавшуюся группу. Меня пнули три раза. Первое, что проснулось – это совесть. Заставила себя встать, наощупь дойти до туалета. Подъедаем остатки вчерашних пирожков, пьем чай. Стараемся не думать о том, что скоро придется взваливать непонятно от чего за ночь потяжелевшие рюкзаки.

Перекладываем продукты друг к другу. Кому полкило, кому килограмм. Группа разделилась на два лагеря: те, кого разгружают и те, кого

нагружают. Первые безумно счастливы и пытаются проявить непонятно откуда взявшуюся щедрость. Какое же удовольствие вместо полкола отдать шестьсот грамм, как Цыпа, например.

Коллектив нагружаемых начинает быстро-быстро застегивать рюкзаки и так убедительно доказывать, что пустого места там отродясь не было и вес зашкаливает килограмм под пятьдесят. Ну, вроде все вещи собраны, рюкзаки готовы к торжественному выносу из вагона. Светает.

Вышли на станции Вязовая. Красивый вокзал. Красненький такой. И окошки так приветливо горят. Поставили бы там палатку, сухо, тепло...

Сели в автобус. Покидали рюкзаки, разместились и приготовились ехать часа три, как минимум, но через полчаса автобус приехал в Трехгорный, пришлось вылезать.

Брусничка: Трехгорный. Ждем автобус. Жизнь все еще прекрасна. Доели мои последние бутылки. Обед не будет, только ужин, блинн. Упущение со стороны завхоза, которое в ближайшем будущем даст о себе знать. Главный «захвост», Юлька, примет на себя удар злой оголодавшей группы. Хотя это всего лишь предположение.

Fanya: Пришел автобус. Круто. Личный автобус – самооценка повысилась. Вроде ехать два часа – это радует, может, выплюю. В итоге

ехали около часа. В 11:15 нас варварски выпроводили из теплого салона. Поспать не удалось. Зато связала часть будущего шарфика. Было пыльно, задыхались и чихали. Открыли форточку, пыли меньше не стало, зато еще и померзли немного. Попытались что-то спеть под гитару – получилось как-то вяло и неубедительно.

Сидим на остановке в деревне Тюлюк. Шикарная панорама, но глаза упираются в огромную кучу навоза. Ничего не могу с собой поделат. Надо исправляться, учиться видеть прекрасное.

И вот настало голодное-голодное время. Деревня Тюлюлюк.

Fanya: От часового недоедания бедная Женечка начала постепенно забывать человеческую речь. Залезла на большой камень и начала крякать. Слезно просила пернатых друзей о гуманитарной помощи. Помощи мы так и не дождалась – плохо наверно просила. Зато пришли козы.

Вечер. Сложно отвлечься от субъективизма и начать рационально воспринимать реальность. Не думаю, что поход очень сложный, видимо, сказывается общая неподготовленность, ну и всякие поганые мыслишки о теплой батарее в своей уютной комнатке, о таком милом и родном холодильнике.

Ну и конечно вода. Из-под крана. Когда захочешь, совершенно бесплатно, вкусно, несложно...

Сначала шли хорошо, бодренько, даже семечки умудрялись поедать по пути. Потом дорога пошла в гору. Веселье угасло. Группа начала делиться. Образовалось две туристические команды: команда оптимистов и команда пессимистов. Обстановка в коллективе стала напряженно-соревновательной. Было интересно, кто быстрее доберется до финиша: оптимисты до вершины Иремеля или пессимисты до поселкового магазина.

Хотелось пить, очень хотелось пить. Страшно хотелось пить. С этим навязчивым желанием мы дошли до подно-

жья Малого Иремеля. Привал. Сидеть холодно, а наверх, где аккуратно разбросаны огромные каменные валуны, смотреть боязно.

Скинули рюкзаки и, оставив девчонок и Серегу сторожить камни, налегке полезли покорять вершину. Пить, пить – стучало в висках. Нашли лужу. Радость, безграничная радость! Упали с Ленкой пузом на камень и начали жадно всасывать воду, периодически сплевывая грязь и еловые иголки. До цели оставалось совсем немного. Проводив жалобным взглядом лужу, полезли выше. Достигнув вершины, вытянулись во весь рост, раскинув руки, почувствовали себя героями. Памятник уже стоял – палка деревянная. Мысленно сравнила ее с собой: еще пара таких дней и появятся черты сходства.

Спускаемся с Леной обратно. Глаза ищут лужу. Нету. Началась паника. Двадцать минут назад она была. Может высохла, а может выпили... Нашли!!! Сделали пару глотков и понеслись к группе. Споткнувшись, сильно ударила колено. Болит, болит, очень болит.

Одеваем рюкзаки. Почему они потяжелели? Нет, реально потяжелели. Иду, разболелся живот – мои родные волдыри, ноет колено, каждый шаг отдается дикой болью. Начала считать шаги. Быстро надоело. Боль только усилилась.

Белка тоже повредила ногу. Клёво, я не одинока. Болит, болит, болит нога. Наверное, Белка тоже думает о своей ноге. Странно осознавать, что два человека думают об одном и том же. О ногах. Правда о разных, но все равно приятно, когда есть единомышленник.

Ищем воду. Не верится, что вода так умело скрывается на протяжении всего дня. В итоге, когда уже было темно, вышли на хорошую дорогу. Идем долго, наверное, идем по кругу. Чувствую себя цирковой лошадью с перебитыми ногами. Я не одинока в своих депрессивных настроениях, по-любому.

Брусничка: И вот, решив, что больше в нашей жизни не будет ни одного категорийного пешего похода, и завтра мы возвращаемся обратно в Тюлюк, мы подошли к стоянке. Поставили шатер, съели вкуснейший суп, напились чаю с турецкими сладостями (не правда ли, оригинально пить чай с турецкими сладостями в уральском лесу?). Короче, жизнь снова прекрасна.

Savel'ev: День начался рано, точнее, был продолжением предыдущего. После небольшого отходняка, выходняка, ожиданька и поеходника, я наконец-то оказался в лесу. Забавное

начало, неплохое продолжение, утомительное прохождение, офигительное восхождение и плотное уединение. После выхода и утверждения закона о нецензурных выражениях, посчитал свою мелочь, выяснил, что на проезд домой может не хватить.

Fanya: Подъем был в 8:00. Во всяком случае, он начался в восемь. Не открывая глаз, попыталась пошевелить ногами. Правая двигалась хорошо, левая тормозила. Поднялась наполовину, посмотрела на всех и упала обратно. Вовка решил сделать доброе дело и начал постукивать по ногам кулачком. Ударил по больной коленке. Я звыла от боли.

Выползла из шатра, до костра идти 4 метра. Расстояние огромное. Кое-как доковыляла. Ем кашу со сгущенкой – вкусно. Не вставала бы вечность. Группа подавлена. Никто не выспался. Идет активное обсуждение того, у кого что болит, при появлении у костра Пал Юрича, повышаем голос и добавляем подробностей. Хоча пойти на Большой Иремель, честно-честно. Но болит колено. Нас с Белкой оставляют в лагере. Представляю, что сейчас напьюсь чаю и пойду спать, но нам дают задание нарубить дров, вскипятить воду в котлах, заклеить тент, собрать

шатер, сшить три платья, посадить розы... М-да, лучше бы пошла на Иремель.

Нас оставляют с Белкой вдвоем. Ура! Можно материться! В отсутствии Пал Юрича общаемся исключительно нецензурно. Получаем удовольствие. Смакуем каждое слово, каждую фразу. До чего же богат русский язык! Можно материться шепотом, на ушко, а можно во весь голос, на весь лес. Здорово!

В 12:15 начали возвращаться ребята.

Пятачок: Здорово, очень понравилась гора Большой Иремель. Солнце, настроение просто SUPER. На вершине горы видели зайцев. Очень красивая панорама, на вершине сильный ветер, чуть не снесло.

Брусничка: Покорили Большой Иремель. Ура! Наверху дул такой сильный ветер, что было такое ощущение будто еще чуть-чуть и взлетишь. Вид так себе, но как же приятно чувство того, что ты стоишь на вершине, на высоте 1580 метров, рядом с облаками (хотя про облака, думаю, преувеличено, но пофиг). В общем, жизнь прекрасна...

Окончание следует...

Светлана КОРОТОВСКИХ,
турклуб «Уралмаш»

Упаковка и сохранение продуктов в туристском путешествии

Советы специалиста

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Перефразируем известное высказывание: путь к сердцу туриста лежит через желудок. Вкусно покушать любят все. Особенно на свежем воздухе, отмахав положенные километры с рюкзаком на плечах или с веслом в руках. И преодолевать пороги, перевалы и прочие препятствия тоже лучше на сытый, нормально функционирующий желудок. Это уже вопрос безопасности. В таких случаях требуется максимальная концентрация внимания и сил.

Однако вопрос хорошего питания в походе обычно не относится к разряду особо важных: главное – технично пройти маршрут, а что там будешь закидывать себе в желудок не так уж и важно. Лишь бы по весу и калориям подходило.

Тем не менее, хороший завхоз всегда ценится. Он так всё рассчитывает, что и на маршруте всего будет хватать, и лишнее обратно везти не придётся. А, уж если он еще и хороший повар... Только бывает это редко. В основном обязанности составления походной раскладки и закупки продуктов осуществляются в добровольно-принудительном порядке. И без любви к данному виду деятельности. Возможно, что одна из причин этого кроется в общепринятой практике подготовки молодых туристов. В первых походах, как правило, манипуляции с пищей проводятся «из-под палки». Ведь детям и подросткам готовить родители. В походе родителей нет, а привычка приходит «на готовенькое» остаётся. Отказываться от укоренившихся привычек всегда трудно и неприятно. Вот и приходится инструкторам отслеживать график дежурств, готовя «дежурные» ответы на извечное «а почему я»? Любви к кулинарному искусству это, понятно, не добавляет.

И продолжают туристы поедать набившую оскомину лапшу с тушенкой. Хотя достаточно проявить небольшую кулинарную смекалку и даже эту самую пресловутую лапшу приготовить по-другому, а не в виде классического «залипона». Благо, дефицита

продуктов сейчас не наблюдается. Приправ и пряностей продается великое множество и весят они немного. Даже бульонные кубики необыкновенно похорошели. Куда как лучше того «бульончика из костей павших животных», которым снабжали тургруппы еще 15-20 лет назад.

Да и на качество продуктов следует обратить внимание. Иначе придется вместо еды поглощать активированный уголь из аптечки. В лучшем случае.

Ну вот раскладка составлена, продукты закуплены, и теперь необходимо сохранить их до момента приготовления. Времена полотняных мешочков и пергаментной бумаги, к счастью, прошли. Но все же, в некоторых случаях, упаковка из двух полиэти-

леновых пакетиков себя не оправдывает. Например, на сплавах. Или в рюкзаке, в котором содержатся острые предметы. Тогда на помощь приходит пластиковая бутылка – венец творения технократической цивилизации. Ей не страшен даже всемирный потоп. Из водобоязненных продуктов в её горлышко не пролезут только крупные макаронные изделия и фасоль. А весь остальной ассортимент – от соли до гороха – пожалуйста. Главное – хорошо просушить бутылку перед засыпанием желаемого продукта. Случается, в подобной таре транспортируют даже толчёные сухари. Но, помещенный в плотно закупоренный сосуд, продукт как бы «задыхается» и приобретает чуточку затхлый запах и вкус. Основной недостаток пластиковых фляг – дополнительный вес и плохая способность к утилизации: выкидывать – безнравственно, сжигать – вредно.

Совершенно очевидно, что, собираясь в поход, следует оставить дома стеклянные банки, бумажные пакеты (в некоторых случаях могут пригодиться «тетеропаковские» коробки из-под молока, сделанные из полиэтиленизированного картона), железные бочки, бидоны и деревянные ящики. А вот большие пластиковые мешки пригодятся обязательно. Особенно в дальних путешествиях, когда для облегчения веса рюкзаков устраиваются «заброски» (временные продуктовые склады – лабазы, к которым группа обязательно возвращается).

Халатное отношение к защите продуктов чревато осложнениями на маршруте: испорченная еда теряет вкусовую привлекательность и энергетическую ценность, становится источником отравлений, «гнездом» болезнетворных бактерий, ухудшает общий моральный климат в коллективе. Хотя, конечно, если маршрут пролегает в густонаселённых местах, то волноваться не придётся – можно докупить. Жаль, что в глухой безлюдной тайге ларьков не поставили.

Вспоминается случай, когда завхоз и дежурный группы, путешествовавшей по верховьям Вишеры, обнаружили безнадежно испорченные 4 кило ячневой крупы – в промокших мешках завелся опарыш. До ближайшего населённого пункта было километров двести. Продуктов взяли с точностью до грамма, излишка не было. Мужественно убедив друг друга, что люди они не слабые, друзья приняли решение – готовить ячку на ужин в темноте и никому не говорить о дефекте продукта. Группа до сих пор не подозревает, что питалась обогащенной таким «белком» кашей, а ребята благоразумно хранят эту тайну. Конечно, можно было бы питаться подножным кормом. Но это отнимает время, которого всегда не хватает. А вы смогли бы хоть день прожить в лесу на подножном корме, если, конечно, смогли бы его добыть? Хорошо ещё, если лето. А коли зима или весна?

Так что решайте сами, заслуживает ли ваша походная пища подобного трепетного отношения. Или вам проще привести свой желудок в порядок после похода?

«Вовчки» ШААЗа

ОАО «Шадринский автоагрегатный завод» (ШААЗ), как и многие предприятия не только Курганской области, но и всей страны, в начале 90-х годов прошлого века в полной мере испило чашу последствий проводимых экономических реформ: спад производства, засилье бартера, нарастающая задолженность по зарплате и, как следствие, униженное безденежье для работников завода.

Так, в 1995 году на расчетный счет предприятия поступило только 2% от общего оборота собственных средств, а в 1996 году – и того меньше – лишь 0,2%. В этих условиях были введены чековые книжки, посредством которых на ШААЗе пытались, если не снизить, то хотя бы стабилизировать долги по зарплате перед персоналом. В 1996 году из 28 млрд. 235 млн. рублей начисленной зарплаты работникам почти четверть или 7 млрд. 44 млн. рублей выдавалась по безналичному расчету. Безналичные расчеты проводились путем отоваривания чеков продуктами, промышленными товарами и оказанием услуг в счет депонированной зарплаты.

– Не имея наличных денег, мы не могли приобрести для заводчан все необходимые товары, – вспоминает начальник управления рабочего снабжения (УРС) завода Е.В. Андреева. – Прежде всего, продукты питания. В три смены работали наши пекари, но хлеба все равно не хватало. Давали по две булki в руки. В столовых забирали весь хлеб до кусочка, даже резаный. А муку на радиаторы не меняли. Порой приходилось занимать ее тоннами... Тяжело сегодня об этом вспоминать. Хотя и товарооборот, и показатели у нас тогда были хорошие, мне не хотелось бы возвращаться в то страшное время.

Продолжая ощущать острый недостаток наличных средств для расчета с персоналом, руководство ШААЗа в 1997 году решило еще на введение своих заводских денег – купонов.

Как один из самых тяжелейших в истории завода оценивает тот период и бывший генеральный директор ШААЗа В.Г. Весич:

– Мы не могли выдать людям заработанное – это был критический момент для администрации завода. И тогда мы решили ввести купоны. Справедливости ради надо отметить, что до введения купонов по заводу ходили чеки. На них можно было покушать в столовой или купить продукты в магазинах УРСа. Продавцы каждый раз отмечали сумму, потраченную работником, а он за нее расписывался. Если

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

«ШАДРИНСКИЙ АВТОАГРЕГАТНЫЙ ЗАВОД»

ПРИКАЗ

13 марта 1997г.

г.Шадринск

№ 114

О введении заводских денег (купонов).

Поступление денежных средств на расчетный счет в последние годы остается на низком уровне. За 1995 г. поступило на расчетный счет 7823 млн.руб. или 2% от общего оборота средств. В 1996г. поступило 1022 млн.руб. или 0,2% от общего оборота собственных средств. Это приводит к росту задолженности по заработной плате. Несмотря на принятые меры по сокращению задолженности по заработной плате, на 1 марта 1997 г. составил 11550 млн.руб. из начисленной зарплаты в размере 28235 млн.руб. (41,6% от начисленной зарплаты).

учесть, что за любым товаром в заводском магазине мгновенно выстраивалась огромная очередь, то можно представить, как медленно она двигалась, пока продавец и покупатель занимались писаниной. Поэтому чеки продержались недолго. Да и выручала эта система только тех, кто работал на заводе. А ведь людям надо было еще и детей кормить...

Приказом по предприятию от 13 марта 1997 года № 114 было предписано обеспечить печатание и введение купонов. Порядок пользования ими был размещен в заводской газете «Автоагрегат», ведение разъяснительной работы в трудовых коллективах вменялась также в обязанность руководителям структурных подразделений. Особо внимание обращалось на обеспечение сохранности заводских денег, ведь в случае их утери заработная плата восстановлению не подлежала.

Купюры номиналом 100, 500, 1000, 5000 и 10000 купонов (до деноминации) на первых порах печатали в заводском вычислительном центре. Но поскольку они не были снабжены надежными элементами защиты, – начали появляться подделки. Уже в 1998 году пришлось обратиться к специалистам Печатного дома «Формат» (Екатеринбург): заводскую «валюту» стали печатать на специальной бумаге с защитной сеткой (номиналы 1, 3, 5, 10 и 50 купонов – после деноминации российских рублей здесь также убрали лишние нули). А в 1999 году

вновь пришлось вводить дополнительные защитные элементы – водяные знаки. Третий выпуск составляли номиналы 1, 2, 5, 10 и 50 купонов. А их цветовая гамма ностальгически повторяла раскраску последних советских купюр: 1 купон – светло-коричневый, 5 купонов – синие, 10 купонов – красные, 50 купонов – зеленые.

В 1996 г. удельный вес безналичных расчетов путем отоваривания чековых книжек на ШААЗе составлял 40%, а в 1997 г. после введения купонов – уже 50%. Чтобы отоварить такое количество «денег», руководству завода пришлось проделать огромную работу по развитию торговой сети УРСа, увеличению товарооборота, насыщению заводских магазинов не только продуктами питания, но и промышленными товарами – стиральными машинами, мотоциклами, велосипедами и т.д. Закупали учебники, портфели и одежду для детей заводчан.

В 1995 г. товарооборот УРСа составлял порядка 9,5 млн. руб., в 1996 г. он достиг почти 21 млн. руб., в 1997 г. – 29 млн. руб. При этом, из общего товарооборота по безналичному расчету в 1995 г. было отпущено различных продуктов на 1,8 млн. руб., в 1996 г. – уже на 6,5 млн. руб., в 1997 г. – более 8 млн. руб.

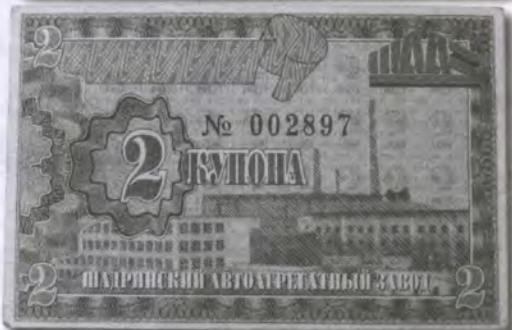
Поскольку каждая копейка в семьях заводчан была на счету, даже небольшая разница в стоимости товара в заводских магазинах и городских торговых точках вызвала негативную реакцию со стороны покупателей. В УРСе работал экономист по ценам, который еженедельно проводил сравнительный анализ цен с последующей публикацией в заводской газете.

Купоны давали друг другу в долг, ими рассчитывались за коммунальные услуги в заводском ЖКО. Более того, купоны вышли за пределы завода и на «черном» рынке стали обмениваться на наличные деньги. Предприниматели по дешевке скупали шаазовскую «валюту», отоваривались в заводских магазинах и продавали этот же товар в своих торговых точках, но уже дороже.

– Когда купоны отменили, мы дали объявление в газету, чтобы до определенного срока люди сдали то, что осталось у них на руках, – вспоминает В.Е. Горшкова, работавшая в то время главным бухгалтером, – Но процесс затянулся. Были случаи, когда приходили через полгода или год: кто в кармане забыл, кто зачанку нашел. Эти случаи разбирала специальная комиссия. Одна работница принесла целую кучу купонов – значительно больше, чем за все это время заработала. Стали выяснять: оказалось, что она торговала водкой из-под полы. Комиссия ей отказала.

Остается добавить, что в честь тогдашнего генерально-го директора ОАО «ШААЗ» Владимира Григорьевича Весича заводчане называли свою «валюту» – «вовчиками».

И не исключено, что без введения купонов ШААЗ не смог бы избежать судьбы ряда других шадринских предприятий, так и не сумевших после перестройки и реформ подняться с колен. В конце же 1999 года Шадринский автоагрегатный завод стал выбираться из долговой ямы, развивать производство и стабильно выплачивать заработную плату своим работникам. Купоны ушли в прошлое. А эскизы и образцы их до сих пор хранятся в заводском центре автоматизированных систем как свидетельство периода выживания предприятия.

Ледяное сердце Златовера

Повесть-сказка

ЧАСТЬ III

Глава 11

Дворец Снежной Королевы

Итак, за нами осталось много миль, и путь был почти завершен. Песок серых дюн поскрипывал под сапогами, осыпаясь за нашими спинами в ямки следов, когда мы выбрались на пустынный берег зимнего океана. Теперь только он отделял нас от цели – дворца Снежной Королевы Салазани.

Трудно было бы, наверное, нарочно выбрать более отвратительную погоду для путешествия по морю. Океан беспокойно ворочался, шевеля на тяжелых водяных пластах ледяное крошево. Мне стало не по себе от одного вида такого количества холодной воды. Шел мокрый снег, и я дрожал под теплым шерстяным плащом, пока еще не промокшим, но отяжелевшим, набрякшим во влажном воздухе. Звенигор выглядел и вовсе плохо: синие губы на сером лице. Он почти по самую свою пшеничную макушку ушел в длинный черный шарф, а покрасневшие руки прятал в рукава. Мы не разговаривали, будто боялись потратить впустую крохи тепла, теряемого вместе с дыханием. Любый разговор к тому же прерывался постыдной зубной дробью.

Все то время, пока мы шли вдоль длинного пляжа, я уныло размышлял над опостылевшим уже вопросом: на кой дьявол я ввязался в чужую сказку?

Впрочем, именно сейчас мое присутствие стало Звенигору необходимым. Мы собирались попасть во дворец Салазани под видом гостей ее ежегодного Бала Долгой Ночи. Она всегда отбирала приглашенных, исходя из их значимости и блеска, который их личности могли бы сообщить ее торжеству. Сам Звенигор, на ее взгляд, – незначительный

провинциальный наследник, не имел никаких шансов прорваться во дворец, пользуясь только именем и титулом. Во всяком случае, если ее служба безопасности чего-то стоила, его бы и на порог не пустили, тем более, что он даже не был зван. Салазани отнюдь не глупа, и надо полагать, прекрасно понимала, что в крайнем случае этот пылкий молодец способен на откровенный теракт. Звен, кстати, и не скрывал, что собирается вытворить что-то в этом роде. Но спустить с лестницы меня, официального наследника Белого трона, Салазани не могла. У нее немедленно возникли бы осложнения, несоизмеримые с каким-то частным конфликтом с саламандрами. Итак, Салазани предстояло принять меня, а Звенигора – в качестве моего сопровождающего. Была, разумеется, и еще одна причина, почему я сам предпочитал находиться рядом с ним. Несмотря на то, что я сочувствовал его цели и лично к нему испытывал горячую симпатию, я считал, что просто обязан удержать его от глупостей, которые мой друг мог бы натворить сгоряча. Раз она так легко раскинулась со Златовером за какую-то грубость и непочтительное отношение, то Звен, посягая на ее право казнить и миловать по собственной прихоти, да и на саму ее жизнь, рисковал навлечь на себя и своих подданных куда более крупные неприятности, чем ускоренная смена правителей. Мне не хотелось, чтобы он сам влез в ловушку и дал предлог расправиться с собой. Я полагал, что мое присутствие на переговорах в качестве беспристрастного наблюдателя скорее расположит Снежную Королеву к диалогу. Возможно, я смог бы убедить ее, что со Златовера хватит. А кроме того, лично я никогда не испытывал к Салазани никаких злых чувств. Она просто есть. И помимо нее на свете есть множество тварей, с которыми куда неприятнее мириться.

Я уже отчаялся найти в этих безлюдных краях любое подходящее нам плавсредство, как вдруг

разглядел лодку, чернеющую на отмеченной пенистой границе мокрого песка и воды. Лодочник сидел возле, неподвижный, как будто погруженный в медитацию. Когда мы подошли ближе, и он повернул голову на звук наших шагов, я сумел его рассмотреть.

Это был здоровенный костлявый детина с огромным носом и широкой щелью почти беззубого рта. Кожа его имела темный цвет, и он явно несколько дней не пользовался бритвой: на его вытянутой вперед нижней челюсти и щеках неряшливо торчала неопределенного цвета щетина. Мочки казались удлинненными, в левое ухо была вдетая серебряная серьга, а голова по-пиратски повязана пестрым платком. От холода его защищала бесформенная роба, и он ухмыльнулся нам, показав длинные зубы. Небольшие светлые глаза хранили какой-то особенный угрюмый юмор.

– На бал спешите, молодые господа?

– Угадал, хозяин. Какова твоя цена за перевоз?

– У меня одна цена, – нараспев протянул он. – За душу – медная монета.

Я непроизвольно еще раз оглядел его. То ли он косил под одну крайне знаменитую личность, то ли это он и был собственной персоной.

– Мне казалось, – осторожно сказал я ему, – ты служишь в других краях. На речном перевозе.

Он снова ухмыльнулся, довольный.

– Нынче на том перевозе будет тихо, – пояснил он. – Эстер-то ведь тоже здесь. Салазани всегда нанимает меня на Бал Долгой Ночи. Она умеет пошутить.

Мы со Звенигором переглянулись.

– Не думал я, что при жизни сяду в твою лодку, – заметил я. – Однако, очевидно, что если кому и доверять в таком деле, так только тебе, бог лодочников. Держи свои монеты.

Он сгреб деньги огромной мосластой лапой и, не переставая ухмыляться, столкнул лодку на воду. Прошлепав по полосе прибоя, мы заняли свои места в утлом суденышке. Я старался не выказывать беспокойства, хотя никак не мог соразмерить сомнительную надежность этой посуды с угрожающей массой воды. Звенигор обреченно молчал, и вид у него стал еще более замученный.

– Не извольте беспокоиться, – приободрил нас перевозчик. – Старый Харон с начала времен никого еще не утопил.

Как мы плыли, про то я рассказывать не буду. Честно говоря, я просто не помню. Была вокруг нас эта сизая круговерть мокрого снега, да еще монотонное движение ленивых валов: вверх – вниз. В тумане маячила физиономия Харона с пристывшей ухмылкой. Не знаю, сколько времени продолжалось все это: мне не с чем сравнить скорость лодки, которую гнали вперед и вперед могучие, размеренные движения гребца. Мне вообще всегда казалось, что когда идет снег, время останавливается. Харон был поистине равнодушен к своим ездокам. Оно и понятно: даже если бы он возил одних царей земных, и то тех было бы достаточно, чтобы их задами до блеска отполировать эту древнюю скамью. Интересно, в какой банк он вкладывает свои медные монеты? Должно быть, он несметно богат, этот Харон, если каждая смерть с начала времен приносила ему одну медную монету. Какие проценты набегали на вклад с начала времен?

– Ну вот, – сказал он наконец, – скоро и прибудем.

Мы вгляделись в скрывающую север мглу. В ней разгоралось далекое зарево. Потом мы вынырнули из снегопада, словно из увертюры, и перед нами будто раздернулся занавес. Я затаил дыхание, и Звенигор тоже был тих, как никогда. Мы увидели дворец.

Он вырастал прямо из черных вод Северного Океана и целиком был изваян из льда. Волны накатывали на ступени белой парадной лестницы, ведущей на бесчисленные безлюдные террасы, и весь дворец казался причудливым и иррациональным, завинченным, как морская раковина. Он светился изнутри теплым бронзовым светом, смягченным и рассеянным толщей льда, уходящим в бездонное звездное небо и колышающимся там. Он походил на полую жемчужину, внутри которой горит свеча. Это было что-то невероятное, огромное, изысканно сложное, словно не ограниченное тремя привычными измерениями, и в то же время удивительно соразмерное и пропорциональное. По сравнению с ним мой родной дом – дворец Тримальхиара – показался вдруг простым, уютным и милым, немножко архаичным и провинциальным. Дворец Салаза-

ни рос по мере нашего к нему приближения, надвигался, закрывал небо, все мы погружались и растворялись в этом согревающем бронзовом сиянии, и это было как во сне.

Лодка коснулась ступеней. Харон взялся рукой за кольцо, украшенное львиной головой и вделанное в этот изысканный причал, и держал лодку в равновесии, пока мы со Звенигором, пошатываясь, выбирались на ступени. Было жутковато и странно думать, что путешествие закончено, и что наша цель лежит перед нами. Звен стоял на нижней ступени и смотрел вверх, на сияющие распахнутые двери. Должно быть, духу набирался.

Харон снизу сделал нам знак рукой.

– За ту же плату, господа, я доставлю вас в обратный конец.

И мы двинулись вверх, мимо колонн, воздвигнутых по обоим краям этой титанической, казавшейся бесконечной, белоснежной лестницы, на вершине которой в плоских чашах горел огонь. Мы долго шли, и во мне что-то происходило, что-то такое, от чего перехватывало дыхание и замирало сердце. Салазани встречала нас истинной красотой.

Мы вошли под арку, взметнувшуюся в недосягаемую высь, и очутились в просторном холле-прихожей. Он, должно быть, опоясывал по периметру весь дворец, так как уходил от нас и вправо, и влево, и мы не видели конца. Блестящий, как хороший каток, пол, гладкие стены и свод где-то очень высоко. Ветры просвистывали холл насквозь, и в нем стояли только мы и длинноносый карлик с тоскливыми глазами. В руках он держал метлу и с монотонностью обреченного выметал из углов наносимый сквозняками снег. Стоило ему очистить одну сторону, как его уже ждала другая, и весь труд его был настолько же очевидно бесполезен, как Сизифов. Идея, примененная к местным условиям. Интересно, чем же он так провинился?

Увидев нас, он прислонил метлу к стене, отряхнулся, подошел и склонился в изысканном придворном поклоне. Мне показалось, что Звенигор растерялся. Впрочем, при всем моем воспитании и образовании я тоже не смог бы изобразить ничего подобного.

– Позвольте приветствовать вас, господа, – сказал он нам. – Наверное, вы – наши последние гости на благословенную ночь торжества. Как прикажете о вас доложить?

– Артур Клайгель, – представился я. – Наследный принц Белого трона, с приветствием и почтением к Снежной Королеве. Мой спутник меня сопровождает.

Он вторично поклонился, теперь уже моему громкому титулу.

– Я – Йостур, – сказал он. – Я провожу вас в покои, где вы сможете привести себя в порядок, отдохнуть с дороги и воспользоваться гардеробом.

– Буду вам признателен, – церемонно ответил я, проглатывая этот весьма прозрачный намек на состояние наших костюмов. Впрочем, Салазани явно

не ожидала, что гости будут собираться сюда со всех концов света, обремененные чемоданами.

– Не беспокойтесь, времени у вас достаточно.

При первой встрече я и не подозревал, насколько важным окажется для меня это знакомство. Йостур знал о дворе Салазани все, и впоследствии стал для меня важнейшим источником сведений о событиях, которым я не был непосредственным свидетелем. Благодаря ему, мне многое удалось адекватно истолковать и связать воедино. Без его помощи моя Огненная книга не была бы полна, да и сам я вряд ли разобрался бы в местных интригах. Именно ему я обязан историей фаворитства Удылгуба и описанием характера и привычек Салазани, позволившим мне более или менее достоверно реконструировать сцены, при которых я не присутствовал, и очевидцы которых не сочли нужным посвящать меня в подробности. Также он помог мне прояснить родственные связи самой Салазани.

По-моему, он обрадовался предлогу бросить метлу и повел нас по изгибистым пустынным коридорам, стены которых были сделаны из полупрозрачного перламутрового льда и по форме повторяли спиральную структуру самого дворца. Здесь было тепло – вот что странно! И свет – рассеянный, мягкий, белый – совсем не походил на свет факелов, свечей или масляных ламп. Казалось, он сочился сквозь стены, а за стенами двигались неясные тени, слышался переливчатый смех, звенели бокалы и звучали обрывки вальсов. Коридоры же

оставались на редкость безлюдны, и когда я спросил Йостура о причине, тот охотно ответил, что по прихоти Салазани большинство ее слуг невидимы. Бытовая суета и толчая раздражали Королеву, обладавшую общепризнанным художественным вкусом, и теперь я с большим вниманием относился к внезапно обдававшим меня порывам воздуха – знакам того, что кто-то только что пронесся мимо.

Йостур ввел нас в комнату для гостей, принял плащи и повесил их в шкаф, зажег свет в ванной, распахнул дверцы гардероба и исчез, сказав только, что бал начнется через шесть часов, и поужинать мы можем либо в банкетном зале, где обслуживали всех проголодавшихся, либо прямо в комнате, заказав слуге все, что нам только ни заблагорассудится.

Поскольку Звенигор сразу свалился в огромное кресло, покрытое шкурой полярного медведя, и не подавал признаков жизни, я сделал заказ на обоих. Я сознавал, что до бала мы вряд ли покинем наше временное пристанище, не говоря уже о том, чтобы искать в недрах этой причудливой раковины банкетный зал, как бы велик он ни был. Нам и в самом деле требовался отдых, и покамест хотелось избежать груза новых впечатлений и приберечь силы для самого Бала. Поэтому я, распорядившись насчет ужина, отправился в ванную, и Звенигору пришлось долго ждать своей очереди.

Выбрался я оттуда уже человеком, уступил место слегка очухавшемуся саламандру и в ожидании ужина забрался в гардероб, решив в полной мере воспользоваться гостеприимством хозяйки.

Будучи сыном своей матери, я довольно сносно разбираюсь в цветах и фасонах. Будучи также личностью весьма невзрачной на вид, я сознаю, что из всей существующей в мире палитры мне более всего идет коричневое. Поэтому я облачился в бежевую шелковую сорочку со скромными кружевами и короткие брюки коричневого цвета из легкой шерсти. Поверх сорочки я накинул камзол, отделанный витыми шнурами цвета мокко и составлявший с брюками пару. Мой наряд довершили бежевые чулки и темные бальные туфли на квадратных каблуках, с кожаными пряжками. Надо сказать, я был очень доволен собой, а потом, когда дверь распахнулась и к нам пожаловал сервировочный столик, полный накрытых металлическими колпаками блюд, весь прочий мир также заслужил мое доброе расположение.

Пока невидимый официант накрывал на стол, я сидел в кресле и ждал Звенигора. Наконец слуга испарился, а саламандр соизволил выбраться из ванной, вместе с собою впустив в комнату целое облако влажного пара. Опять баловался крутым кипятком. Он усмехнулся, увидев, как я тут почистил перышки, и уселся к столу прямо в банном халате. Снимая крышки по одной, я ознакомил его со своим выбором.

В основном, за исключением гарниров, фруктов и вин, это были продукты моря. Салат из креветок,

форель, запеченная со спаржей и ананасами, мидии и охлажденное сухое белое вино. Гроздь сладкого винограда и дыня канталуп на десерт. Королева не ограничивалась местными поставками. Впрочем, ее изумительному вину Звенигор явно предпочитал очень горячий кофе без сахара, да и вообще на всю эту роскошь он поглядывал недружелюбно. Я грешным делом заподозрил, что это он от зависти. Было что сравнить с дорогими его сердцу вулканическими пещерами. По-моему, это сравнение его ожесточило, и я все подставлял ему разные деликатесы, пытаюсь привести друга в лучшее расположение духа. Что касается лично меня, я очень люблю изысканно и вкусно поесть.

Но настоящую битву мне пришлось выдержать, когда я попытался заставить его принарядиться. Максимум, на что соглашался этот невежда, – почистить свои тяжелые походные сапоги, растоптанные в долгой дороге и не имевшие уже никакого вида. Я привел ему все аргументы, начиная с того, что мы находимся в гостях, и было бы непристойно и неуважительно к хозяйке нарушать установленные ею правила, и заканчивая тем, что мне неловко будет стоять с ним рядом. Когда его боевые порядки были изрядно поколеблены, я нанес сокрушительный удар и полностью разгромил его оборону, заявив, что если он не будет наряжен и причесан со всем старанием, то сразу бросится в глаза среди самой шумной и пестрой толпы, а это – последнее дело для того, кто до поры до времени желает хранить инкогнито. И он сдался.

Пока я в полном изнеможении наслаждался плодами своей победы, мой привередливый друг перерыл предоставленное нам на выбор барахло и остановился на брюках и шнурованном камзоле из черного бархата, самых простых и скромных, лишь вдоль проймы и швов тронутых ниточкой золотого шитья. К камзолу он подобрал черную же шелковую сорочку без кружев, с отложным воротничком и высокими манжетами, плотно охватывающими руку от запястья до локтя и застегивающимися на целый ряд таких крохотных обтяжных пуговичек. Ко всему этому полагались еще щегольские, на мой взгляд, коротенькие сапожки из черной замши. Когда мой застенчивый друг завершил ритуал переодевания, затянув на талии широкий пояс с позорительно желтой пряжкой – единственной драгоценностью этого наряда, и небрежно махнул гребнем по своим золотым кудрям, кажется, на протяжении всей процедуры ни разу не взглянув в зеркало, я понял, в чем тут соль, и тоскливо вздохнул.

Ах, друг мой, ты заслуживаешь описания влюбленной женщиной, а не моего ехидного пера! Гардероб предоставлял на выбор множество костюмов, отделанных галуном, кружевами, драгоценностями, золотым и серебряным шитьем... И только этот, выхваченный почти наугад, выбранный за кажущуюся скромность, графический и почти траурный наряд не украшал, не заставлял размышлять о роскоши, богатстве и хорошем вкусе, а подчеркивал

его собственные молодость и красоту, сверкавшие, как оправленные в золото бриллианты на бархатной подложке. Даже зная наизусть всю теорию моды, Звенигор не мог бы одеться лучше. Не приведи судьба влюбиться нам в одну женщину, потому что рядом с ним меня просто никто не увидит. От дела с Железной Сворой у него был теперь маленький шрам над левой бровью и другой – под подбородком, почти незаметный, да я знал еще, что у него рассечено плечо. Отметины эти обещали остаться на всю жизнь, но они его ничуть не портили. Узкий силуэт камзола позволял ему хвастать идеальной пропорциональностью сложения, а тени под глазами и упрямая складка рта заставляли думать, что и за душой у него что-то есть. Мне доводилось видеть, как мои сверстники, не обладающие и половиной звенигорских достоинств, разбивали девичьи сердца, словно пустые бутылки. И еще он был пронзительно, до головокружения светел. Я лично знал только одного столь же красивого мужчину: старшего друга моего детства, моего зятя, Черного принца Рэя, но тот был весь из мрака и звезд, а Звен – из пламени и солнца.

– Это все, что в моих силах, – заявил саламандр. – Надеюсь, ты удовлетворен?

Я кивнул, оставив в своей совести каверзное замечание в том смысле, что теперь совершенно непонятно, кто кого тут сопровождает.

Глава 12

Бал Снежной Королевы

В нужный час по комнатам разлился трепещущий, серебристый зов колокольчиков, возвещавший о начале Бала Долгой Ночи, которая сожмнулась, наконец, над Заполярьем – исконными угодами Салазани и радовала ее сердце, объявляя начало поры ее владычества. Мы со Звенигором вы-

лянули в коридор. По нему меж перламутровых стен, уподобившихся берегам, чуть журча нетерпеливыми шепотками, лился поток гостей, вскоре превратившийся в бурную, полноводную реку, подхватившую нас и увлекшую вместе с собой в Большой Зал, ожидающий торжественного открытия. Нам пришлось взяться за руки, чтобы нас не разметало в стороны, и я очумело оглядывался, рассматривая толпу, кишевшую кругом, как пузырьки во вспененном шампанском. В моих ушах стоял прибой от доброй дюжины одновременных диалогов, находившихся в пределах достижимости слуха.

Нас окружали мужчины, женщины и твари, иногда довольно чудовищные, но и в безобразии стремящиеся к совершенству, разряженные, уже хмельные и жаждущие новых, разнообразных впечатлений. Дамы – в драгоценностях, шелках и перьях, возбужденные или томные, в зависимости от того, как действовал на них алкоголь, проявляли повышенный интерес к туалетам друг друга. К чести хозяйки, здесь не было двух одинаковых платьев. Мужчины вели себя ничуть не более скромно, и так же, как их спутницы, были увешаны драгоценными побрякушками. В этом сезоне явно входила в моду серьга в одном ухе. Никто не носил оружия, и я порадовался, что Звенигор оставил свою любимую игрушку в нашей комнате. Кругом бурлило искрометное, щедро подогретое веселье, и иногда я жалел, что приходится держать в памяти скучное и даже не свое политическое дело, и нельзя попросту подыскать тут какого-нибудь одинокого бессмертного духа в обличье прекрасной леди и взаимно расцветить этот чудесный вечер. Но нет, рядом, как неотвратимая тень, маячил Звенигор в черном, да и помимо всего прочего здравый смысл убеждал меня в том, что вряд ли я в состоянии тут для кого-то что-то расцветить. В любом случае, Салазани справится лучше меня. Густой бас за моим плечом сообщил спутнице – обладательнице кокет-

ливого смешка, что тысячи две лет назад именно на таком балу Салазани ввела в моду гладиаторские бои. Меня слегка передернуло от мысли о том, что же нам придется лицезреть сегодня, если ее фантазия продолжит работу в том же направлении.

Все это причудливое варево из разноцветных гостей кипело и бурлило, и наконец выплеснулось в Большой Зал, плоскими, чуть наклонными террасами воронкообразно спускавшийся к раковине оркестра и небольшой круглой площадке при ней. Мы разлились по террасам, тут уже стало посвободнее, все эти бесчисленные пары рассредоточились, говорок превратился в чуть внятный шелест, иногда прерываемый звоночком смеха, и я смог оглядеться.

Круглый в основании зал был накрыт правильной полусферой купола, молочно-белой и светящейся шелковым перламутровым блеском. Купол казался цельным, и мне пришло в голову, что Снежная Королева использует для строительства замороженную воду точно так же, как мы в Тримальхиаре с той же целью – быстро застывающий пенолит.

Настала продолжительная пауза, в течение которой хозяйка позволяла гостям оглядеться и занять удобные места. По воздуху поплыли подносы с напитками, несомые невидимыми слугами, достаточно ловкими, чтобы уворачиваться от столкновений с гостями и вместе с тем учтиво и настойчиво снабжать тех спиртным. Живой оркестр на эстраде наигрывал прекрасные меланхолические вальсы, однако никто пока не танцевал. Один из них безжалостно оборвался, будто цветок сорвали, рожки сыграли мелодию торжественного выхода, в которой все бы ничего, да вот только ускоренный темп придал ей выражение легкого цинизма. Бордовый бархатный занавес над изящно изогнутой лестницей в дальнем конце нижней площадки чуть раздвинулся, придерживаемый холеной, несомненно дамской ручкой с ногтями, экстравагантно выкрашенными в черный цвет. Некоторое время все мы созерцали ручку, обладательница которой о чем-то торопливо совещалась с теми, чья очередь выходить еще не настала, потом занавес отдернулся, герольд у нижней ступени преклонил колени и провозгласил:

– Ее высочество леди Эвелина!

За моей спиной кто-то нервно всхлипнул, а из мерцающих бордовых складок вынырнула неожиданно просто одетая блондинка. Зал взорвался аплодисментами, а она сошла вниз, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не оступиться на скользких ледяных ступеньках. Справившись с этим делом, она выпрямилась, чуть улыбнулась и помахала гостям рукой с черными ногтями. Ее помада тоже была черной, и платье – тоже, короткое, с юбкой-«солнцем», едва прикрывавшей колени и веером разлетающейся при каждом шаге. С высоты нашей террасы я не мог рассмотреть черты лица, а потому все внимание досталось ее прелестным ножкам, затянутым в светлые чулки: не очень длинным, но

очаровательно округлым в икре и тоненьким в породистой циклотке. Белокурые, круто выходящие волосы пышной гривой спадали до талии, а над лбом их придерживала шелковая лента: белая, в крупный черный горох. Широкий круглый воротник из такой же ткани украшал платье, и таким же был пояс. Она должна быть важной птицей, если посмела одеться на этот бал так подчеркнуто буднично, тогда как прочие лезли из кожи вон.

Принцесса Эвелина, привыкшая к тому, что на нее устремлено множество глаз, остановилась на площадке у подножия лестницы, вполоборота к нам, и присоединила свои аплодисменты к овации тех, чьи руки не были заняты бокалами.

– Ее высочество леди Эстер! – накрыл толпу звучный голос герольда.

Черная Дама, хозяйка той ночи страхов, выскользнула из-за занавеса и на секунду задержалась на верхней ступени, окинув зал взглядом, в котором притаилась мрачная усмешка. Овация стихла в единый момент, и мне показалось, что я слышу гул биения сердца. Одетая в маленькое золотое платье и черное болеро, в черных чулках и неизменных лаковых туфлях на высоченной шпильке, она, улыбаясь произведенному эффекту, медленно стекла вниз и соприкоснулась щеками с Эвелиной. Приветственный поцелуй напоказ. Я был уверен, что они уже беседовали там, за кулисы. Блеснули вызолоченные ногти худой длиннопалой руки, а губы Эстер были оформлены в виде золотого осеннего листа, вплоть до мелких зубчиков по краям, придававших ей еще более хищное выражение. Ее притягательная сила была невероятна, огромна, непреодолима, и в пику ей я – вреднейшее существо! – подумал, что ее блестящие черные волосы выглядят так, будто нарисованы на черепахе ваксой и как следует начищены. Я ухватился за эту непочтительную шутку и держался изо всех сил, отчасти потому, что Эстер бросала меня, как и всех, в душевный трепет и мелкую дрожь, а отчасти потому, что догадался, кто появится следом.

Она и появилась, когда герольд огласил ее имя, и сошла вниз, опустив глаза и будто стесняясь своей роли в этом торжестве. Как один человек, гости преклонили колени, а моя Белая Дама, донна – или, как ее представили, принцесса – Соледад обменялась салонным поцелуем с Эвелиной и Эстер, прихотившимися, как я понял, ей родными сестрами. Она была в белом длинном платье, и белая роза вновь украшала ее скотлые гребнем волосы. Мне показалось, что она не в духе, причем сильно.

Я – личность безалаберная, но одно из положительных свойств присуще мне от рождения: я никогда не упускаю случая что-то узнать и быстро учусь. У меня отличная память и неплохая интуиция. Поэтому, глядя на трех сестер Салазани, ожидавших ее выхода у подножия лестницы, я уже был почти готов назвать их истинные имена. Все они были очень важными персонами, и их присутствие делало Снежной Королеве честь.

Внезапно оркестр во всю мочь грянул «Застольную» Верди, занавес раздвинулся, и на верхней ступени появилась хозяйка под руку с каким-то здоровенным существом, разряженным под римского императора в алое и золотое. Мне даже не сразу удалось определить породу этой твари, пока скандализованная дама справа от меня не воскликнула с возмущением и восторгом:

– Да это же гоблин!

Она обернулась к подруге, желая немедленно обсудить свое открытие и передать его дальше.

– С ума сойти, – донеслось с другой стороны. – Такого еще не было!

Я заметил, что Соледад не присоединилась к овации. Я пожал плечами. Нелепо разряженный гоблин напоминал дога на поводке, его лицо было нестерпимо самодовольно, ему нравилась вся эта роскошь, весь этот шум, и сам себе он тоже очень здесь нравился, но его восторг не шел ни в какое сравнение с восторгом Салазани, похожей на маленькую девочку, которой удалось привлечь общее внимание. Все равно – чем.

– Пустить гоблина в гостиную! – ахнул кто-то. – На такое способна только она.

Послышался шлепок веером, смехок и ехидная поправка:

– Не только в гостиную, мой друг. В спальню!

Голос Звенигора за моей спиной чуть слышно выдохнул:

– Какая мерзость!

Я едва сдержался, чтобы не высказаться в том смысле, что если человеческие девушки могут с интересом поглядывать на саламандра, что я на протяжении нашего пути замечал не раз и не два, то гоблин, теоретически, ничем не хуже. Разве что моется не каждый день. Просто все дело в личном вкусе. Однако донна Соледад, похоже, разделяла Звенигорушкино мнение и, поцеловав сестру, быстро отошла, чтобы быть от этой пары подальше.

А пара смотрелась эффектно. Миниатюрная Салазани явно затмевала своего неотесанного спутника и, очевидно, была без ума от его варварства, неуклюжести и неуместности. С ее точки зрения, в этих качествах он достигал совершенства. Сама она была одета в удивительное платье с юбкой из тяжелого мерцающего бордового шелка и корсажем-сеточкой из золотых нитей, украшенным мелкими филигранными розочками, раскиданными по нему тут и там. Ее прическа из собственных волос напоминала японскую: высокую и сложную, закрепленную на темени длинными золотыми же шпильками. Все это золото и бордо оттеняло ее смуглую кожу и обжигающие глаза. Ее помада и лак на длинных ногтях напоминали застывшую кровь.

Когда она спустилась вниз и стала центром водоворота гостей, я попытался получше рассмотреть ее спутника. Что-то в нем было неуловимо знакомое, и я всюду напрягал мозги, пытаюсь выяснить, откуда у меня могут быть подобные знакомства. В Тримальхиаре, и особенно в Хайпуре гоблинского духу и в помине не было, они и сами стремились Белье города обходить десятой дорогой. Это должно быть как-то связано с Реем. Его компания. Озарение пришло в тот момент, когда кто-то достаточно громко назвал фаворита по имени. Ну разумеется, Удылгуб! Военачальник Черного принца, которого Рэй подчинил себе при помощи армрестлинга! Мне взгрустнулось. Поганая штука – жизнь, в ней и на грош справедливости нет. Красавец и умница Рэй сгинул без следа, а вот громила Удылгуб процветает и наслаждается благами жизни.

Отцепившись от локтя Удылгуба, Салазани взмахом рук привлекла всеобщее внимание, и голосок ее разнесся по всему залу. Она поблагодарила гостей за участие в ее торжестве и, улыбаясь с намеком, что Удылгуб – не единственный гвоздь развлекательной программы, объявила:

– Сегодня я предлагаю провести нашу праздничную ночь под звездами!

Все, как один, и я в том числе, устремили взгляды вверх, в высшую точку купола, от которой при словах Королевы стремительно разбежались восемь радиальных трещин. Кое-где в зале послышались испуганные восклицания, а прочие гости в немом изумлении следили, как восемью треугольными лепестками раскрывается огромный купол. Все восемь легли горизонтально, образовав нависшие над океаном террасы, и во дворец вошла звездная ночь. Оркестр молчал, словно благоговей перед этим величием. Не было ни стужи, ни ветерка. Возможно, я первый догадался, что под раскрывшимся куполом был еще один, из прозрачного, как хрусталь, льда, под которым все мы стояли, как под перевернутым коньячным бокалом.

Но и это был еще не последний шок, приготовленный для нас изобретательной Королевой. Стоило первым несмелым шепоткам осквернить величие ночи, как над пузырем купола во всю небесную ширь встало ослепительно-белое зарево. Это было так неожиданно и мощно, что в зале раздался истошный визг. Зарево размазало и разложилось на цвета спектра, это была радуга, но – во все небо, нарисованная широкими мазками, как будто по листу мокрой бумаги. Цвета произвольно текли, смешивались и расплывались, цветные пятна, немислимо преломляясь кристаллом купола, беспорядочно блуждали по залу, к восторгу дам, с упоением следивших, как меняются при этом цвета платьев, волос и лиц. Я наслаждался этой выдумкой до тех пор, пока не почувствовал, что тону в ее безумии. И стоило мне ощутить тяжесть в мозгу, как полярное сияние угасло. Поразмыслив, я пришел к выводу, что сама Салазани должна была бы считать этот трюк дежурным, поскольку особенно сильно он действовал только на новичков, и не придавала ему особенного значения. Сама она слишком часто имела возможность им любоваться.

Вполне насладившись нашим выраженным во всеуслышание восхищением, Салазани подала какой-то неуловимый знак, и по периферии зала вспыхнули огни, свет которых, подчиняясь причудливой оптике кристалла, заиграл в его гранях так, будто все мы вдруг оказались внутри бриллианта. Вместе со светом вернулась музыка, и Бал Долгой Ночи начался.

Времяпрепровождение предоставлялось гостям на выбор. Здесь было достаточно места для тех, кто вздумал бы танцевать. Для прочих вдоль стены обнаружилось удобные кресла, расставленные среди изваянных из льда цветов, сгруппированных в настоящие маленькие сады, едва ли не более причудливые, чем природные. При должном старании в этих зарослях можно было отыскать даже местечко для уединения. И я подумал, что не прижился бы здесь надолго. Я – не Удылгуб. Все вокруг показалось мне скоплением декораций, не одухотворенных свободой, любовью, искренностью, желанием

друг другу добра. Все здесь было нагромождено лишь с целью произвести впечатление. А я не мыслю себя без солнца, зелени и живых цветов. На них я променял бы и самое замысловатое полярное сияние. Может, дело тут в воспитании, а может – в душевной организации. Мне все здесь нравилось, все криком кричало об искусстве, изящном вкусе и утонченном эстетстве, но я был рад, что наслаждаться всем этим мне придется только несколько часов. Поэтому я ухватил с пролетавшего мимо подноса радужный коктейль и потащил Звенигора смотреть Шахматный балет.

Танцоры, чьи лица были скрыты фарфоровыми масками, двигались по клетчатой квадратной доске, строго соблюдая правила благородной игры. Облегающие костюмы позволяли им демонстрировать сложную игру мышц, а потрясающе подобранное цветное сопровождение превращало балет в сюрреалистическое действие, имитирующее борьбу Света с Тьмой. Знакомая мне до сердечной боли тема, в которой лишь сравнительно недавно появились новые акценты, а именно: что считать Добром, а что – Злом, что – Светом, а что – Тьмой? Как быть, если они объединяются, пересекаются и перерождаются друг в друга? Будь я всемогущ, я перенес бы арену этой борьбы в человеческие сердца, чтобы каждый пережил свой Армагеддон не на поле брани, где силу Добра или Зла докажет оружие и численное превосходство, а в собственной душе. Чтобы в этой битве гибло само Зло, а не его зачастую безвинный носитель, приговоренный тем, кто тоже не одержал в себе победы, чтобы Добро не оскверняло себя палачеством. Не будет ли право под лозунгом Света нести смерть Тьме первым знаком торжества последней? Господи, прости меня, я молод, дерзок и глуп, но я всем сердцем ненавижу войну.

Там, на доске установился пат. Салазани достаточно умна, чтобы не отдавать открытого предпочтения ни одной из могущественных сторон. Свет на мгновение померк, потом вспыхнул снова, но доски уже не было, и веселая музыка ненавязчиво предложила гостям выкинуть из головы мировые проблемы. Салазани бросила Удылгуба в одном из кресел с бокалом бренди – видно, не очень-то блестящий вышел из него собеседник! – и теперь обходила зал, чтобы сказать каждому пару слов. Попутно она ела мороженое. Она шла меж гостями, собирая их поклоны, улыбки, комплименты, не забывая при этом отправлять в рот очередную порцию на самом кончике стеклянной ложечки. Ей-богу, она делала это так, что я только изумлялся, почему до сих пор не растаяло не только мороженое, но и само это циклопическое сооружение – ее ледяной дворец.

Признаться, у меня ухнуло сердце, когда Салазани остановилась передо мной.

– Я польщена вашим вниманием, сэр Артур, – сказала мне Снежная Королева, – и пристыжена своею забывчивостью. Мне может служить оправданием лишь то, что я не могла рассчитывать на

ваши время и любезность. Прошу меня извинить. Впредь, как и сейчас, вы желанный гость на моем балу. И если однажды вы не получите приглашения, то не по моей невнимательности, а по вине моей почтовой службы. Прошу вас бывать здесь всегда.

Я поклонился, смущенный тем, что она привлекла ко мне общее внимание. Разумеется, она прекрасно знала, что мы с нею однажды противостояли друг другу волшебством, но она была в курсе моего к ней уважительного отношения, и оба мы не держали друг на друга зла.

– Вы – желанный гость, – повторила она, отступая на шаг назад, – и я надеюсь, что в моих силах сделать так, чтобы вы не скучали. Я объявляю танцы!

Грянула музыка, Салазани еще раз обернулась в нашу сторону, озадачив меня неожиданно озабоченным и даже хмурым выражением лица. Я не успел над этим поразмыслить, как на мой локоть положила пальцы леди Эвелина.

– Вы танцуете, сэр?

– Не могу отказать леди.

Она прекрасно чувствовала себя в вальсе. Духи земли и неба, это был Чайковский! «Вальс цветов» понес нас по террасе, и я пользовался случаем разглядеть вблизи этого бессмертного духа, все более убеждаясь, что верно определил ее настоящее имя.

Издали она казалась молоденькой девушкой, однако когда я смотрел сверху вниз, в ее точеное личико сердечком, с кожей, цветом и гладкостью сравнимой лишь со слоновой костью, без малейшего румянца, в ее странные желтовато-серые глаза, строгие и, казалось, отделяющие саму душу от тела, на ее пышные волосы без какого-либо цвета, напоминавшие стеклянный дым, я подумал, что провести на сей счет она могла бы только очень невнимательного невежду. Бог знает, сколько ей на самом деле было веков. Мне казалось, я видел, как этот самый облик ткется из тримальхиарских сумерек, как эта тень подходит к моей матери, касается ее локтя, доверительно берет ее под руку. Да и в доме Джека, в углу, погруженном в предвечернюю мглу, под звуки его золотой арфы, она тоже была, я мог бы в том поклясться. Почти.

Я спросил, бывала ли она в Тримальхиаре. Она кивнула, не сводя с меня глаз цвета янтаря или шампанского. Возможно, пробовала на мне свою власть.

– Да, – подтвердила она. – Я хорошо знакома с леди Клайгель, вашей матушкой. Как и она со мной.

Не дожидаясь окончания вальса, она выскользнула из моих объятий. Я удержал ее взгляд и кисть с черными ногтями и вполголоса назвал ее по имени: «Печаль».

– Пять баллов! – невесело усмехнулась она и смешалась с толпой.

Пока я следил, как мелькает среди гостей ее белая голова, другая рука легла поверх моей. Я внутренне содрогнулся, увидев вызолоченные ногти.

– Учтивый кавалер не откажет даме, если та по-

просит у него танец? – низким, уже знакомым мне голосом насмешливо спросила Эстер.

Благодаря каблукам, она была чуть выше меня. Ее духи имели тяжелый смолистый запах, платье мерцало, переливаясь, словно рыба чешуя или змеиная кожа, и молчание в танце с ней было невыносимо, как будто вся ее сила заключалась в великом молчании. Она притягивала к себе, как бездна, и противостоять ей не было ни воли, ни сил. Лишь в разговоре нашел я свое спасение.

– Мне кажется, – сказал я ей, – вы должны были знать моего отца.

Это был пробный шар, но он сделал свое дело. Осенний лист ее губ пришел в движение.

– Да, – ответила она, – разумеется. Хотя серые лебеди Люитена, его ангелы, не вполне в моей компетенции. Тем не менее, на своем пути все они приходят ко мне. Как в свое время придете и вы.

Она усмехнулась.

– О да, я не пользуюсь любовью смертных, хотя, поверьте, сэр Артур, это чувство не взаимно. Ни к кому из вас я не испытываю негативных чувств, разве что иногда – более живой интерес...

– Смеем предположить, вы презрительно равнодушны к нам? Да и может ли быть иначе, раз именно вы на всем ставите крест?

– Скорее, точку. Точку в конце. Я вас пугаю?

Я покачал головой.

– Я пережил тот возраст, когда ужас от осознания вашего существования и особенно от моей подвластности вам почти останавливает сердце. Десять

лет, пробуждение в одинокой спальне среди ночи. Тогда был леденящий страх. А теперь... – я улыбнулся, – теперь я с этим свыкся настолько, что могу позволить себе отложить страхи до времени.

– Догадливый молодой человек, – бесцветно сказала Эстер и двинулась прочь, сквозь толпу. Не знаю, каким она пользовалась волшебством и имела ли на это право, но я ощутил резкий, как удар под дых, и такой же болезненный приказ следовать за собой. Хорошенькая прощальная шутка, без видимого усилия сломавшая мою волю и чувство противоречия. Я рванул за ней. Огненный язычок глупой гордости лизнул меня: не каждый может похвастаться, что вальсировал с самой Смертью. Возможно, порыв этот кончился бы для меня очень плохо, но рука в белом рукаве, отороченном лебяжьим пухом, нежно, но твердо удержала меня.

– Нет, сэра Артур, для вас это пока еще слишком рано.

И я забыл про Эстер, про то, что она вообще существует на свете, и про то, что рано или поздно я все-таки пойду за ней. Власть Соледад была надо мною неизмеримо больше, чем власть Эвелины или даже ее Черной сестры.

Но, как ни странно, кружась в паре с Соледад, я отрезвел. Не было никаких причин считать внимание ко мне прекрасных сестер Салазани следствием моей собственной неотразимости. Эвелину и Эстер я еще мог бы переварить, но ослепительная Соледад ни за что не клюнула бы на мое ничтожество. Не успел я, однако, ни спросить ее об этом, ни назвать ее настоящее имя, в котором я уже не сомневался, как она шепнула мне:

– У меня к вам дело.

И я почувствовал к ней безмерную благодарность за то, что она не стала превращать меня в пузырьки в шампанском. Хотя могла бы, видит бог, как никто другой.

– Салазани затеяла игру, – продолжила Соледад через секунду, убедившись в моем полном внимании. – И попросила нас в ней участвовать. Эвелина и Эстер только что мастерски выполнили свою часть плана.

– А вы выполняете свою? – «не поверил» я.

– Мне не нравится то, что делает моя дражайшая младшая сестричка, – сказала моя Белая Дама. – Мне не нравится, когда она пользуется подобными методами, поэтому я сочла необходимым предупредить вас.

– Мне грозит опасность?

Она чуть усмехнулась.

– Не вам, – коротко ответила она, и мне потребовалось некоторое время, чтобы осознать, кого она имеет в виду. – Где ваш спутник?

Я огляделся и даже поднялся на цыпочки, но во всем зале не было и намека на золотую голову Звенигора. Удылгуб со своею красной рожой сидел в кресле и наливался бренди. Салазани я тоже не заметил. Тогда я обратил на Соледад вопросительный взгляд.

– Я в курсе истории со Златовером, – сказала она. – И хотя я ничуть не сочувствую старому саламандру, я считаю, что Салазани – безжалостная, жестокая девчонка, напрочь лишенная чувства меры. Она только посмеется, если ей удастся растоптать еще одну жизнь.

– Вы полагаете, Звенигор смертельно рискует?

– Не смертельно... но это как посмотреть. Разумеется, она не будет его убивать, если сумеет укротить его другим способом.

Я снова поглядел на Удылгуба.

– Вы имеете в виду... она попытается его соблазнить?

– Непременно.

Я недоверчиво фыркнул.

– И вы полагаете, что человек... тьфу, саламандр, испытывающий к ней самую чистосердечную ненависть, так вот запросто возьмет и влюбится в ту, кого считает своим наипервейшим врагом? Это же Звенигор!

– А это – Салазани!

После минуты тишины она заговорила вновь.

– Если даже он не полюбит ее всем сердцем, он наверняка с тою же силой и страстью возненавидит себя. Во всяком случае, его ждет измена народу, отцу и себе – от этого треснет пополам любое самое золотое сердце. Он будет сражаться уже не столько с ней, сколько с самим собой, и на долю Салазани придется не так уж много.

У меня опустились руки.

– Звен пойдет на что угодно, – упавшим голосом сообщил я, – лишь бы вернуть отцу жизнь и здоровье.

Она взяла меня за руку и развернула в сторону Удылгуба.

– Посмотри на него, – сказала Соледад. – Он свято уверен в том, что Салазани обещала ему Черный трон. Но он не знает, что она никогда в жизни не держала слова. Ему она говорит: «Потерпи!» А пока он терпит, найдет себе новую игрушку. Не так уж он и интересен, этот гоблин. По своей воле моя сестричка еще никому ничего не отдавала. Так что, боюсь, ваш неосторожный друг попал в большую беду.

– Послушайте, донна Соледад, – взмолился я. – Я не позволю ей вытирать о Звенигора ноги! Если вы хоть немного сочувствуете нам, а очевидно, так оно и есть, иначе вы не начали бы этого разговора, помогите мне найти ту нору, куда она его уволокла, и вытащить его оттуда, пока бедный саламандр не потерял голову и честь.

Она подобрала длинный подол и с видом воплощенного достоинства, который весьма ей удавался, двинулась из зала вон. Соблюдая этикет, я с непроницаемым лицом проталкивался следом, но стоило нам выбраться в пустынный коридор, как мы припустили, что есть сил, словно зайцы, и, остановившись у дверей личных покоев Салазани, откуда доносились знакомые голоса, некоторое время переводили дух, весело глядя друг на друга. Оба мы

были озабочены, но я все же не мог не признать, что это чертовски забавная штука – носиться по коридорам дворца Снежной Королевы наперегонки с самой Красотой.

– Ну? – шепотом потребовала она... и я осознал, что весь мой пыл угас. Глядя на высокую дверь, покрытую перламутровой инкрустацией, я ощущал сильнейшее замешательство. Разумеется, Звенигора надо было вытаскивать из западни. Но... КАК?!

Глава 13

Дипломатия Снежной Королевы

Теперь, как и тогда, я нахожусь в затруднительном положении. Дело в том, что я собираюсь описать сцену, при которой не только сам не присутствовал лично, но и никоим образом не был информирован ни одним из ее непосредственных участников. С Салазани я не говорил, а Звенигор, кажется, по этому поводу способен только нечленораздельно рычать. Собственно, ЧТО произошло между ними, я знаю. Вот только не знаю, КАК все это было, а потому рискну пространство между прологом, когда мы с Соледад топтались на месте, подурачки таращась на запертую дверь и измышляя достойный предлог ворваться, и эпилогом той же истории, заполнить с помощью фантазии, опирающейся на достоверные факты, собственные наблюдения и доподлинно известные характеры.

Ее взгляд был одновременно любопытным и высокомерным. Казалось, что она одновременно сдерживает гнев... и смех.

– И ты полагаешь, – спросила она, – что я не знаю в лицо всех, кто представляет для меня хоть какой-то минимальный интерес? Я не люблю, когда меня недооценивают. Неужели ты думаешь, что я не определила бы саламандра, даже в таком привлекательном человеческом обличье? Да еще со знаком королевского слова, – она указала на кольцо. – Ну, вы все еще отрекаетесь от своей личности, принц... или, может быть, уже король Звенигор?

Это было бы бессмысленно. Поэтому он только молча поклонился. Не очень глубоко. Она еще раз дала ему возможность убедиться в своем уме, едко заметив:

– О Клайгеле можете не беспокоиться, о нем лично позаботятся мои сестры. Уверяю, он не соскучится в их компании. Сестрички охотно предоставят достойную пищу его уму и любопытству. Во всяком случае, я не знаю ничего лучше шампанского и вальса, когда нужно кому-то вскружить голову. Может, и мы потанцуем?

– Я не люблю и не умею танцевать, – сказал Звенигор, мысленно кляня себя за резкость, которая годилась лишь на то, чтобы позабавить Салазани.

– Жа-аль, – протянула та. – Удылгуб – тоже. Тогда, может быть, мы воспользуемся отсутствием наших спутников и обсудим дело, которое завело вас в такую даль от наследственных владений? Раз уж вы, в отличие от Белого принца, явились не танцевать.

Звенигор непроизвольно окинул взглядом зал и, боюсь, в душе проклял мое легкомыслие. Наверняка ему тоже было бы много проще беседовать с Салазани в присутствии третьего лица, нейтрального и искушенного в дипломатии. Она, очевидно, смеялась над ним, а ему не хватало хладнокровия и... невоспитанности, чтобы ответить ей достойно. Он слишком ненавидел эту маленькую шелковую стерву и был слишком озабочен тем, чтобы невзначай не выдать истинных чувств и не испортить то, что еще можно было бы спасти. Впрочем, когда его глаза встречались с ее насмешливым взглядом, ему казалось, что пресловутые истинные чувства для нее далеко не тайна, и что они забавляют ее. Как и весь он сам.

– Ну так как? – нетерпеливо повторила Салазани. – Займемся... дипломатией, или вы, сударь, без ширмы не можете?

– Я к вашим услугам, – сказал Звенигор, обретаемая если не хладнокровие, то, по крайней мере, его видимость. И пошел за нею сквозь толпу.

Ее личные покои очень мало напоминали конференц-зал. Это была уютная гостиная, уставленная фарфоровыми лампами и прочими безделушками из моржового рога и перламутра. Вся мебель здесь выглядела лишь чуть побольше игрушечной: круглые столики на одной фигурной ножке, козетки и диванчики, обитые шелком, стулья с гнутыми спинками. Поистине, нужно быть эльфом, чтобы двигаться тут без опаски. В углах стояли большие вазы из расписного фарфора. Арочный дверной проем, ведущий в спальню, отделяла драпировка из черного шифона. Там, за ней, тоже горели светильники, и сквозь прозрачную занавесь виднелся кусочек обстановки: изящный комод в стиле ампира и краешек кровати, шириной с футбольное поле, накрытой шкурой полярного медведя.

Салазани предложила Звенигору придвинуть к столику плетеное, на вид почти дачное кресло, а сама заняла высокий вращающийся табурет напротив. Расстояние, разделявшее их, было минимальным. Вероятно, в том, что встречающимся на переговорах дипломатический этикет предписывает держаться в рамках своего физического пространства, есть очень глубокий смысл. Во всяком случае, мой бедный высокоморальный саламандр имел сейчас возможность в этом убедиться. Салазани отлично знала все эти правила, и вполне осознанно вторгалась в его собственное пространство.

– Очевидно, – сказала она, – вашему визиту есть причина. Я далека от мысли, что это – визит вежливости, имеющий целью договоры о сотрудничестве или, хотя бы, взаимном нейтралитете. В таком случае вы не обставляли бы его с такой секретнос-

ты и не выгадывали бы с рассудительностью страуса место и время встречи. Все и всегда назначаю здесь только я. Так что, по всей видимости, вы приехали скандалить. Не имея ничего против вас лично, принц, я все же должна предупредить, что если вы намерены повторить тон короля Златовера, ничего доброго из этого не выйдет.

– Я прибыл говорить с вами, Салазани, именно о короле Златовере.

Она одарила его обольстительной улыбкой.

– Как здоровье вашего достопочтенного батюшки?

– Про то вам лучше знать, – ответил Звенигор, только что не трясаясь от бешенства.

– Совершенно верно. Боюсь, долго он не протянет.

Звенигор рискнул встретиться ее смеющийся взгляд.

– А может, хватит?

И получил в ответ пригоршню дразнящего смеха.

– Я не уверена, что урок усвоен, – непринужденно сообщила ему Королева. – И не подумаю снимать заклятье Ледяного Сердца. О, я понимаю, вы привязаны к отцу и всему свету стремитесь доказать свою преданность, хотя могли бы тот же пыл употребить на кого-нибудь более достойного, и куда результативнее. Поймите же и вы меня. Я не обязана сносить провинциальное хамство.

– Если вы настаиваете, я готов принести извинения от лица Златовера и предлагаю продолжить переговоры с того места, на каком они были прерваны.

Она сделала вид, что задумалась.

– Так-то лучше, – милостиво кивнула она в ответ. – Много, много лучше. Пожалуй, мне даже импонирует эта идея. А если в обмен на жизнь Златовера я потребую территориальных уступок?

– Я рассмотрю все ваши претензии, исходя из здравого смысла.

– Ну что ж, – решила она. – Я с удовольствием продолжу переговоры с королем... Звенигором. Оскорбивший женщину умрет.

– В таком случае не может быть и речи ни о каких переговорах.

– Ну и что? Я достаточно могущественна, чтобы пожертвовать властью над землями саламандр в угоду личной прихоти.

– Мадам, – сказал Звенигор, – вы занимаетесь политикой. Имея в своей власти жизнь и смерть моего отца и сюзерена, вы должны понимать, что владеете средством давления как на меня лично, так и на весь народ. Если Златовер умрет, вы это средство давления потеряете, а взамен получите смертельного врага в моем лице и войну впридачу.

– Какая прелесть! – хихикнула Салазани. – Еще никто, кажется, не додумался угрожать мне оружием! Меня клянет каждая живая душа, но, признаться, перед моим могуществом склоняется самая гордая голова.

– Я не хочу войны, – напомнил саламандр. – Поэтому я здесь один, а не со своим войском. И поэтому я предпочитаю вести цивилизованные пере-

говоры, а не швыряться угрозами. Но мне не хотелось бы, чтобы вы подумали, будто мои угрозы – пустые. Саламандры – единственный народ, чье природное оружие чего-то стоит против вас.

Она встала и, шелеста шелком, прошлась по комнате, лишь невозможностью усидеть на месте выдавая свое нетерпение.

– Давай посмотрим на ситуацию с другой точки, Звенигор. Мне кажется, твои стремления благородны, но не вполне разумны. При всем моем желании найти позицию общих интересов, я не понимаю твоего стремления добровольно уйти в тень. На шаг отступить от трона. От трона, к которому ты расчистила тебе дорогу. Если Златовер вернется, твоя личность вновь не будет ничего весить, я знаю ваши порядки. Я предлагаю тебе союз, от которого я получаю моральное удовлетворение, а ты – корону. Твои собственные руки чисты. Мне кажется, ты должен быть мне благодарен.

Он знал, что она не сводит глаз с его лица, ловя малейшую мелькнувшую на нем мысль, и что есть силы стиснул челюсти, чтобы не взорваться яростной руганью. Сейчас она взбесила его до дрожи. И он не собирался поддерживать это ее словно бы случайное «ты».

– Вы полагаете, что корона Златовера – предел моих стремлений?

Она снова села, но не на прежнее свое место, а на сам столик, боком, почти до невозможности сократив расстояние. Теперь, если бы он захотел увидеть ее глаза, пришлось бы смотреть на нее снизу вверх.

– А что, – тихо спросила она, – предел?

Он не ответил, упрямо глядя в перламутровую поверхность стола, отсвечивающую бордовым от сочного цвета шелка, струящегося по ее бедру.

– Принц Звенигор, – прошептала она с искоркой смеха, – ты не боишься проткнуть себе ногтями ладони?

И положила руку на его стиснутый кулак.

– Что-то во мне тебя раздражает?

Сказать по правде, его раздражала ее теплая кожа, ее мягкое, бархатистое тело, светящееся под ажурной золотой сеточкой корсажа, называемого одеждой только насмешки ради. Его бесило то, что, по-видимому, сам он не является для нее закрытой книгой. И еще – аромат духов. Он старался не дышать глубоко, чтобы не позволить этому сладкому яду затуманить и отравить мозг. Когда это она успела вынуть шпильки, позволив рассыпаться волосам?

– Похоже, – засмеялась Салазани, – наши переговоры зашли в тупик.

Она кончиками пальцев приподняла его подбородок, заставив Звенигора посмотреть на себя, и удерживала, пока он сердитым жестом не отвел ее руку прочь. Но его собственная взбунтовавшаяся рука на долю секунды дольше, чем это было необходимо, касалась ее кисти.

– Ты предложил за жизнь Златовера территори-

альные уступки, – негромко заметила Снежная Королева. – Что, если к его короне я тоже добавлю кое-что от себя? Может, хватит этого достойного высеских похвал героизма?

Огромным усилием воли Звенигор заставил себя подняться на ноги. И обнаружил, что ее тонкий упругий стан под смолистым шелком волос, кажется, в самый раз по его ладоням. Салазани соскользнула со стола в его объятия и оказалась даже ближе, чем он опасался вначале. Он чувствовал ее всю, жадно прильнувшую к нему. Чувствовал холодок лакированных ногтей на своей шее. Ее дыхание касалось его висков и шевелило волосы.

– О чем мы говорим? – засмеялась Салазани. – Надо ли нам вообще о чем-то говорить? И если надо, почему бы не сделать это завтра? Расслабься. Поцелуй меня. Имей мужество хотя бы себе самому признаться, что желаешь меня.

Соледад вопросительно поглядывала на меня. Собственно, она уже исчерпала все, что хотела для нас сделать, и ждала, пока я сочиню достойный предлог сорвать Салазани игру.

– Черт, – сказал я смущенно. – Если не ваша могущественная сестра, то уж Звенигор-то точно сломает мне челюсть, если я вопрусь не вовремя. И даже если сам он впоследствии признает мою правоту, не думаю, чтобы его благодарность облегчила мои страдания.

Голоса за дверью сменили интонации, стали тише. На лице Белой Дамы отразилась искренняя мука, она поглядела на меня так, будто сама была бы рада въехать мне в челюсть, и сделала несколько шагов прочь. Я схватился за голову, потерял виски и взялся за ручку.

– Да, – послышался из-за двери отчетливый голос Звенигора, – я тебя желаю... злейшему врагу!

Раздались грохот и женский крик, и, кажется, там что-то еще разбилось, и не успел я подивиться крутизне их секса, как дверь распахнулась, и из будуара Салазани, чуть не сбив меня с ног, вылетел Звенигор в таком бешенстве, что я инстинктивно попытался сбежать. Соледад ойкнула и исчезла. Мне показалось, что от уголка рта саламандра через всю челюсть и на шею протянулся кровавый рубец. Потом выяснилось, что это всего лишь помада. Уж не знаю, что предпочел бы сам Звенигор.

В следующие пять минут я очень много узнал о Салазани, о ее возможном происхождении и предположительном родстве с разного

рода животными. Клянусь, в жизни не слышал более чудовищной брани! Это была настоящая фольклорная сокровищница. Сначала ее богатство шокировало меня до немоты, потом я слегка оклемался, достал карандаш и блокнот и, дождавшись, пока меж сочными эпитетами появились более или менее приемлемые паузы, смиренно попросил его повторить все с самого начала, так как я кое-что не успел записать.

Саламандр коротко хрюкнул и заткнулся. Все-таки я знал его неплохо. К тому времени мы уже добрались до нашего временного пристанища, и я рискнул намекнуть ему на помаду. Звенигор сгрел в охапку свои старые походные шмотки и скрылся в ванной. Пока я ждал его, меня разбирал самый неуважительный смех. А ждать пришлось немало. Когда он, наконец, появился, то избегал моего взгляда. Кожа на щеке была растерта до красноты. И похоже, в этот раз крутому кипятку он благодарно предпочел ледяную воду.

– Чего расселся? – бросил он мне. – Немедленно убираемся прочь. Иначе вообще отсюда не вырвемся.

С немалым сожалением я переоделся и упаковал вещмешок. Звенигор, управившийся раньше, смотрел на море за окном. Раза два я заметил, как он передернул плечами. Встрепанный и беспокойный, это опять был Звенигор, которого я знал, к которому испытывал горячую симпатию, а не тот сногшибательный красавец, привлекая внимание самой Салазани.

– Арти, – вдруг спросил он, – ты считаешь, я не сделал всего, что было в моих силах? Жизнь короля дороже чести принца.

– Это банальность, Звен. Я не люблю банальностей.

Наверное, он опять чувствовал себя самым одиноким саламандром на свете. Почему каждый его шаг чреват жестоким выбором? Ей-богу, слишком

много для одного. И сейчас ему нужно было участие всерьез.

– Звен, – сказал ему я, – ты сделал больше, чем в принципе мог. Соледад готова была держать пари, что ты не выступишь. Она, как никто, знает Салазани. Я бы даже сказал, из этой переделки ты вышел с честью. Знаешь... говорят, что хорошая женщина возвысит, плохая же – низведет, и в этом смысле Салазани чертовски плохая женщина. Если бы ты переспал с нею, это была бы ее победа. Не твоя. Не вытасил бы ты отца, а она бы только посмеялась и в очередной раз получила бы все. Так что все было верно.

– Все верно, – хмуро повторил он. – И все – зря! Я там же, откуда начал. Только... Арти, мне еще паршивее, чем было дома. Неужели я в самом деле не в состоянии ничего изменить?

Он усмехнулся и нервно сплел пальцы.

– Одной вещи я и вправду не пробовал. Надеюсь, что до этого не дойдет. Ну да пусть она пеняет на себя.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, холодея и уже угадывая ответ в его кривой от обиды и презрения к самому себе усмешке.

– Разумеется, войну.

На белом мехе покрывала платье Салазани казалось кровавой полосой. Некоторое время Снежная Королева лежала неподвижно, простершись поперек кровати и сжимая голову руками. Худой мускулистый серый кот, ее любимец, спрыгнул с кресла, привлеченный осколками фарфора, и разжег, наконец, искру ее внимания. С тяжелым стоном Салазани села, нашарила ногой пол и подошла к большому, прикрытому ставнями трюмо. Она раскрыла зеркало и некоторое время изучала в нем свое лицо. Потом чуть отодвинулась и, протянув руку, помогла Эстер шагнуть из зеркала в комнату.

Леди Смерть огляделась, присвистнула и устроилась в кресле, поставив на столик бокал с шампанским. Казалось, сама она любит движениями собственных маникюренных пальцев.

– Саламандр? – усмехнувшись, спросила она.

Салазани снова забралась на кровать, подсунула под спину подушку и подтянула колени к подбородку.

– Он меня люто ненавидит, – пожаловалась она.

Эстер лениво пошевелила густой бровью.

– Неужели он не оценил твою фарфоровую гостиную, твою изысканно эротичную спальню, эту твою сеточку? Неужели не сработал обычный переключатель сильных чувств?

Салазани выразительно пощупала затылок.

– А тебя когда-нибудь швыряли о стену? – осведомилась она.

В ответ на это лицо Эстер приобрело шуточно оскорбленное выражение.

– Я не позволяю обращаться с собой столь непочтительно. Разрешите, однако, предположить, что

со стороны маленького невоспитанного варвара это был чистойшей воды акт самозащиты. Салазани... неужели ты и в самом деле потерпела поражение?

Салазани красноречиво промолчала.

– А он очень хорош, – мурлыкнула ее сестра, смачивая губы шампанским. – Юный, пылкий. И абсолютно... ну просто абсолютно тебе неподходящий. Ну это надо же! Саламандр, дух огня и жара. Закономерное завершение твоего извечного стремления к абсурду. Пожалуй, это было бы куда скандальнее гоблина. А знаешь... вы были бы очень красивой парой. Особенно... – она обвела глазами комнату, – здесь.

– Он умрет, – вдруг резко донеслось с кровати.

– Он должен умереть.

Эстер засмеялась.

– Прделаешь с ним то же, что с его папочкой?

– Нет.

– Почему?

– Не выйдет. У Златовера была предрасположенность, сделавшая его особенно доступным заключать Ледяного Сердца. Он в самом деле носил в себе ледяное сердце. В переносном смысле. А Звенигора этим не проймешь. У него в груди пригоршня живого пламени. Ах... – она зажмурилась и обхватила себя за плечи.

Эстер поднялась с кресла и под села на краешек кровати, поближе к Салазани.

– Что я вижу? – сказала она, улыбаясь. – Похоже, тебя победили, малышка. Я полагала, что с этой стороны ты неуязвима. После всех, кого ты любила...

– Я не любила никого из них, и ты прекрасно это знаешь!

– Тем более! Признайся, у тебя был богатейший выбор. Неужели раньше никто не догадался хватить тебя о стену? Стоило ему сделать это, и ты поняла, что встретила мужчину своей мечты. Он обнимал тебя?

– Заткнись!

– И не подумай. Салазани, девочка... Ты влюбилась!

– Он умрет. Его получишь ты.

– Я вовсе не уверена, что ты хочешь именно этого.

– Он умрет! – звенящий крик Королевы заставил завибрировать стены. – Мальчишка оскорбил меня, и он умрет! Я его убью. Лично. Собственно-ручно. Чтобы брызнула кровь, чтобы я смочила в ней руки и губы. Я хочу, чтобы ему было плохо. Так плохо, как мне сейчас!

Она спрыгнула с кровати, сгребла с пола осколки разбитой лампы и прижала их к груди. Эстер никогда еще не видела сестру в крайней степени испуга. Ей казалось, Салазани сейчас взорвется.

– Ты сможешь мне?

– Всеми силами, – леди Смерть чмокнула сестру в щеку. – Немедленно пришлю к тебе гоблина.

Она расхохоталась, увернулась от пущенной в нее туфли и канула в холодную гладь большого зеркала. Салазани вновь бросилась на постель, вонзив зубы и ногти в ни в чем не повинную подушку.

Война саламандр

Если бы я слепо следовал принципам, то должен был бы немедленно оставить Звенигора. Как я уже говорил, всеми фибрами души я ненавижу войну. Однако выяснилось, что мои позитивные чувства сильнее негативных, и я считал возможным сообщить своим принципам некоторую гибкость. Я был нужен Звенигору. Не как могущественный союзник и официальное лицо: он не мог меня принудить поддерживать его моей магической силой или статусом наследника Белого трона, а просто как парень, с которым можно было бы попросту, без взвешивания и выбора верных слов, поговорить, посоветоваться и сравнить впечатления. Поэтому я остался с ним и был свидетелем всех предпринятых им действий.

Не так уж много времени, на самом деле, оставалось нам для разговоров. Одна из наиболее бросившихся мне в глаза примет войны – нехватка времени решительно на все. А Звенигор словно нарочно выискивал дела, которые желал бы взвалить на себя лично. Он совершенно спал с лица. И даже в короткие промежутки, когда поручения были розданы и оставалось только ждать их исполнения, вместо того чтобы отдыхать в своей палатке, он просил меня поговорить с ним... о чем-нибудь. Часто это имело отношение к военным действиям, в связи с чем его весьма интересовала личность Рэя как самого прославленного полководца в новейшей истории. Иногда он спрашивал меня о моем опыте противостояния Снежной Королеве. В других случаях мы беседовали о чем-то совершенно безотносительном. Удовлетворяя его лютый интеллектуальный голод, я задумывался о его причине и пришел к крайне неутешительному и на первых порах очень смутившему меня выводу. Мой саламандр влюбился. Нет нужды уточнять, в кого. Я мог его только пожалеть. Собственно, принцу положено быть влюбленным. Дело-то в том, что эта любовь не стала цветком его души и радостью сердца. За нею стояла измена и потеря чести. Поэтому он забивал себе голову чем угодно, лишь бы изгнать из нее мысли о Салазани. Не о ненавистной противнице, а о той, что трепетала в его объятиях, моля о поцелуе. Кажется, это не очень ему удавалось.

Теперь я понял, какова разница меж нашими образованиями. Звенигора, сына властного короля, с детства обучали воевать. Если бы за это принял я, я не знал бы, с чего начать. А Звен знал. Прошло совсем немного времени, и он соединился с армией саламандр, в одночасье поднявшейся и выступившей навстречу своему принцу.

И вот я сидел в его до невозможности натопленной палатке посреди раскинувшегося на холмах военного лагеря и наблюдал, как принц задумчиво полощет в огне жаровни тонкие пальцы. Меня до

сих пор бросало в дрожь от его огненных фокусов, хотя я понимал, что он продельывает это машинально, так, как бы я сам накручивал на палец прядь волос. Я вел очередной отвлекающий разговор, а на соседнем холме, между тем, просматривалось войско Салазани, готовое к завтрашнему большому сражению. Я пытался честно ответить на вопрос, что же такое магия.

– Ну, во-первых, надо очень хорошо знать себя. Собственно, медитация необходима именно для самопознания. Затем – самодисциплина. Никакая власть невозможна без власти над собой. Иными словами, маг должен знать свои ресурсы и уметь правильно ими распорядиться. Самопознанию отведен первый хайпурский цикл. Это – средство воздействия. Затем совершенно необходимо острое внимание к окружающему миру как к объекту воздействия. Что на что влияет, что с чем и как связано, что к чему приведет. И, наконец, последний цикл – этика воздействия. Знаешь, – я засмеялся, – чем глубже входишь в вопросы этики, тем больше сомневаешься, стоило ли вообще с этим делом связываться. Сплошь да рядом самые благие намерения оборачиваются масштабными катастрофами. У меня были учителя, матерые волшебники. Так вот, чем почитаемее маг, тем осторожнее и реже он применяет Могущество. Рэй в свое время вычислил Хайпур чисто математически, интерполировав Волшебную Страну по минимумам магической активности. Место с наименьшей энтропией. Я думаю, весь этот этический груз очень сковывает наших мудрецов, и принцам Белого трона, кстати, далеко не самым сильным волшебникам из существующих, приходится преодолевать чертову уймащцу моральных преград, чтобы использовать свой дар на что-то существенное. Во всяком случае, деятелей волшебников Хайпур не очень одобряет. Я в самом деле опасуюсь, что подобным отношением они загубят древнее искусство! Все они, исповедуя недеяние, по уши погрязли в даосизме. А Черная магия запретов не имеет.

Мы помолчали. Огонь в жаровне освещал его похудевшее лицо. У него тоже были этические проблемы. Одна из них возникла на пороге, отдернув полотнище входа и заранее оповестив о себе тяжелыми шагами, бряцанием доспехов и обменом паролем со стражами палатки принца. Проблема звалась дядюшкой Магнусом. Он поклонился мне и вошел. Кажется, он был настроен на разговор наедине, но Звенигор попросил меня остаться. У меня сложилось впечатление, что он сознательно не отпускает меня от себя, потому что ему необходим свидетель. Свидетель того, что сам Звенигор безупречен. Все равно я уже знал, о чем пойдет здесь речь. Уже не первый день они отчаянно спорили об одной-единственной строчке в своде законов короля Златовера.

– Это всего лишь формальность, принц, – сказал дядя племяннику. – Но формальность необходимая. Вы уже завоевали право на решение и на-

дели на палец символ королевского слова. Без этой магии у вас нет права вести войска в бой.

– Формальность для вас, но не для меня, – стоял на своем упрямый Звенигор. – Коронный Совет, разумеется, не будет нести перед Златовером никакой ответственности, и вся вина за узурпацию власти ляжет на меня. Я принародно клялся, что не приму корону, пока жив отец.

– Давайте будем смотреть на вещи реально, – предложил Магнус. – Со времени той вашей клятвы прошло несколько месяцев. Вы многое пережили, ваши приключения наложили на вас отпечаток, отрицать который бессмысленно. Ваша преданность принесла вам любовь народа и политический авторитет. Но состояние Златовера не изменилось ни на грош. И нет никакой причины считать, что оно изменится завтра. Что оно успеет измениться раньше, чем старый король умрет.

– Изменится, если я завтра заставлю ее это сделать.

– Наверяд ли. Простите. Я согласен, война необходима. Саламандры не обязаны терпеть беспардонность взбалмошной бабы. Но вы не имеете права командовать войском, пока на вашу голову не возложена корона. Это закон.

– Да, изданный для предупреждения мятежа.

– Отдавать приказы войску может только король.

– Простите... – робко вмешался я. – Не могли бы вы точно процитировать закон? Как он в самом деле формулируется?

Звенигор обернулся, ища поддержки, а Магнус прикрыл глаза, словно вспоминая.

– Так и сформулирован: «Войска следуют заносящим корону».

– В таком случае, – рассудил я, – следует создать прецедент временной передачи власти. Возьми ты эту чертову корону, а после боя верни ее обратно на голову Златовера. Причем все это проделай перед войском, принародно, с объяснением своих мотивов и причин.

Судя по всему, Магнуса мое предложение совершенно не устроило, он стремился раз и навсегда объявить Златовера покойником и возвести на трон его упирающегося наследника. Он был полон решимости насильно всучить Звенигору все возможные полномочия, чтобы тот окончательно погряз во власти. Мне показалось, что вдали от трона мой друг гораздо счастливее. Должно быть, Звенигор согласился на мое предложение исключительно из вредности, хотя я видел, что перспектива своими руками снять с неумершего отца пригоршню пламени – знак верховной власти – ему очень не нравится. Однако, по всей видимости, другого выхода не было.

Рассветало поздно. Стояла вторая половина ноября, первый неуверенный снег покрывал сухую землю, цепляясь за пучки сухой желтой травы. Под прикрытием ночной тьмы войска Салазани спусти-

лись с холма в просвистываемую холодным северным ветром ложбину. Земля была гулкая, промороженная, и отзывалась на шаги, словно рубли. Салазани входила в пору силы. Ночной заморозок особенно крепок был там, где почва понижалась. Стоявший рядом со мной Звенигор осматривал развернувшуюся перед ним картину. Я тревожно следил за выражением его лица. Честно говоря, я не видел, чем наша позиция предпочтительней. Но он засмеялся.

– Она учла рельеф местности, климатические условия и преобладающие ветра, – пояснил он. – То есть всю метеорологию, входящую в ее компетенцию. Она знает в ней толк и намерена ее использовать. А вот главного моего козыря не заметила.

– Что у тебя в рукаве?

Он притопнул.

– Братишка, под нами – торфяник. И не зови меня саламандром, если я не сумею выжать из него все, что в моих силах.

Он снова был в своей эксклюзивной броне с оплавленными после предыдущего дела кольцами, и всей повадкой напоминал взъерошенного охотничьего сокола на перчатке. Мне захотелось, чтобы он слегка остудил пыл.

– Не думаю, что она очень уж проста. Вспомни, при ней Удылгуб, а тот воевал всю предыдущую жизнь, и семь лет – под началом самого Рзя.

– Это другая война, – возразил Звенигор. – Со всем другая. Удылгубу наши средства и не снились. Думаю, что Салазани – тоже.

Однако прежде чем отдавать приказ, необходимо было завершить неприятное для него дело. Он поманил меня за собой и зашагал через лагерь к месту построения войска.

Там, окруженный стражей, лежал колоссальных размеров железный противень, полный пылающих углей. Дюжина закопченных кочегаров непрерывно метала в костер все новые и новые порции топлива, а в огне покоился тот, ради кого и заварилась вся эта каша. Уж не знаю, по каким кошмарам носило его в стране беспамьятства, но тушющие страсти явно ничуть его не беспокоили.

Войско уставно преклонило колена, когда Звенигор вышел вперед. Однако во взглядах читалось любопытство, сомнение и ожидание. Солдаты тоже знали закон, я готов поручиться, что пока Звен носился тут, пытаясь уладить дело миром, диадохи времени не теряли. Саламандры были прекрасно осведомлены насчет прав и обязанностей своих военачальников и королей.

– Я призываю в свидетели всех, кто видит меня и слышит мои слова, – сказал Звенигор. – Эта война ведется не ради выгод, земель или контрибуций. Я выступаю в защиту жизни своего сюзерена, в силу особых обстоятельств не имеющего возможности лично поднять меч и возглавить войско. Поэтому я согласен временно принять корону моего отца. Перед лицом войска я обещаю, что к вечеру сегодняшнего дня корона вновь будет возложена на чело того, кто – один! – имеет на нее законное право.

Он сделал паузу.

– Если же я буду убит, прошу того, кто окажется со мною рядом, снять символы власти с моего трупа и вернуть их владельцу.

Он сказал все, что хотел, и мне казалось, я чувствовал, как замирает его сердце. Он опустился на колени у изголовья Златовера и погрузил руки в пламя его короны. Некоторое время ленточки огня скользили меж его пальцев, словно привыкая к ним, а потом, под дружный восторженный «Ах!» строя, Звенигор снял огненный обруч с головы отца, помедлил и опустил корону на свою голову.

Когда он встал и повернул ко мне бледное, напряженное лицо, я подумал, что вижу короля. Пусть на час. В белом рассеянном свете язычки пламени казались бледными, почти невидимыми, день съедал их яркость, но каким-то чудом его было достаточно, чтобы высветить силу, гордость и красоту этого лица и освятить его право на власть. Корона шла ему больше, чем Златоверу.

– Да здравствует король Звенигор! – выкрикнул Магнус, пытаясь закрепиться на завоеванных позициях. Звен убил его взглядом, но клич понесся по рядам, подхваченный и размноженный с энтузиазмом, доказавшим, что массам в принципе наплевать на душевные терзания. Да и сама история судит нас по делам, а не по словам и намерениям.

Лицо Звенигора было таким, будто он только что совершил преступление. На счастье, для самоедства ему не хватило времени. Кто-то подвел ему Гейзера, он вскочил в седло и огляделся.

Лица саламандр выразили благоговейный восторг. Должно быть, так же нормальные смертные глядели на моего отца, Александра Клайгеля, когда тот разъезжал верхом на драконе. Привыкшие сражаться в пешем строю, саламандры коня воспринимали как чудовище и готовы были обожежить своего короля на час только за то, что он так легко управляется с огромной четвероногой тварью.

К задней луке седла Звенигор привязал аркан, а к нему – пропитанную маслом паклю. Ее запалили, и он пустил коня вскачь, пронсясь вдоль строя и поджигая за собой сухую траву. Огненная черта рассекала склон, и воины с восторженным кличем бросались в пламя, мгновенно видоизменяясь и

овладевая огнем. Такое я видел впервые. Вот оно, главное наступательное оружие саламандр. Ширящийся, растущий вал огня, направляемый несметным множеством огненных ящериц, беснующихся, сложенно кувыркающихся от избытка сил и положительной эмоции.

Резкий порыв колючего ледяного ветра со стороны Салазани заставил меня забиться поглубже в плащ, но на вал огня он оказал только возбуждающее действие, вздув пламя еще выше. Сила войска превозмогла встречный ветер, и вал покотился вниз по склону, оставляя за собою дымящуюся выжженную полосу. Занялся торф, и войска саламандр повсюду использовало его горючую силу. Вот, правда, пелену едкого дыма тянуло на нас. Я закашлялся и прижал к лицу платок. Потом догадался, что если взобраться на Касторку и подняться немного выше на холм, можно возвыситься над дымом и спокойно наблюдать все, что происходит на поле боя. Звенигор занял позицию рядом со мной. Его, привычного, дым ничуть не беспокоил.

— Несколько атак с разных позиций поколеблют ее боевые порядки, — пояснил он для меня. — Пятко болезненных ударов, и только тогда — решающий штурм, в который я пойду лично. До тех же пор каждый удар должен выглядеть решающим.

Ветер прекратился. Видимо, Салазани убедилась, что ей не удастся развернуть обратно неумолимо накатывающий вал огня, рябящий огненными телами саламандр. Она готовила что-то другое. Никто и не ждал, что она сдастся быстро. Саламандры оставляли за собою опустошенную, выжженную землю, этот черно-коричневый след на снегу напомнил мне рисунки в учебниках по военному делу, где направления ударов изображаются точно такими же стрелками. Только сейчас все эти стрелки безжалостно выжигались прямо на теле земли, в их натуральную величину. Салазани, по крайней мере, никогда не причиняла непоправимого ущерба. Я покосился на друга. Он-то о чем думает?

— Ты же знаешь, — хмуро сказал он, — я не хотел этой войны.

— Что, по мне так заметно?

— У тебя такой вид, будто тебя сейчас вырвет.

— Извини.

— Ага, — воскликнул вдруг Звен, — вот она что придумала! Это серьезно. Но я ждал.

Со стороны океана на поле брани надвигалась иссиня-черная, набитая мокрым снегом туча. Оказавшись над войском саламандр, она рассыпалась тяжелыми влажными хлопьями. Сцену боевых действий затянуло паром. Огонь стал притухать. Звенигор, нагнувшись с седла, отдал адъютантам несколько негромких приказов. Если это временное отступление и беспокоило его, то — не слишком. Со своего места я видел, что там, где пламя уже погасло, с земли, развезенной в грязную кашу огнем и водой, поднимаются саламандры в человеческом обличье, злые, как все обыкновенные солдаты, и схватываются грудь с грудью с подданными Снеж-

ной Королевы. Я видел, как их теснят. Салазани-то не утратила поддержки своей стихии. Она вновь ткала ледяной ураган, готовясь смести прочь остатки армии противника его чудовищным стылымдыханием. Звенигор молчал, окаменев в седле, и я догадался, что он переживает тяжелый момент. Вновь потянуло холодным ветром, бледные язычки его огненной короны взметнулись ввысь, заржал и вздыбился встревоженный Гейзер.

Вопль неожиданного потрясения со стороны рядов Снежной Королевы, с которым смешался торжествующий рев тысяч глоток саламандр, заставил моего друга неистово расхохотаться. Я вгляделся в даль. Вот он, главный козырь Звенигора.

Забитое дождем и снегом пламя не погасло, но ушло в богатую торфом почву, пробралось по подерновым пластам в самый лагерь противника и там уже вырвалось из-под земли. Казалось, что сам Сварог пришел на помощь своим родичам. В единый миг вспыхнули укрепления. Земля под ногами Салазани горела в буквальном смысле, и лагерь ее объял смятение и ужас. Самым непостижимым и неотъемлемым качеством саламандр в моих глазах была их способность заставить пламя делать то, что им нужно. Я представлял себе, что там творилось! То же, что учинил Звенигор в той Ратуше, когда управлялся с Железной Сворой. Только сейчас в рядах войска Снежной Королевы бесновались не один, а тысячи охваченных берсеркерским безумием саламандр. Если их гасили в одном месте, пламя прорывалось в другом, непредсказуемое, как и положено стихии. Я видел, что Салазани пытается маневрировать, нащупывая уязвимые места то с одного, то с другого фланга и направляя туда потоки ливня. Однако маневренность огненной дружины неизменно превышала маневренность дождевой тучи, пламя очень ловко уходило в землю там, где для него не было условий, и прорывалось вновь и вновь, огненными рукавами рассекая противника на удобные для истребления группы.

Звенигор торжествовал. Это было первое его сражение и первая его победа, и он пил ее, как вино. Он лучился восторгом и не сводил с поля битвы глаз. Пожалуй, взметнувшийся у бордового шатра Салазани зеленый штандарт мы заметили одновременно.

— Переговоры! — воскликнул он. — Она просит переговоров! Арти, а ведь я шутя мог бы ее сейчас додавить.

— А стоит ли? — спросил я, чувствуя от всех этих страстей невероятную слабость во всем теле. — У тебя есть условия, выполнения которых ты хотел бы добиться. Ты сам клялся, что тебе не нужны земли и контрибуции. Да и зачем тебе выжженная земля?

Он вмиг успокоился, отдал приказ адъютантам, и через несколько минут вал огня откатился от Салазани, оставляя за собой дымящуюся полосу ничьей земли. Звенигор сделал великодушный жест, позволив огню погаснуть на всем пространстве, разделяющем лагерь. Оттуда, от Салазани, под зеле-

ным штандартом переговоров выехал одинокий всадник. Приглядевшись, я распознал в нем Удылгуба. Звенигор тронул Гейзера навстречу, а я последовал за ним. Мне хотелось его сопровождать, и я никак не мог упустить сей исторический момент.

Закопченный гоблин с опаленной гривой и свежими ожогами явно был в центре схватки. Он долго и пристально разглядывал невозмутимого саламандра, потом перевел тяжелый взгляд на меня.

– Ваше присутствие означает поддержку Светлых Сил? – хрипло спросил он.

– Оно означает только мою личную дружбу и интерес, – парировал я. – В этой войне не применяется Могущество Белого трона. Я представляю наблюдающую сторону.

– Тогда к делу, – буркнул гоблин. – Салазани предлагает прекратить бесполезные и крайне досадные потери среди наших подданных и решить ваше спорное личное дело поединком. Вы согласны?

– И кто же выйдет против меня? – поинтересовался Звенигор. – Ты?

– Она сама. Надеюсь... – гоблин хищно наклонился и польхнул искренней ненавистью, – она тебя убьет!

Пока Звенигор соображал, я лихорадочно строил поведенческую схему Удылгуба. Меня до глубины души изумила неадекватность его реакции. Если он не знал, что произошло меж Звенигором и Салазани, он был бы лично к нему равнодушен. Если знал – был бы ему благодарен. Я видел только одно здоровое объяснение, а именно: с появлением на горизонте Салазани Звенигора гоблин потерял все. А это значило, что Снежная Королева без памяти влюбилась.

– Она просила также напомнить, – добавил Удылгуб, – что заклатье Ледяного Сердца не из тех, что продолжают действие после смерти автора. Если ты убьешь ее, Златовер вернется к жизни.

– Черт, – растерянно промолвил Звенигор. – Чтобы я – против... бабы?

Глава 15

Большой день короля Звенигора

Поземка проникала под неплотно застегнутое полотнище входа, и я ежилась и переминался с ноги на ногу, когда ее ледяной язык облизывал мои щиколотки. Мама в обморок упала бы, если бы увидела, как я по нынешней погоде щеголяю в летних сапогах. Без шерстяных носков. Никто не подозревал, что Приключение затянется.

Темная внутренность палатки Звенигора освещалась лишь пламенем короны на его голове. Рядом сидел его дядюшка. Оба саламандра не обращали никакого внимания на глупые мелочи вроде сквозняка. Звенигор, кажется, пребывал в том же состоянии легкого шока, что и час назад, когда Удылгуб передал ему вызов Салазани. Мы тогда

решили, что вопрос требует обсуждения, и сейчас соображали, как ответить.

Магнус считал, что все это затеяно Снежной Королевой с единственной целью: дать войскам желанную передышку, и возмущался тем, что мы сразу же не ответили решительным отказом. Салазани можно было бы добавить, победа сама падала в руки, и, с его точки зрения, совершенно незачем было осложнять дело личным поединком. Мы оба прекрасно видели его закулисные мотивы: он не имел никакого желания заполучить на свою голову восставшего со смертного одра Златовера. Поэтому он лично не был заинтересован в смерти Салазани, а патриотизм не позволял ему желать поражения новому королю, на возведение коего в сей ранг пришлось потратить столько сил и нервов.

Кажется, эти двое ни по какому вопросу не могли прийти к единому мнению.

– Дело лишь в том, – съязвил Звенигор, – что нанесет моей чести больший ущерб: отказ от поединка или же поединок насмерть с женщиной? Арти... ты-то почему молчишь?

Магнус метнул в мою сторону недовольный взгляд. Ему, как самому приближенному к трону лицу, было очень неприятно, что его король, игнорируя его мнение, просит совета у постороннего... и даже не саламандра. Я становился для него неудобен, но, честно говоря, меня это сейчас мало волновало.

– Ну что я могу тебе сказать?! – почти взмолился я. – Это же война! Я бы рад потреться с тобой о магии, основах мироздания, истории последних лет, моральных нормах или семейных отношениях. Но что я могу посоветовать тебе в делах войны, когда сама мысль о ней мне отвратительна? Что?! Только чувствую, – я поглядел на него просительно, – не надо вам драться!

– Почему?

Я, может, и сказал бы, почему, не будь тут второго саламандра. Даже если бы Звен страшно обиделся. Вместо этого, главного довода я привел, на мой взгляд, второстепенный.

– Она тебя убьет.

Они фыркнули в один голос, в кои-то веки сойдясь во мнениях, но я развил свою мысль:

– Я бы на твоём месте постарался не думать о ней как о женщине.

Звен – вот лицемер! – в притворном изумлении заломил бровь, но меня это не остановило.

– Салазани – бессмертный дух. Она существует миллионы лет. За это время у нее были возможности овладеть самыми разными искусствами. Думаю, среди них числится и фехтование. Ну а ты? Как часто тебе доводилось всерьез держать в руках меч? Это даже не твоя природная техника. Ей-богу, Звен, у нее в этом деле куда больше шансов.

– Почему ты думаешь, что это будет меч? – заинтересовался Звенигор.

– Вы абсолютно противоположны, – объяснил

я. – Как плюс и минус бесконечность, как полюса магнита.

Это сравнение я привел специально, ведь разные полюса притягиваются а разноименные бесконечности встречаются где-то там... Впрочем, для моих практических собеседников подобные пассажи были слишком сложны. И неуместны.

– Честный поединок предполагает равное оружие. Значит ты не имеешь права пользоваться огнем, а она – холодом. Единственное, в чем вы схожи, так это в способности принимать человеческий облик. Следовательно, это должно быть человеческое оружие. Меч.

Звенигор потянулся, снял со спинки кресла свой меч и стянул с него ножны. Светло-серое лезвие заиграло отраженным светом, и тем же светом полыхнули его глаза.

– Ты и в самом деле думаешь, Арти, – мягко сказал он, – что я ее не убью? После всего, что я тут натворил, пожалуй, мне остается только доказать тебе твою неправоту. Ее смерть поднимет моего отца. Я не поверну с полдороги.

Да, наше Приключение из застенчивого принца сделало короля, и, кажется, только он один еще не осознал этого. Звенигор спросил у нас совета и решил по-своему. Он встал, подошел к выходу, отдернул полотнище и кликнул вестового. Тот вырос на пороге, и король сказал ему:

– Передай Снежной Королеве: «Я согласен. Двуручный меч».

И обернулся ко мне.

– Арти... будешь секундантом?

Потом мы неторопливо ехали вниз по склону, уже вновь заботливо припорошенному непрерывным снегопадом. Я на Касторке плелся сзади, и мне было на редкость паршиво. Какой смысл в том, что два, очевидно, влюбленных придурка собираются насмерть искрошить друг друга? Воображение услужливо предоставило мне на выбор два варианта исхода. Я, как воочию, увидел Салазани, напоровшуюся на беспощадную сталь, ее остановившиеся глаза, распахнутые, изумленные неожиданной болью, ее волосы и багровый шелк на снегу. Удылгуба, рычащего от ненависти... уносящего ее на руках, как ребенка. Или себя, приподнимающего с земли золотую голову Звенигора. Его кровь на моих руках. Пальцы, стиснувшие меч, который никому уж больше не ляжет в руку. Осиротевший костер Златовера, ради которого – всё. Дьявол, я не знал, какая из картин причинила мне большую боль. Каково-то будет другому, тому, кто останется в живых? Я страстно не желал, чтобы они дрались, но мое желание не решало тут ничего, а потому мне оставалось лишь проследить, чтобы поединок был честным. Почему-то мне казалось, что на Удылгуба здесь плохая надежда.

Они уже ждали нас. Салазани и ее секундант Удылгуб. При виде короны Снежная Королева уг-

римо усмехнулась, но в следующую секунду ее брови гневно сдвинулись.

– На мне нет брони, – вызывающе сказала она. – Я – женщина, двуручный меч сам по себе достаточная для меня тяжесть.

Она была в бордовых брюках и тунике того же цвета, отороченной черным мехом. Очень красивая на белом снегу. Удылгуб и я согласились, что ее требование справедливо, и Звенигор скинул кольчугу и шлем, оставшись с непокрытой головой и в костюме из мягкой темной кожи, какой надевают под доспехи. Удылгуб взялся мерить мечи, чтобы убедиться, что разница клинков не превышает допустимую. А я смотрел на Салазани и дивился. Что она сделала с собой? Что Звенигор сделал с ней? Сейчас она казалась очень похожей на Соледад, но без того характерного следа – или бесследья – бесчисленных веков, отмечавшего внешность ее сестер. Она выглядела совсем юной. На ней не было косметики, и косу она без причуд, просто туго заплела. Ее лицо побледнело и похудело, на него лег отпечаток решимости и гнева, и ярко полыхал румянец ярости. Сейчас она не была, как тогда, на балу, недостижима, неуязвима в своем цинизме, неотразима в своей власти. Я бы сказал, она сама забыла о том, что создана бессмертным духом. Она выглядела лет на девятнадцать. Я видел юную женщину, которую пребольно задела, трясущуюся от потребности отомстить. Или умереть. Жаждающую заполучить если не самого своего противника, то, на худой конец, его смерть. Или навязать ему свою. С потугой на угрюмую иронию я подумал, что феминизму лучше бы доказывать право на существование менее смертоубийственными способами. И, наверное, только один Удылгуб точно знал, чьей смерти он будет рад.

Я встал рядом с гоблином. Поединок поединком, а все же не было у меня к нему доверия. Не хотел бы я, чтобы Удылгуб невзначай оказался у Звена за беззащитной спиной. Оба войска со своих позиций с напряженным интересом наблюдали за нами. Точнее, за ними.

Первые же удары утвердили меня в моем опании. Новичком Звенигор не был, но Салазани, очевидно, имела право зваться Мастером Клинка. Они кружили, топчя снег и пожирая друг друга рысьими взглядами. Оба были одинаково легки на ногу, но Салазани казалась более острой, более агрессивной. Более точной. Звенигору на отражение ее атак приходилось тратить больше сил, и меня совсем не обнадружили капельки пота, появившиеся над его бровями. Голубоватый переливчатый клинок противницы маячил у него перед глазами, и она, без сомнения, чувствовала, что превосходит его. Ей это нравилось. На пятнадцатой минуте она заулыбалась. Звенигор ушел в глухую защиту, стараясь тратить лишь минимум сил. Парировал и уклонялся, временами оскальзываясь на растоптанном снегу. И первая кровь этого поединка тоже принадлежала ему. Салазани рассмеялась, когда ее меч

задел его бицепс, рассек тунику и мышцу, и на снег упали алые капли. Как розы. Первый успех придал ей азарта. Когда я отговаривал Звенигора от поединка, я и подумать не мог, что окажусь настолько прав. Она играла с ним. Он хоть и не поморщился, но теперь уже берег руку, держась к противнице чуть боком, что ограничивало его подвижность. За эту осторожность пришлось расплатиться неглубокой, но длинной царапиной на правом бедре. Потом острие ее меча чиркнуло его по ребрам, и лишь проворство, с каким он отпрыгнул назад, чуть не потеряв равновесие, спасло его от тяжелой раны. Все эти мелочи не могли оказать на исход мгновенного действия, но они напоминали о себе. Они жгли. Они причиняли беспокойство. Они сочились кровью. Они давали Звенигору понять, насколько он уязвим. Помимо ненависти к женщине, убивавшей его отца, он должен был бы сейчас чувствовать ненависть к ней же, убивавшей его самого. Два раза он ее побеждал, и она явно желала доказать, что исход третьей схватки – за ней. Доказать свою значимость и власть, которые у него достало наглости отрицать.

Но время шло, а мой друг, получая все новые и новые досадные царапины, именно те, от которых и защитил бы его доспех, все же держался. Покамест он ухитрился не сделать ни одной фатальной ошибки. Она была искуснее, но он – выносливее и физически сильнее. Если не считать действия мелких ран, время и эмоции Салазани работали на него. Она могла позволить себе азарт и натиск, а за ним стояло нечто большее, чем доводящая до безумия личная прихоть. Приняв обличье женщины отнюдь не атлетического сложения, Салазани вме-

сте с его привлекательностью обрела и его недостатки. Ее дыхание становилось короче, движения – чуть медленнее. Она начала уставать. В ней закипала досада от того, что ей не удастся разделаться с ним шутя. Похоже, они оба перешагнули рубеж, до которого дело могло решить чье-то искусство, и теперь оставалось ждать, чьи колени подкосятся раньше.

– И не думай даже! – прикрикнул я на гоблина, вполне оценив прицельный взгляд, каким он смерил оказавшуюся в опасной близости перед ним звенигорову спину. – Я тебя контролирую!

Он знал, что я почти принц, а потому подчинился и даже отступил на шаг, будто ничего и не замечая. Я внезапно пожелал, чтобы отсюда убралась все свидетели, включая обе армии и меня с гоблином. Может, тогда бы эти двое бросили валять дурака напоказ. Ей-богу, лучше бы они целовались!

На гарде ее меча был стальной крюк, предназначенный для захвата меча противника. Казалось, что вначале, желая немедленной крови, Салазани позабыла о нем, но сейчас, когда силы понемногу выравнивались, она вспомнила о лишнем своем шансе. То, что она, как будто, больше не стремилась в очередной раз достать Звенигора комариным укусом, немного облегчило ему жизнь, и в свою очередь он активизировался. Он даже провел несколько недурных атак и вытеснил Салазани из круга истоптанного снега. Выбившиеся из косы смолистые пряди трепетали на ветру. Особенность боя на двуручных мечах – в его медлительности. Это не сабля и не шпага, во время поединка сравнимые с ртутью, то со сверкающей сетью, опутывающей

бойца. Двуручный меч – вещь тяжелая и грубая, и чтобы отправить противника на тот свет, приходится изрядно попотеть. И очень многое решает здесь физическая сила.

С резким металлическим звуком клинок Звенигора угодил в захват крюка. Салазани ликующе вскрикнула и дернула меч в сторону и вверх, уводя его себе за голову. У нее не хватило силы сломать меч противника, но разве есть для бойца унижение большее, чем выпустить оружие из рук? Тут бы и свершилась ее полная победа... если бы сцепление между пальцами Звенигора и рукоятью было хоть чуть меньше. Вот где сгодилась та его шальная выдумка! Ребристая поверхность удержалась в ладони, и меч Салазани в одно мгновение превратился в заложника собственного плен-

ника. Она не могла манипулировать им, отягощенным весом намертво сцепившегося с ним чужого меча и собственным весом Звенигора впридачу. Пытаясь удержать меч в руках, в рыжке, повторяющем движении Салазани, Звенигор потерял равновесие и обрушился на свою противницу. Честно говоря, это вышло совершенно случайно! В поисках опоры его левая рука ухватила Снежную Королеву за волосы. Оба, не выпуская оружия, покатились по снегу, Звенигор оказался сверху и, ни секунды не медля, прижал коленом ее вооруженную руку. Салазани вскрикнула и выпустила меч. Звенигор за волосы оттянул ее голову назад и приставил оружие к горлу.

И тут все встало. Удылгуб рванулся было на помощь своей Королеве, но та сверкнула на него диким взглядом:

– На место! Победа честная.

И уже Звенигору:

– Ну, чего ты ждешь? Короля Златовера освободит только моя смерть. Ну же! Или слабо на бабу руку поднять? Уж я бы на твоём месте не колебалась!

В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Ее глаза и щеки полыхали от унижения и ненависти. Три раза из трех, на чистых амбициях и удаче одолел ее какой-то провинциал, ничтожество, не имеющее понятия о расстановке мировых сил. И только немедленная смерть могла прекратить эту пытку жгучим стыдом и оскорбленным самолюбием. И она жаждала принять смерть от его меча.

Но... он не убил ее. Он поднялся, оставив ее лежать в снегу, и, даже не отряхиваясь и никому не сказав ни слова, позабыв про Гейзера, прихрамывая на раненную ногу, повесив голову, устало поплелся в свой лагерь. Салазани со стоном села, гоблин бросился к ней, но она и взглядом его не удостоила, смотря вслед уходящему. Выражение ее лица менялось. Впрочем, до выражения ее лица именно сейчас мне не было никакого дела. Я схватил поводья обеих лошадей, подобрал с земли кольчугу и шлем, которые когда-нибудь Звенигор должен будет передать потомкам, и помчался следом. В безмолвно уходящем Звенигоре было что-то очень хорошее.

Я подбежал к его палатке и столкнулся с выходящим Магнусом. Вельможа, кажется, был доволен исходом, хотя и небезуспешно скрывал это.

– Он никого не хочет видеть, – честно предупредил он меня.

Словно в подтверждение его слов, из палатки опустошительно вылетел вестовой. Невзирая на его протестующий окрик, я бросил ему поводья и нырнул в палатку. Я всерьез боялся, что Звен вытворит какую-нибудь непоправимую глупость.

Он сидел в углу, прямо на полу, закрыв лицо руками. На мое появление он поднял голову. Даже обрамленное пламенем, его лицо показалось мне серым.

– Ты когда-нибудь видел настоящее ничтоже-

ство? – спросил он осипшим голосом. – Смотри. Ну, это надо же... пройти весь путь... и повернуть, не сделав последнего шага. Держать в руках победу... и обронить ее. Проиграть все! Скажи, как я мог ее не убит?

– А разве ты мог бы убить ее? – в свою очередь спросил я, опускаясь рядом на корточки.

– Я был должен.

Он снова спрятал лицо в ладонях. По-моему, он расплакался от бессильного презрения к себе. Я хотел бы сказать, что ни в жизни, ни в литературе не встречал никого лучше и достойнее его, но, по-моему, он не стал бы слушать. Его нельзя было оставить одного.

Так мы сидели некоторое время, не обращая никакого внимания на усилившуюся суету вокруг палатки. Довольно долго там слышались интенсивные препирательства, потом полотнище входа откинулось, и на пороге вырос давешний перепуганный вестовой.

– Ваше величество, – робко сказал он, преклоняя колени.

Я уже открыл было рот, чтобы шугануть его прочь, но он успел ляпнуть нечто совершенно невообразимое:

– Ваше величество... Его величество... другое... король Златовер пришел в себя!

– Что?!

Звенигор упругим движением – и откуда силы взялись! – поднялся на ноги и торопливо зашагал через лагерь, через толпу, сопровождаемый тревожными взглядами и шепотками.

Златовер сидел в своем костре, словно на огненном троне, и узловатые пальцы его ощупывали волосы и лоб. Звенигор остановился перед отцом. Несмелая улыбка тронула его губы. Он понял. Как и я.

– Добрый вечер, отец.

Ястребиные глаза Златовера обратились на сына. Несколько секунд оба молчали, и я с замиранием сердца ждал, когда моему другу воздадут должное.

– Вот она где, – угрюмо усмехнулся старый король. – А я-то, оказывается, жив. Поторопился ты, сынок. Перебрал полномочий.

Звенигор, словно только что вспомнив, опустился на колено, снял корону и протянул Златоверу. Тот выхватил ее из его рук и водрузил на собственное чело. Вслед за чем встал.

– Поторопился... – повторил он с мрачным сарказмом. – Что ж, лучше поздно, чем никогда. Стража!

Толпа зашевелилась, пропуская кого-то.

– Арестуйте принца Звенигора!

Тихий шорох изумления пронесся по рядам саламандр, но и только. И я понял, почему Звенигор так отчаянно не желал брать на себя королевские полномочия. Никто здесь не встанет и не скажет, что все, сделанное им, сделано на благо и во имя короля. Никто Златоверу не пискнет и слова поперек.

А ведь если бы Звен собственноручно не снял и не вернул венец, старик был бы низложен, поскольку «войско следует за носящим корону».

Темные фигуры выросли по бокам Звенигора. И тут произошло то, чего я безотчетно ждал почти с самого начала Приключения. Звен взбунтовался. Ей-богу, такого надругательства не выдержала бы ни одна преданность, что уж говорить о таком пыльном существе, как юный саламандр. Правой рукой он выхватил из ножен меч, левой – факел из чьих-то рук.

– Руки прочь! – выкрикнул он срывающимся фальцетом.

Те отшатнулись, оставляя его в неприкосновенном кругу. Как с мечом, так и с огнем никто из них не рискнул бы выйти против Звенигора. Воспользовавшись секундным замешательством, Звен растолкал не очень-то сопротивлявшийся народ, взлетел на Гейзера и размашистым галопом пустил его вниз с холма. В лагерь Салазани. Златовер велел было преследовать и остановить принца, но потом махнул рукой. Наверное, я никогда и ни к кому не испытаю большего презрения, чем к этому алчному до власти старику, который, чуть открыв глаза, хватился короны и, не разобравшись, не выслушав ни от кого ни слова, насмерть оскорбил единственного, кто оставался ему безупречно верен. Как огонь, опаливший возжегшую его руку. Я отвернулся и стал смотреть в спину Звенигору, влетевшему в лагерь своей недавней противницы.

Я понял. Похоже, я вообще здесь единственный, кто способен понимать Звенигора. Это была для него последняя возможность сделать то, что хотелось. Что непременно надо было сделать. Последняя возможность самому собой распорядиться. Он не мог упустить ее. И еще я подумал, что с этой безропотной сменой короля саламандры больше мне не симпатичны.

Он на полном скаку влетел в лагерь Салазани и осадил Гейзера прямо перед ее шатром. Полотнища раскинула, и Салазани вышла навстречу. Рванулась вперед... и, скрестив на груди руки, сделала полный достоинства шаг назад. Наверное, она была тогда потрясена не меньше. В тот момент, когда он швырнул ей ее жизнь, она знала, что он теряет все, для чего жил сам. Результаты всех своих трудов. И в тот же миг Звенигор стал значить для нее неизмеримо больше, чем Златовер. Она сняла заклятье Ледяного Сердца, сделав ответный дар. Не уступив ни в чем.

Думаю, они обошлись без слов. Вот их безмолвный диалог.

Его прямой взгляд. «Спасибо».

Чуть приподнятый в кривой усмешке уголок рта. «Не за что». И сразу – взгляд искоса. «Задержишь-ся? Останешься?».

Его опущенные глаза. «Прости. Не могу».

Сведенные брови. «Увидимся?».

И вспышка яростной надежды в нестерпимо голубых глазах. «Если буду жив!...».

Конь танцевал под ним, переминаясь на месте: должно быть, Звен безотчетно слишком туго натягивал поводья. Он даже не спешил. Наверное, опасался, что тогда не сможет уйти. Вот так и поговорили. Без прикосновения. Без поцелуя. А потом он развернул коня и вновь направился в свой лагерь. К своему отцу и сюзерену. Невесть-откуда вывернулась Соледад, и Салазани с плачем упала в объятия сестры.

И тогда я сказал себе: «Какого черта!» Должен же я хоть чем-то проявить себя в этой сказке? С самого начала я был своему герою абсолютно бесполезен. И потому, пока Звенигор скакал навстречу аресту, я протолкался к Златоверу, преклонил колено, как он привык, представился и рассказал ему все, что он пропустил, валяясь в коме. Не знаю, к чему он прислушивался – к моей искренности или к моему титулу. В самый раз, когда я закончил, Звенигор ворвался в лагерь, соскочил наземь, бросил меч и встал неподвижно. Сдался на милость своего короля. Стража тут же окружила его, но никто не посмел его коснуться. Златовер смотрел на сына, который без него тут стал мужчиной. Потом сделал рукой отстраняющий жест, и кольцо стражи разошлось и рассосалось в толпе.

– Иди сюда, – велел король. Ни слова благодарности. Никакого признания неправоты.

И Звенигор пошел, а я стоял и смотрел, как он уходит от меня, от Салазани, и вообще от своей сказки. Какой большой был у него день! Он принял корону – и отрекся от нее. Он победил в битве и в поединке. Он выиграл все, все потерял и все получил обратно в дар. Понял, что любит и любим. Обрел короля и отца, был им оскорблен и унижен, и утратил на его счет последние иллюзии. Добился воплощения смысла своей жизни, сделал все, что хотел... и теперь уходил, жертвуя свободой своей воли, своего ума, своей личности. Вновь в тень трона. Будто и не было героя, умницы, храбреца, а остался только сын короля Златовера. Невнятный какой-то персонаж. Мне стало грустно, я стоял совсем один и, пользуясь наступившей кромешной тьмой, давился дурацкими слезами. Когда все это начиналось, я и помыслить не мог, что это будет сказка о неблагодарности.

Эпилог

Одним теплым, зеленым тримальярским утром, самой любимой мною порой, я сидел в своей комнате и размышлял обо всем на свете. Я прекрасно выспался в удобной постели, рядом – протяни только руку! – стояли любимые книги, а завтрак, приготовленный матерью, я вообще, как божественное, комментировать отказываюсь. Я пришел к выводу, что тяготы Путешествий и Приключений – не по мне. Ненавижу ночевку в холоде, скудный походный паек и напряженную обстановку. От Звенигора – никаких вестей. Даже не знаю, жив ли он.

Надеюсь, жив. Интересно, как у него сложилось с Салазани?

Я положил ноги на табурет, закинул руки за голову и потянулся. А потом всерьез задумался о собственной личности. Что я такое? Почему и зачем я такой получился? Я – маленький безобидный дух, любящий хорошую кухню и никому не желающий зла. Я не герой. Я всего лишь спутник героя. Я никогда не напишу серьезную книгу о саламандрах, потому что мне гораздо интереснее личность Звенигора, чем химический состав его клетки и основы политического устройства государства его отца. По коему, без сомнения, плачет неизвестный дантов девятый круг. Правда, не могу себе представить ад в понимании саламандра. Я позволил себе помечтать о том, как бы после передачи эстафеты управляемые Звенигором саламандры вошли в общественное разделение труда. Представляете, открываешь, скажем, на фарфоровом заводе обжиговую печь, и встречаешь в упор кроткий взгляд прекрасных глаз. То же в пекарнях... Гномы свято блюдут свои секреты, но я готов поручиться, что в их плавильнях и кузнях появятся работники по контракту. По-моему, это даже чревато отраслевым кризисом перепроизводства. Да и печи никто не вздумал бы класть без консультации специалиста. Благодать. Мирная пора.

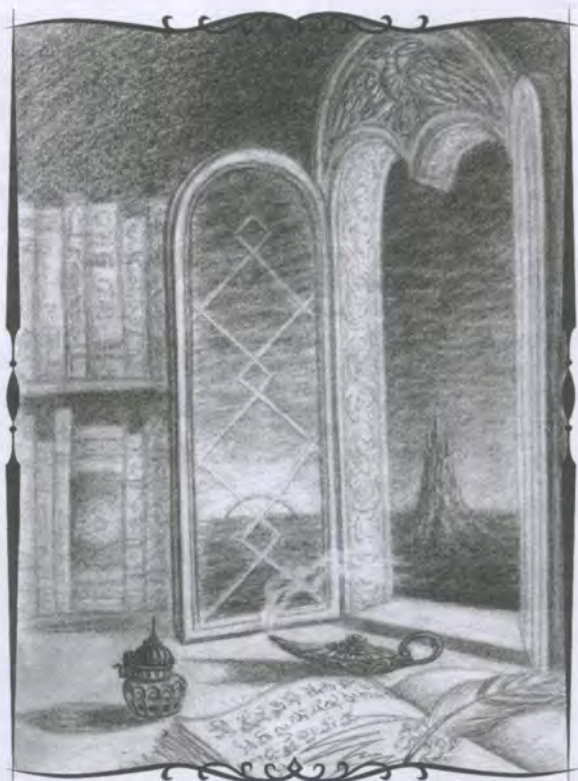
Я устроился поудобнее и окинул взглядом всю эту бесконечную историю, с самого ее начала. С Большого Драконьего Приключения моего отца. Как Златовер – воплощенный огонь, так Александр Клайгель был воплощенным светом и ветром. Впрочем, огонь – он тоже разный. Бесконтрольный, жадный, всепоглощающий – как король Златовер. И щедрый – как его благородный сын. Так вот, та – первая сказка о свете, добре и ветре драконьих крыльев. Странно думать, что все началось, как хохма. Потом мой отец угодил в добротное фэнтези о любви и борьбе Добра со Злом, да еще оказался в нем главным героем. Он не выпендривался, просто так сложились обстоятельства. Потом, добившись права творить свою собственную сказку, он создал поэму о труде, куда непрошено вперся Люитен, Бог-Создатель. Что касается меня, я готов признать его наличие, могущество и даже собственную мою ему подчиненность. С одним непременным условием: насчет всего этого я оставляю за собой право на собственное мнение. От несовершенства его мира у меня болит душа. Кстати, знаете, где она находится? Я знаю. В груди, рядом с сердцем, и иногда им двоим там дьявольски тесно. Потом тут, в Три-мальхиаре, заварился натуральный политический детектив с покушением на убийство моей матери, и, честно говоря, я до сих пор с большим недоверием отношусь к эльфам. Потом отец умер, и его эстафету героя принял другой персонаж. Принц Рэй. Он оказался горазд на классическую трагедию, а моя сестра Солли вполне успешно превратила ее в дамский роман. От последствий их деятельности все мы отошли очень нескорю.

И о чем только ни говорили мы на этом пути. И вот – я с моей Огненной книгой. Говорили о любви и дружбе, о добре и зле, о труде, боге и мироздании. О чем бы поговорить сейчас мне? Раз это доверено мне, какими словами я поставлю черту под нашей общей сказкой?

Я встал и выглянул в окно. Там, в саду, моя мать гуляла с Джеком, построившим, наконец, свой дом. Похоже, им было о чем поговорить. Я хитро улыбнулся. Я этого хотел. Хватит плодить печальные сказки! Пусть даже сколь угодно прекрасные. Нам жить. Не буду иметь ничего против, если она, вместо того чтобы, глядя на город или на меня, видеть в наших чертах минувшее счастье, неожиданно обретет новое, которому не видно конца. И как бы тогда сразу увеличилась наша семья! Не найду себе покоя, пока поганой метлой не вымету из этого дома самый дух мрачных сестер Салазани.

Я заколебался в своем решении, когда вспомнил о Соледад, но потом решительно добавил и ее к черному списку. У меня никогда не будет с ней так, как у Звенигора с Салазани. Взаимоотношений равных. Я, конечно, готов молиться на нее и служить ей вечно... Но другая женщина возьмет меня за руку и поведет через весну. Так что пусть убираются прочь и освободят нам место. А мы будем счастливы.

Конец этой сказки

Майное золото Всеволожских

Род Всеволожских восходит от времен образования Руси, т.е. от Рюриков и продолжается до наших дней. При царе Алексее Михайловиче Раф Всеволожский (отец невесты царя) в 1649 году был воеводой в г. Верхотурье, в 1652-м в Тюмени. В настоящее время в Екатеринбурге живет представитель этого рода – Людмила Всеволожская.

В многих источниках указывается, что Всеволожские стали заниматься горнозаводской деятельностью на Урале со времени покупки вотчины с заводами и рудниками у Строгановых. Это не совсем так: действительный камергер и кавалер Всеволод Алексеевич Всеволожский (он был пожалован Екатериной II в тайные советники и в Правительственный сенат 5-го департамента 21 апреля 1773 г.) до покупки вотчины у Строгановых изъявил желание заниматься разработкой золотосодержащего рудника на Северном Урале и «ежели надежда окажется, ту руду на казенные заводы ставить или собственные плавильные или промывальные заводы заведения просить» (цитируем его челобитную).

Берг-коллегия своим указом подписала: «Оные разработки надлежащим образом по горно-

му правилу испробовать через промывку или проплавку, и если по пробе окажется положение тех руд и произведение работы надежно – о том в коллегии репортовать». (ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 84. Л. 329).

Желание заниматься разработкой золотосодержащего прииска могло возникнуть у Всеволожского после ознакомления с отчетом знаменитого ученого П. Палласа, который посетил этот прииск в 1770 году и считал его благонадежным.

Будучи высокообразованным человеком, Всеволожский без сомнения посещал Минеральный кабинет в Кунсткамере, где уже в то время имелось более десятка образцов золота, включая и золото добытое из песков. Не мог он не знать и трудов великого русского ученого М. В. Ломоносова, который разработал методику поиска жильного золота и представил ее (7 июня 1761 г.) в Правительственный Сенат. Кроме того, Всеволожские могли иметь сведения о приисках Северного Урала еще со времен Рафа Всеволожского.

Результаты разработки Всеволожским золотого месторождения у реки Суры остаются неизвестными. Не исключено, что в основе этой сделки лежит согла-

шение на передачу Всеволожскому золотосодержащего прииска у реки Суры (на Белом камне). Но стремление добывать золото у Всеволожского не пропало.

В 1775 году Енталцов и Посников вновь отыскивают медный прииск с содержанием золота на левом берегу реки Сосьвы. Он был назван Воскресенским. Шихтмейстер Кузнецов отвел земли под рудник и место под строительство плавильного и промывального завода на Истоке из Нижнего озера в 34 верстах от Петропавловского завода (г. Североуральск). Но, видимо, из-за отсутствия денег и приписных крестьян разработка рудника и строительство завода зашли в тупик.

Всеволожский, по всей вероятности, следил за разработкой компанией и золотосодержащих приисков, так как в 1780 году уговорил Енталцова и Посникова продать ему за 24 тыс. руб. 2/3 своей доли приисков принадлежащей компании со всеми заготовленными припасами для строительства завода. Но рудники и земли под завод так и остались за компанией. В 1786 году Петр Петров Енталцов продает 1/3 своей доли детям Максима Похлядина (обер-провиантмейстеру Николаю и премьер-майору

Григорию) за 3 тыс. рублей. В следующем году тоже самое дело дети уже умершего Григория Посникова.

Начиная с этого времени, Походяшины стали разрабатывать Воскресенский золотосодержащий рудник. Всеволожский отказался от дальнейшей борьбы.

В 1797 году Всеволод Алексеевич умирает, а так как у него не было детей, свои владения он завещал своему племяннику Всеволоду Александровичу Всеволожскому.

Кажется, все было решено: наиболее перспективные прииски стали разрабатываться казной. (В 1791 г. дети Максима Походяшина продали ей свои заводы). Вместо завода на Истоке, была построена фабрика для протолочки руд на Богословском заводе.

Но в 1813 году разработка Воскресенского рудника была приостановлена, и Всеволожский, видимо, решив, что со стороны казны не будет никаких вознаграждений, пригласил в 1816 году в Заозерскую дачу землемера Чеканова и попросил его обмежевать земли, представив их как свои собственные.

Пермское горное правление посчитало такие действия Всеволожского своевольным решением и потребовало сделать обмежевание на законном основании, но только после предоставления всех документов, подтверждающих владение этими землями.

По этому поводу был дан следующий ответ: «Теперь же оных здешнее правление не имеет в оригиналах за бывшим сгорением в 1811 году вместо о правления всех дел, как оное и Горному правлению уже известно, а при том и за отлучкою самого владельца, сообщить из других мест и в оное Горное правление в скорости представить никак не можем».

И межевание было проведено без предоставления каких-либо документов.

Узнав о межевании Заозерской дачи, Богословская контора все-таки поднимает шум, так как

леса, отведенные к Богословскому и Петропавловскому заводам, были все вырублены, и Богословская контора рассчитывала на лесные массивы за Сосьвой.

Отводом земель заинтересовались и родственники Строгановых, которые посчитали, что обмежеванные земли принадлежат Строгановым. Но после длительного разбирательства в Пермском горном правлении было выяснено, что земли в Заозерской даче принадлежат казне, так как на них проживают ясачные вогулы, и никаких примыканий к землям Строгановых никогда не имелось.

Кроме того, начальник Богословских заводов просил Пермское горное правление, «дабы оное приказало сделать наперед Заозерному г. Всеволожского руднику свидетельство, есть ли какая благонадежность к построению на оной завода. Насколько известно, то оной рудник совершенно безнадежен, и со стороны г. Всеволожского никакого знающего горные дела, к осмотру благонадежности оного присылано не было... Настоятельное требование г. Всеволожского на безнадежный рудник обмежевания лесов для устройства завода, подает повод думать, что в предмете имеется не медеплавильный завод, а какое-то новое заведение в тамошнем крае пользу ему приносить».

Правительственный Сенат указом от 4 августа 1821 года

потребовал от Всеволожского документы, на основании которых он производит строительство медеплавильного завода на реке Канде. Всеволожский опять не представил документы, и дело было передано в уездной суд.

Вскоре поверенный Всеволожского – Василий Теплоухов все-таки представил в суд три копии документов. Один из них уведомлял, что земли на реке Канде были уступлены Всеволожскому сыновьями Максима Походяшина в 1790 году. Суд признал, что договор об уступке земель Всеволожскому не имеет никакой юридической силы, так как земли эти принадлежат казне. Два других документа относились к разделу имущества между Всеволожскими и не касались Заозерской дачи. И суд вынес решение: землю в Заозерной даче оставить за ясачными вогулами и запретить Всеволожскому строить завод на Канде.

В 1823 году происходит важное для Северного Урала событие: было открыто песочное золото. Начальник Богословских заводов сообщал в Горное правление, что ими была проведена опытная промывка глинистых песков с кварцевыми валунами в берегу речки Турьи, в 15 верстах вверх от завода и в берегу реки Сосьвы на Воскресенском руднике, – в них оказалось золото (ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1096).

Открытие россыпного золота на Северном Урале вновь побуди-

ло Всеволожского на активные действия за обладание Заозерской дачей.

Горный начальник Богословских заводов, узнав об этом, пишет в Пермское Горное правление письмо, в котором приводит следующие доводы в непринадлежности Всеволожскому земель в Заозерской даче:

1. Пермское горное правление официально сообщило письмом от 22 марта 1823 года, что земли присваиваемые Всеволожским, остаются в нынешнем владении ясашиных гул;

2. В правилах о золотом промысле, утвержденных от 15 июля 1824 года сказано, что золотосодержащие рудники, открытые кем бы то ни было в землях казенных и в особенности на землях, где расположены казенные заводы, частным людям во владения не отдавать;

3. Утверждение Всеволожского, что в Заозерской даче уже давно проживают его крепостные крестьяне, является выдумкой, так как на занимаемом им руднике имеется несколько домов, но оные выстроены были, сколько известно, еще до 1791 года, т.е. до продажи здешних заводов в казну. С этого времени постоянно жил там только один старожил со своей семьей: а с нынешнего года выслано на оный важное число крепостных его людей, как о сем уведомило Горное правление от прошедшего мая месяца.

Основываясь на высказанном, горный начальник Богословских заводов просит Горное правление препроводить его сведения в Пермский уездный суд.

Несмотря на все запреты, Всеволожский стал нанимать людей в Верхотурском уезде для заготовки леса под строительство завода. Узнав об этом, Пермский обер-форштмейстер Захаров 26 июня 1825 года снова обращается в Горное правление, и действия Всеволожского по строительству завода были приостановлены.

Но Всеволожский и в этой ситуации не сдается: он обращается непосредственно к царю.

Поверенный Всеволожского Иван Васильев сын Минохин 8 июля 1825 года пишет письмо государю императору Александру Павловичу, в котором просит признать за Всеволожским обмежевание земель, выполненное в 1817 году, так как земли были отведены еще тайному советнику и сенатору Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому, и на этих землях уже живут его крепостные крестьяне. В письме он сообщает также, что согласно акту от 27 февраля 1790 года дети Максима Походяшина уступили Всеволожскому земли по реке Канде.

Время написания письма Минохиным было выбрано неудачно: у царя заболела царица, и он повез ее на юг, где сам заболел и вскоре умер.

На следующий год в феврале месяце поверенный Минохин вновь пишет письмо с такой же просьбой, но уже другому царю – Николаю Павловичу. И уже 11 февраля 1826 года Пермское Горное правление утверждает отвод земель в Заозерской даче в собственность Всеволожскому. Такое реше-

ние царя, возможно, было принято из-за прихода Богословских заводов в упадок, особенно Петропавловского, который в следующем году был полностью остановлен.

Пройдя сложный и трудный путь, Всеволожские завладели землями в Заозерской даче и стали крупными золотодобытчиками. Там было открыто (до 1843 г.) более 20 богатых золотых приисков. В 100 пудах песка содержалось до 11 золотников (1 зол. – 4,27 г.) золота. Количество добываемого там золота в год составляло 3 процента от всего добываемого золота на Урале.

Но так и осталось загадкой: что побуждало Всеволожских так настойчиво на протяжении 45 лет добиваться отвода земель в Заозерской даче?

Известно, что Заозерский медный прииск был неблагонадежным и служил лишь поводом для получения земель. Других медных приисков Всеволожские даже не искали, хотя они там имелись. От найденных Ентальцовым и Посниковым приисков они также отказались. Из этого можно заключить, что Всеволожских не интересовали медные прииски.

Начальник Богословских заводов высказывал мнение, что Всеволожские хотели получить Заозерскую дачу, чтобы заниматься заготовкой корабельной сосны, которой на берегах реки Канды имелось более 50 тыс. шт. Но и это предположение не оправдалось. После получения Заозерской дачи Всеволожский не стал заниматься и заготовкой леса.

Остается только одна-единственная версия: Всеволожские не знали про песочное золото в Заозерской даче и надеялись найти там богатую золотую жилу. (В Заозерской даче действительно в песках имелось золото в крупных фракциях).

Получение Заозерской дачи совпало с началом промышленной добычи золота из песков. (Унтер-шхтмейстер Березовских золотых рудников Бруницын в 1814 году усовершенствовал способ промывки песков и разработал методику определения золотоносных слоев в песках). Всеволожские, не найдя жилу, переключились на добычу золота из песков.

Чеклецов в 1826 году обследовал на золото места в верховьях реки Пуи (недалеко от Заозерского рудника) и обнаружил на горе собранные кем-то кварцевые камни. Выкопав там несколько развешенных траншей, он «подсек» кварцевую жилу, в которой содержалось золото («Горный журнал» 1827. № 5. С. 99).

Себестоимость золота, добываемого из песков, была значительно ниже, чем добыча его из коренных месторождений, поэтому находку Чеклецова оставили без внимания.

Возможно, отыскиваемая Всеволожскими богатая золотая жила в Заозерской даче и до настоящего времени дожидает своего удачливого золотоискателя, чтобы раскрыть ему свои богатства.

Сказ об уральских скоморохах

Были гусяры
иль не были?
Где их были
и небыли?
Может быть,
близ Тюмени
Гусли Садко
утеряны?
Может быть,
под Ишимом
Струны в озерах
стынут?
Гусли заносит
илом...
Были гусяры,
были!
Пели они,

гуляли,
Гусли свои
теряли.
Там, где
гусли упали,
Струнами
прорастали
Березняки
тугие
Сквозь брусниковые
росы...
Вот почему
в России
Любят
березы.

В. Нечволода. Гусяры.
1983. Свердловск.

Давно та сказка складывалась...

«Камень! Горный Урал, Каменный Пояс» – так величали этот край наши прадеды.

И протянулся этот пояс Уральских гор с юга на север до самых северных морей, что тонут во мраке долгой полярной ночи. И разделил этот пояс материк на две части света – Европу и Азию. Разделил и соединил их одновременно. Знаковое место.

Непреодолимой стеной из леса и камня вставал он на пути на восток у европейских путешественников и переселенцев. В непролазных чащах его звенели горные ручьи, текли величавые реки с чистой водой, встречались озёра и болота. Изобилием птиц, зверей, рыбы встречал наш край поселенцев из России. И теснились местные кочевые племена коми, черемисов, башкир, татар, вогулов, остяков, самоедов, уступая место в тайге старообрядческим скитам, русским деревням и первым русским городам – острогам. Нашли здесь русские крестьяне земли под пашню пригодные. А опосля сыскали горщики – рудознатцы богатые рудные залежи. Пофартило им.

И задымили над лесами казённые заводы, кончилась спокойная таёжная жизнь. Не разделял тогда русский чиновник наш край на Предуралье, Южный, Средний и Северный Урал; на Зауралье и Сибирь. А звал всё едино – Сибирью. И была та Сибирь краем ссыльных и каторжных поселенцев. Да ещё удальцов беглых, кому дома – по особым причинам – не сиделось. Что и в неволе – волю ищут. Со времён Ермака Тимофеевича в московских документах Сибирь начиналась с Перми. Город Пермь был россий-

скими воротами в Сибирь на пути из Европы в Азию.

И не перевелись ещё тогда в российских городах и всяех профессиональные народные музыканты, «весёлые люди» – скоморохи, что хранили древние музыкальные традиции, берегли песенное наследие предков – былины да старины. Были сведущи в обрядах и устройстве праздничных действий да игрищ. Умели и музыкальные инструменты ладить. Многолик был их инструментальный арсенал: волынки, гудки, домры, гусли, колесные

лиры, дудки, рожки, брёлки, зурны, варганы, бубны и прочие древнерусские инструменты.

Со времён Ивана Грозного и до Петра I церковники и цари российские гоняли скоморохов. «Доставали» их, видимо, те скоморохи, устраивая в праздники «для всего честного народа свои игрища прелестные, творя глум, позорище и потеху», мешая им, царям и челяди их, жить важной, размеренной, государственной жизнью. И наказывали скоморохов жестоко и ссылали их в опалу в Сибирь (читай – к нам, на Урал, под надзор и на поселение). И брели они, звеня кандалами, Сибирским трактом на восток, подале от Москвы и поближе к нам. Здесь они и укоренились. А там, под Москвой, повывелись.

А поскольку на русскую домру и скомороший гудок было особое «табу» и особый царский надзор, то со временем скоморохи перешли на иные инструменты, но занятия своего не бросили. На гусли же власти смотрели сквозь пальцы, да и церковь их не гнушалась. Звонари на колокольнях «звонили по-гусельному», а дома у себя колокольные звоны на гусях разучивали. Совпадал строй русских гусель с настройкой колоколов на звонницах! Исстари так повелось! Столовидные гусли и в хорах именитых людей Строгановых водились, о чём описи тех времен свидетельствуют.

И повелись у нас на Урале свои гусяры и гусельных дел мастера. Из печати известен тот факт, что во второй половине XIX века в городе Нижнем Тагиле жил слепой (!) мастер по фамилии Косырев, изготавливавший гусли на продажу на ярмарках. А уж коли слепой водился, то зрячие тем паче.

Древние многострунные гусли были обнаружены в 80-е годы XX века, доблестными воинами «стройбата», когда они разбирали монашескую келью в Далматовском Успенском монастыре. Не гнушались монахи гусями, во грех не ставили, коли бережно хранили их в потаённой нише в стене кельи.

Позднее появились на Урале и свои «балалаешники», а стало быть и «балалаешные» мастера. В тех же газетах XIX века рассказывают, что завёлся на Ирбитской ярмарке столь искусный «балалаешник», что был приглашён на праздник в губернский город Пермь (а в середине XIX века мы всё ещё были Перм-

ской губернией), и поставил тот народный игрец в губернаторском саду всех именитых пермяков на их «солёные» уши!

А коль на балалайках играли, стало быть их кто-то делал, ибо музыкальных фабрик тогда ещё не было и музыкальные инструменты изготовлялись повсеместно вручную – на мануфактурах, что означало «ручную работу».

На балалайках (поуральски «бруньках»), на бандурке уральской (наш местный доморощенный инструмент, более нигде в мире не встречающийся) играли и в кабаках. А зачастую и дуэтом: брунька и бандурка. Причём, брунька была длинной, а бандурка – короткой. Брунька – пела, солировала, балабонила голосом низким. А бандурка ей вторила, аккомпанировала, подпевала – «дишкантила» голосом высоким.

«Царёвым кружалом» звали в народе кабака, а ещё «монополькой», «трактиром». Владельца именovali «целовальником», ибо он перед государевыми чиновниками крест целовал и божился, что всё в его заведении будет путём, а «левого» зелена вина не будет и на нюх. Те музыканты кабацкие были предтечей нынешних музыкантов ресторанных, что сейчас в каждом ресторане на электрических гитарах гремят. А также в иных составах, скажем: скрипка, баян и контрабас – как играют в том же «Троекурове».

Та брунька уральская была двуструнной, гриф её был гораздо длиннее, чем у современной балалайки. И вообще она подозрительно походила на казахскую домру. Тем паче, что те жили по соседству, недалече, и на ярмарках музыканты-горцы уральские и казахи степные встречались.

А пятиструнная бандурка уральская была народным миниатюрным вариантом гитары. Она была маленькая и узенькая, имела короткий и достаточно широкий гриф с жильными перевязками в позициях ладов. И было тех ладов до 5–7

Гусли, изготовленные по модели XIII в.

Гусли шамана из Ханты-Мансийска Нарс-Юх («звучащее дерево»)

позиций. Бандурка имела иногда долблёный корпус. Долблёные корпуса в те времена были не редкость – они встречались и на бруньках, домрах, кобзах, гуслиях и других музыкальных инструментах. Настраивалась бандурка по гитарному строю русской семиструнной гитары, но без двух последних басов и выше по тону. Повывелась уральская бандурка на рубеже XIX–XX веков. Вытеснили её дешёвая фабричная семиструнная гитара да ставшая модной тогда голосистая гармошка. Но в память о ней мы, уральцы, по привычке гитару «бандурой» называем.

Знали наши предки толк в инструментальной музыке! И мы – потомки тех весёлых скоморохов, которым по царскому указу «лоб клеймили, ноздри рвали, а избы и имущество в казну грабили», тех, кого по этапу в Сибирь ссылали. А коль инструменты у скоморохов при этом изымались и уничтожались, то на новом месте, будучи поселённым и немного поосвоившись, брал скоморох топор и брёл зимою в лес. Выбирал дерево, деловито постукивал обухом по стволу, высматривая то, что постройнее да позвончее будет, и валил его, поплёвывая на ладони да потирая запястья, с коих не сошли ещё кандалные отметины. Сушил заветные звонкие полешки на печи и ладил себе новый инструмент, несмотря на догляд местного воеводы и его слуг. Ибо «рад скомрах о своих домрах!»

Не переводилась музыка в народе. Не переводились и царские указы, памятки и циркуляры о скоморохах. Радели цари о перевоспитании сосланных скоморохов, дотягивался царский кнут из Москвы и до уральских закоулков. Рецидивисты-скоморохи были наши предки, коль, несмотря на

Гуслияр Андрей Байкалец (Иркутск)

запреты, наказания и строгие меры не попускались! А почёсывая под рубахой после очередного правеха исполосованную рубцами спину, гусли да гудки заново ладили. И в праздники народ веселили, озорно поглядывая вокруг. И песни древние вспоминали и новые складывали.

И звенели над Уральским хребтом, гремели над горными кряжами в деревянных избах и на лужайках те песни. И плясали под них, и хороводы водили. И без вина веселы были.

И нам заповедали – не попускаться!

Гудошник из ансамбля «Русичи» (Москва)

Геннадий ЧЕУРИН,
научный руководитель Центра экологического выживания
и безопасности, почётный полярник.
Фото Сергея ПОЛЯКОВА

УЧЕБНО- ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «СИБИРСКИЙ ПУТЬ»

Освоение Сибири – грандиозное событие. Знаменитый Ермак Тимофеевич, пошедши с нашего Урала, проложил тропу, исполняя волю Государеву, усмирить Сибирское ханство. Задачу он исполнил, но сам погиб. И это был знак всему нашему народу: в Сибирь с войной ходить нельзя! И все дальнейшее движение было мирным.

В XVI–XIX веках, менее чем за 400 лет русские казаки-землепроходцы преодолели более десяти тысяч километров нехоженой тайги, практически без снаряжения. И мирно присоединили к России Север, Сибирь, Дальний Восток и Русскую Америку. С такой скоростью в истории человечества не двигался ни один народ. Как же шли они по нехоженным тропам, как перебирались через гигантские реки? Как собирались они в дорогу, как их встречали из похода? Как находили общий язык с иноземцами? Секрет был в том, что в переходах этих и при встречах с иноземцами, безопасность обеспечивалась не силой и оружием (как это принято в Европе), не фундаментальным знанием (по «восточным» принципам), а культурой отношений с окружающим миром (северная традиция).

Для чего шли в экспедицию?

Уже три года на Урале действует учебно-оздоровительная экспедиция «Сибирский путь» для старшеклассников и студентов, воссоздающая культуру путешествий наших предков. Юноши и девушки во время пребывания на реке Чусовая и на севере Свердловской области научились уникальным навыкам выживания в природных и социальных экстремальных ситуациях.

Группой энтузиастов из Екатеринбурга еще в 2002 году организован специальный учебно-тренировочный центр. Цели и задачи его формулируются не совсем обычно: воссоздание русской традиционной культуры путешествий, демонстрация восстановительных возможностей уральской природной, ландшафтной, геомагнитной и культурной обстановки для позна-

ния нашей действительности, возвращения здоровья, – как физического, так и психологического. Это означает не просто отдых на природе, но серьезную воспитательную работу.

Оказывается, у русского человека именно путешественником «лечатся ранения души»! Необходимо просто извлечь из глубины веков нашу испытанную культуру путешествий, как это делали казаки-землепроходцы триста-четырееста лет назад!

Какова была главная идея экспедиции? Как известно, отдыхать надо всем, особенно школьникам. Наша уральская природа предоставляет все условия для активных восстановительных занятий. Так и была организована детско-юношеская учебно-оздоровительная экспедиция «Сибирский путь».

Проходила экспедиция в уникальных местах Свердловской области – на реке Чусовой и в горах Шемур и Хоза-Тумп в окрестностях города Североуральска.

Как «выживали» в лесу и на воде?..

Вначале воспитанники знакомились с приемами выживания на природе без снаряжения (разведением костра из сырых дров сырыми же спичками, устройством укрытия без применения топора и пилы и многими другим хитростям). Владая этими навыками, наши предки довольствовались в походах снаряжением на уровне повседневной одежды и, как следствие, – ходили в лес круглогодично, в любую погоду! Причем они не «выживали», а просто жили в ладу с природой, радуясь окружающему миру!

Затем многие обучились приемам плавания в экстремальных ситуациях. Из-за холодной воды только на последней смене этого сезона удалось провести состязания по этой интереснейшей дисциплине, обязательной перед сплавом.

Перед походом необходимо проверить человека на случай неожиданного падения в воду. Занятия эти можно проводить как на реке или озере, так и в бассейне. Состязания, проходящие в форме игры, включают в себя плавание в тяжелой одежде и обуви, сохранение одежды сухой при переправе через глубокую реку (не имея заранее подготовленного снаряжения).

Как наши предки учились понимать друг друга?

Особая наука – конфликтология. Все знают, как сложно договориться в группе, особенно в экстремальной ситуации! Причем, в городе конфликт бывает еще более тяжелым, чем в лесу. Уметь понимать друг друга, учитывать все разнообразие мнений, – этим всегда славилась русская культура.

Одна из главных проблем в любом путешествии: как группу случайных людей сплотить в общину, в которой ведущее большинство способно при необходимости «видеть друг друга даже в темноте»?

Хорошо известные многим занятия по «веревочному курсу» – «паутинка», «бревно», «лабиринт» – формируют иные отношения в группе! Но группа группы рознь, коллектив и русская община – понятия разные!

И еще одна тема: особенности российского тра-

диционного нравственного воспитания. Юноши и девушки в экспедиции знакомятся друг с другом. Увы, современная городская культура задает не совсем верные примеры взаимоотношений. А какой эта культура была у наших предков, насколько необходимо ее возрождение? Вот почему в экспедиции проводились занятия по основам русской этнической культуры.

Игры, танцы, хороводы, песни уже на третий-четвертый день выявляют группы, «чувствующие» друг друга без слов. При сплаве по реке Чусовой и во время пешего перехода по тайге на севере это обязательное условие.

Именно в экспедиции ребята познакомились с сокровищами духовной культуры: сказками, легендами, походными песнями. И даже самостоятельно делали плетеные пояса. Такие пояса были для русского человека связующей нитью с домом среди дикой природы, знакомым предметом, охраняющим в лесу.

Главное событие второй смены экспедиции – Купала, один из центральных древнерусских праздников. Организатором удалось по крупицам собрать древние обряды и воспроизвести праздник.

Отношения с хозяевами леса

Отдельная тема – взаимоотношение с обитателями леса. Казалось бы, естественен страх перед медведями, волками и даже клещами. Но «борьба» с ними не соответствует нашим русским традициям! Знание их образа жизни, невмешательство и умение вести себя в лесу в итоге создают гораздо больше уверенности, чем наличие оружия. Мы неоднократно убеждались в этом, особенно в северных наших экспедициях, где настоящие хозяева леса, как известно, волки и медведи!

В этом году на Чусовой нас ждало испытание. Располагался лагерь наш на берегу (мы сами его установили). А на третий день в нескольких метрах от центра лагеря обнаружили гадюку под деревом. Нормальная уральская черная гадюка. Здесь было ее жилище.

Для организаторов детских лагерей в по-

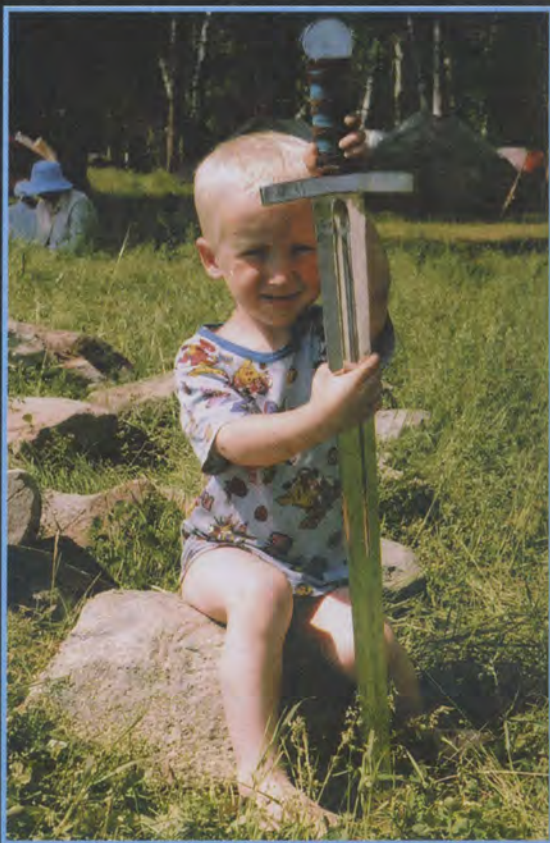
добных ситуациях есть два варианта действий: убить ядовитую змею, либо перенести лагерь на другое место. Нас не устраивали оба варианта! Мы нашли третий: огородили ее территорию с выходом к воде. Так и жили полтора месяца! Более того, змея нас всех хорошо «дисциплинировала».

А в ответ на это понимание получили один совершенно неожиданный результат: полевые мыши, в прошлые годы регулярно портившие продукты, в этом сезоне отсутствовали полностью. Змеюшка-хозяюшка «навела порядок»!

Русское боевое искусство. Только ли для боя?..

Прикоснулись наши воспитанники и к такому проявлению мужской традиционной культуры как русский рукопашный бой. В пути встреч много, не всегда, к сожалению, дружественных! Русская традиционная культура путешествий предполагала особый подход к общению с незнакомыми людьми и народами. Как же наши предки решали эту проблему?

Инструкторы Клуба русского рукопашного боя познакомили нас с возможными ситуациями, провели особые тренировки. Конечная цель здесь – не в победе над противником, а в обращении врага в друга! Так даже единоборства используются для развития творческих способностей.

О проживании

Хотя обучают в экспедиции «Сибирский путь» умению ходить без специального снаряжения, живут все в современных палатках. Но при активных играх в лесу, под частыми дождями возникает одна проблема: скоро практически все участники промокают «до нитки»! На этот случай у нас был большой чум, где можно было обсушиться. Устанавливали мы его сами, – пять метров в диаметре, из жердей и ткани, с костром в центре. Вокруг этого костра всем хватало места! Эти ежедневные сборы в чуме превращались в повод для интереснейших разговоров.

Питание в экспедиции

Есть известный стереотип – «горбушка хлеба на дорогу», а дальше – охота и рыбная ловля. На крайний случай, растительная пища. У нас же главная особенность – отсутствие мяса и хлеба. Именно эта система и испытана в длительных походах. Это единственно возможный способ обеспечить надежность в настоящей экспедиции. Калорийность обеспечивается орехами, медом и самой простой крупой. Но главное – особая ценность пищи, приготовленной руками воспитанников из того, что растет вокруг!

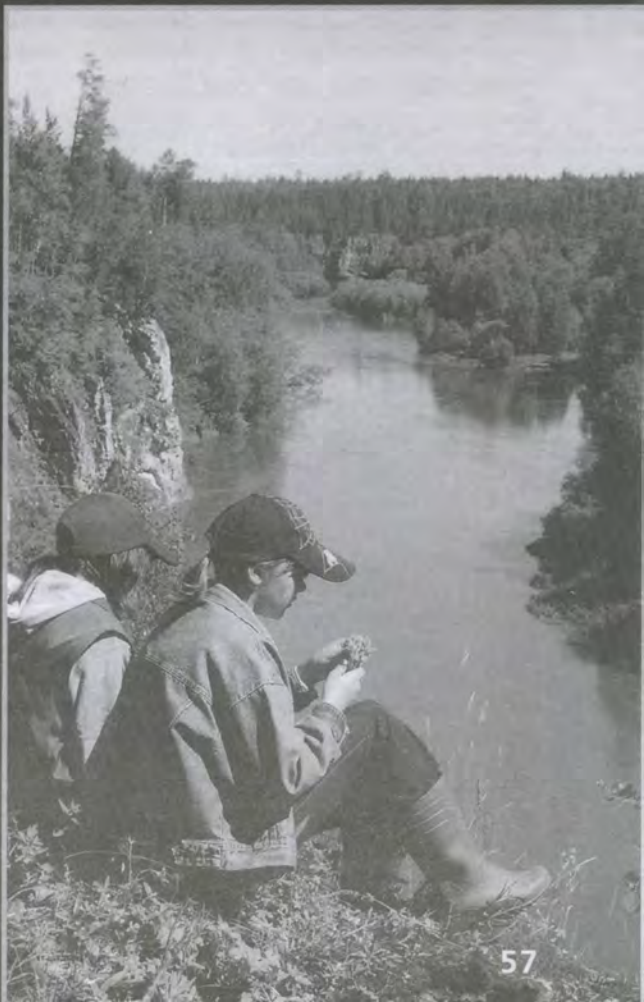
Конечно, не догматики собрались в экспедиции. И рыбу мы ловили, и от угощений не отказывались. Но главный русский северный принцип не забывали: не бери от природы больше, чем можешь съесть.

Что будем делать зимой?

С наступлением осени наша деятельность уже прекращается. Идет набор в экспедицию будуще-

го сезона. Именно в это время проводятся учебно-тренировочные семинары для будущих инструкторов. Преподаватели, организаторы, руководители клубов и просто жители города могут обучаться на сертифицированных курсах, получить удостоверения и работать в дальнейшем инструкторами нашей экспедиции. Кроме того, в течение всего года проводятся тренировки по русскому боевому искусству.

Именно наш Урал может воссоздать уникальную походную культуру. Речь идет не только о передвижении в пространстве: путешествие, как встреча с людьми, проявление человека в этом мире, поиск себя! А уникальные уральские условия позволяют создавать в нашем регионе учебно-оздоровительные центры всероссийского значения.

Новогодний дар

Илья очнулся в лесу. Сильно болела голова. Вспомнить, как здесь очутился, не удавалось. Илья знал свое имя, но чем занимался до этого и кто такой – все это было покрыто туманом забвения. Илья коснулся разбитого лба и отдернул руку. Рана болела и кровоточила. Но кто ее нанес и когда?

«Что это за лес, как сюда может занести нормального человека? И за что мне это все?» – Подумал Илья, но пожалеть себя не успел. В этот миг сбоку раздался громкий скрип. Это прогнулась под снегом осина. И тут же хрустнула ветка, и серой молнией метнулась вверх по стволу перепуганная белка. Илье показалось, что колыхнулись тени и подмигнула луна.

А потом Илья услышал тяжелую поступь. Шаги приближались.

Илья пробежал по тропинке и прыгнул в овраг. Можно было надеяться, что следы, идущие не от тропинки не привлекут внимания. Проклиная себя и судьбу, Илья добежал до первого дерева и рухнул в снег, за кусты. Скрылся он вовремя. Только сомкнулись над его головой снежные ветви, как на поляне появилось нечто невиданное, упитанное и ужасное. Чудовище выступало медленно и величаво. Но это был не медведь. Это шла изба. Деревянная, с окнами, затянутыми бычьим пузырем, с резными ставнями и наличниками, и даже с коньком на крыше.

Илья зачарованно посмотрел на избу. Было в облике этого дома что-то неуловимо притягиваю-

щее. Возможно, это были куриные лапы, каждая толщиной в ствол дерева.

«Мать честная! – Догадался Илья. – Так это же жилище бабы-Яги. Видать, хорошо мне по башке припечатали, раз такое мерещится». Выходить из укрытия Илья не спешил. Всем известно, что вредные Яги младенцев варят живыми. Илья нервно сглотнул: как пить дать – сожрет.

Изба остановилась, пыхнула трубой и, икнув, рыкнула:

– Что, сладко в сугробе-то сидеть?

Илья понял, что его обнаружили. Бежать было уже слишком поздно. А то, что избы говорят – это уже даже и не удивляло. Илья поднялся из сугроба и вышел на поляну, залитую лунным светом.

– Да и сама не таись, – покажись. Я зла не имею, говорю, как умею. – Проворчал Илья, вспомнив старую сказку, которую еще в детстве слышал от бабушки. – У, нечисть поганая!

В ответ раздался хриплый старческий смешок:

– Что ж ты меня к нечисти причислил? Я вчера в прорубь нырял с головой; помылся, стало быть, сегодня, получается, – еще сила чистая. Ладно, неуч, полезай в меня греться, а то отморозишь себе причинное место, – меня Яга потом поедом съест. Да перестань зубами клацать! Это я с тобой говорю – дед Йог. Ты, естественно, дом с ножками видишь. Так вот это я и есть. Поторопись, пока я не осерчал!

Илья вздохнул и обречено побрел к ступеням. Без

слов было ясно, что с такими лапами изба быстро нагонит и растопчет кого угодно.

«Дед Йог. – Раздражено подумал Илья. – Разве это кличка? Изба – йог. Вот уж ерунда! Сейчас лапы в узел завяжет, впадет в транс и запоет: «Харе-харе Кришна! Харе-харе Рама!» И, потом, разве избы бывают мужского рода? Где у него первичные и вторичные признаки пола? Причинного места не видать, бороды тоже нет. Кругом сплошной обман. А еще интересно, есть ли у него жена, и какие у них дети?»

Илья потоптался возле избы. Крыльцо висело на уровне груди, чтобы взобраться на него, нужно было прыгать. Почему об этом в сказках не пишут?

– Ты это. – Илья почесал в затылке. – Как там: стань к лесу задом, а ко мне передом. И того, присядь. А то из меня тот еще спортсмен-разрядник.

Йог присел. Теперь можно было войти. Илья, на всякий случай, не просто ступил, а прыгнул на ступени: вдруг изба шутить вздумает и поднимет крыльцо. Кому ж хочется падать?

– Ох! – Жалостливо крикнул Йог.

«Вот оно где, причинное место!» – ядовито подумал Илья.

Взявшись за медную ручку двери, парень прошептал: «Господи, помилуй!».

Шагнув внутрь, Илья сразу увидел печь. Она была центром избы, пожалуй, ее сердцем. Вот она – погибель!

На полатах кто-то зашевелился:

– Фу, что-то человеческим духом пахнет. Не пора ли половики вытряхивать да пауков по углам гонять?

В тенетах, собиравших пыль, яростно зашипели пауки, перебирая мохнатыми лапами.

А с полатей по-девичьи бойко спрыгнула косматая старуха с костяной ногой:

– Хм, самец. Ма-ло-день-кай какой! Еще, небось, – мальчик. Страсть как таких люблю.

«Сожрет», – поглядел Илья, и в тот же миг дверь за спиной захлопнулась, и сама закрылась на крючок.

– Я не мальчик, но муж! – срывая голос, выкрикнул Илья, полагая, что Яга может им и побрезговать. Холостят же, в конце концов, кабанчиков, чтобы мясо оставалось вкусным, авось мужской запах для людоедки отвратителен.

И тут дом затрясся в спазмах гомерического хохота, изба утробно ухала, содрогаясь всеми стенами.

Старуха тоже смеялась. Ее кустистые брови то сходились, то расходились над крючковатым носом, делая Ягу похожей на филина:

– Да не ем я ни детей, ни взрослых. И даже кровь не пью. Я ведь людского племени, только живу дольше, да знаю больше. Правда, ведь, дед?

– Это верно. – Прогудели стены. – Она хоть и баба, но дюже деловая. Командир в юбке – это почище мироеда. Меня вот совсем замордовала, старая. Слышишь, что удумала, – ей в то время уж триста пятьдесят стукнуло, как она ко мне со своей

любовью приставать стала. Я хоть мужик и справный, но меня это до печенок проняло. Ну не могу я по шесть раз на дню. С такой жизнью ведь ни на рыбалку не сходить, ни с друзьями посидеть. Да что там: в свое удовольствие дрова нарубить было некогда! Плюнул я тогда, да изгой обернулся. Наша магия, она посильнее женской, хоть и поглубже будет. Вот старуха с тех пор и мается. К Кощею ходила, а тот слаб оказался; к лешим подмазывалась, а у них своих девок хватает. Тогда она себе ступу сварганила – на древке метлы далеко ведь не улетишь – и поперла она, родимая, на нашу историческую родину – в Тридешатое государство. Ну, да ты, все равно, не знаешь. У вас от наших былин одни сказки остались... Она думала, что братья Йоги меня в нормальное тело вернут. Однако, у каждого свое колесо кармы, и мое супротив солнца не повернуть. Так что не бойся: никто тобой закусывать не собирается. В общем, ешь, пей, порадуй старуху и проваливай на все четыре стороны.

Илья побледнел. Вспомнились жуткие рассказы о том, как дед Леша, с пьяных глаз заблудившись в лесу, попал в плен к нечисти. По началу он этого даже и не понял. Его ведь тоже в постель тащили. Ну, дед Леша гульнуть был не дурак. Порты скинул – и вперед! Да ведь оказалось: зубы у них там были. Хорошо, что он до этого успел троих наследников оставить, а то так бы и пресекался род. Конечно, все эти байки, скорее всего, были пьяным трепом, но в этот момент Илья склонен был поверить во что угодно.

Яга ухмыльнулась, показав гнилые пеньки зубов, и деловито загремела посудой.

А на заляпанной скатерти тем временем, как по волшебству, появились истекающий жиром жареный гусь, дымящаяся похлебка, гречневая каша, ломтики черного хлеба. В двух берестяных кружках вспенилось пиво.

Яга снова взмахнула рукой, и голова Илья оказалась перевязана и даже почти не болела.

Это была самая настоящая магия, демонстрация силы.

Илья понял, что сопротивление бесполезно, что битва будет неравной, что придется погибнуть в позорной драке со старухой. Терять уже было нечего. Почему бы перед смертью не хлебнуть пива, раз так настойчиво угощают? А если там отравы – так даже лучше.

– Ну, – сказала старуха, поднимая свою кружку. – Здоровеньки булы – выпивать бы смогли!

Эх, была, не была, – и Илья глотнул горящего пива. После этого старуха уже не казалась такой страшной каргой. Что-то человеческое, родное вдруг почудилось в ее облике.

– Ну, так как насчет любви? – Проскрипела Яга, и мигом все ее очарование улетучилось. Остались лишь невымытые скомканые пряди седых волос, бородавка у носа, тонкие бледные губы и запах застарелого пота.

Илья шмыгнул носом.

– Ты же тут хвастался, что настоящий мужчина.
– И старуха шагнула вперед.

– А-а-а! – заорал Илья и бросился к окну, но неведомая сила отшвырнула его назад, прижала к лавке.

Яга прошла по комнате, приблизилась вплотную и, буравя Илью насмешливым взглядом, рассмеялась:

– Ну, ты и дурень! Развеселил нас с дедом, уважил! Ты что же думаешь, старуха совсем из ума выжила? Что же это я буду собственного внука совращать? Твой дед Леша, до того как с ним беда-то приключилась, до того, как его медведь-то поломал, изредка меня навещал. Ну, да я помоложе была и чары на себя наводила. Женская красота ведь – убийственная сила. Да ты хоть мать-то свою спроси, она ведь, кровиночка моя, отвергла долголетие наше, прибилась к семье мужа. Отца твоего, да тебя вот от горькой правды оберегала. Не уследила, стало быть. Услышал ты зов предков, сам явился.

– Врешь ты все, ведьма! – закричал Илья и вдруг, неожиданно даже для самого себя, увидел, как с кончиков его пальцев сорвались синие молнии. Запахло паленым. А потом раздалось старческое хихиканье:

– Ну вот, старик, ты и поспорил. Не растерял он ни одной из наших генетических способностей. Магия – бессмертна!

– Горшки я мыть все одно не буду, – пробурчала изба, – рук-то у меня нет. Пусть теперь внук отдувается.

И тут раздался бой часов. Илья почувствовал резкую боль и зажмурил глаза. В это мгновение ему хотелось оказаться как можно дальше от спорящих супругов. И вдруг голоса исчезли. Вместо них появилась музыка.

Илья поднял голову и увидел танцующих на столе девушек. В углу, у окна, мигала гирляндами аккуратная ель.

«А где же Йог и Яга? Или все это примерещилось? Что они там несли: мол, я – их внук. Чуть какая!» – подумал Илья.

– О-о-о!!! – взревели друзья с раскрасневшими лицами. – Илье штрафную!

– Вот черти. – хмыкнул Илья. – Так я давно здесь.

– Не спорь! Не отпирайся! – закричали вокруг. – Пей до дна! Пей до дна!

И тут везде разом потух свет.

– Ну, блин! – заныли девушки на столе. – Вот

вам и подарок от электросетей на Новый год. А ну, кто нас спасать будет? Есть в этом доме мужики, или перевелись все?

Громыкнула посуда. Кто-то упал. Раздалась приглушенная ругань.

– Ну, Чубайс, ну погоди! – донеслось из-под стола. – Будет и на нашей улице праздник.

– А в древние века лучину жгли и топором брились, – возразил кто-то из друзей. – И, вообще, темнота – друг молодежи.

– Хоть зажигалкой посветите, изверги, – проstonали из-под стола.

– А тут свечу держать никому не хочется, – засмеялись девчонки. По их тону было похоже, кто-то более удачливый уже помог им спуститься на пол.

– Да будет свет, – засмеялся кто-то, – сказал монтер и чисто конкретно перерезал провода.

– Во-во, – поддержали весельчака. – Главное: во время перекусить.

– Елочка, зажгись! – закричал Илья. – Кому-то дышать не видно!

И вдруг в ночных сумерках вспыхнули гирлянды.

– Ничего не понимаю, – проворчал кто-то рядом, щелкая выключателем. – Что у них тут от разных точек питание подают?

И тут до Ильи дошло, что магический дар, о котором говорила Яга, не исчез, что все это путешествие в сказочный мир с ним и впрямь было, и не во сне, а наяву.

– А ну-ка появись электричество в этой отдельно взятой квартире, – прошептал Илья.

И тут же вспыхнула люстра.

Илья бочком выскользнул на балкон. В соседних квартирах и во всех близлежащих домах окна были темными. «Дела». – Подумал Илья и закричал:

– Да будет свет во всех домах.

И тут же окна расцвели огнями.

«Это мой скромный новогодний подарок городу, – решил Илья. – Вот теперь-то я развернусь в полную силу. Сейчас праздники пройдут, к семнадцатому января я окончательно протрезвею, вот тогда и навещу Йога с Ягою. Они еще не знают, что в нашем мире давно уже все подчинено акселерации и компьютерным технологиям. Скуотица! А душа подвига просит. Какого-нибудь Кощея в сортире замочить или Василису от дракона спасти». И, размышляя о том, можно ли принцессу перетащить из колдовского леса в нормальную квартиру, Илья отправился к друзьям пить и плясать до утра.

Валерий ШУМКОВ

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Анатолий Семенович Шумков родился 13 декабря 1935 года в деревне Заложное Мостовского района Курганской области в обычной трудовой семье.

Детство его пришлось на тяжелое военное и послевоенное время. Однако учился он хорошо, всегда был одним из лучших спортсменов школы, а позже – войсковой части и ВУЗа. Много времени он провел в лесу и на озерах в обществе своего деда, от которого перенял навыки жизни на природе, охоты и рыбалки – на уровне охотника-промысловика.

После армии отец поступил на географический факультет пединститута, продолжил занятия спортом, в том числе новым для себя видом – туризмом.

В начале 1958 года Анатолий впервые участвовал в турпоходе по Северному Уралу, в районе Ослянки – Кизела. Год спустя в составе другой группы свердловчан он путешествовал севернее, в районе Чистоба – Отортена, где в ночь на 2 февраля 1959 г. их лагерь стоял в 15 километрах от будущего «перевала Дятлова».

В те годы на геофаке СГПИ сформировалась сплоченная туристская команда, в составе которой отец прошел немало дальних маршрутов: от Вишеры до Сары-Челека, от Севастополя до Долины гейзеров. Дружбу с этими людьми Анатолий пронес через всю жизнь.

По окончании института отец предпочел предложенной ему перспективной работе в

Памяти отца

На фоне пика Янченко. Приполярный Урал.
Март 1968 г.

областном центре распределение в далекий Карпинск. Тамoshняя глухомань привлекала его возможностями охоты, рыбалки и туризма. Так в 1961 году они с мамой приехали на Северный Урал. Отец работал учителем физкультуры, преподавал географию, потом был назначен директором школы.

В 1970 году отец принял под своё начало новую школу на окраине города. Окрестный район (баракы, частный сектор) назывался «Берлином» и молодежь здесь жила «по закону джунглей». Участники массовых драк, бывало, расхватывали на дубье чуть не весь стоящий вокруг школы штакетник.

Отец отвечал за школу полностью. Про зиму «европейского типа» тогда и не слышали. Стоило кочегарам уйти в запой, как в классах и коридорах лопались размороженные радиаторы и трубы водяного отопления. Помню, как отец сам кочегарил, грел батареи паяльной лампой, вместе с ребятами перестилал линолеум...

Над школой шефствовал Богословский угольный разрез, крупнейшее предприятие города. Руководство разреза, не купаясь, поддерживало школу. Помню склад в котельной, забитый спальниками и лыжами, байдарками и лодочными моторами. В школе работали камнерезные и шлифовальные станки, хранились десятки кинокамер, кинопроекторов, фотоувеличителей и другого оборудования.

Местом сбора был уникальный геологический кабинет, где в окружении витрин с камнями, ледорубов и кульков с крупной красовался бюст героя того времени – Фиделя Кастро. Любители футбола, случалось, отшибали ноги об идеально похожую на большой мяч конкрецию североуральского боксита. «Мне теперь не понять, кто же прав был из нас...», – доносилось из динамиков потрепанной «Яузы». Словом, атмосфера была вполне магическая.

Долгое время команды средней школы № 2 лидировали на городских и областных соревнованиях по туризму, а в 1979 году

Со школьниками и учителями в Карпинске

Перевалы, пронумерованные группой А.Шумкова

Установка пикета на перевале. Приполярный Урал. 1980 г.

Приполярный Урал. Начало 70-х годов

Западный Тянь-Шань. Конец 60-х гг.

Возвращение из похода по Приполярному Уралу. 2000 г.

у студенческой Каквы, где собиралось множество работников предприятий города, а также все «персонажи» народного образования – от первостепенных хулиганов до заведующего горно.

С группами карпинских туристов отец совершил множество походов в разные районы страны, открыл глаза на красоту окружающего мира сотням, если не тысячам людей. Он стоял у истоков общественного спасательного отряда и долгое время им руководил.

Параллельно туризму он очень много занимался со детьми геологией. Карпинская юношеская геологическая партия получала реальные задания от геологоразведчиков. Проводились различные виды работ: магнито- и радиометрическая съемка, шлиховое опробование, геохимическая разведка, в том числе в отдаленных районах во время походов. Юные геологи принимали участие и побеждали на областных слетах, олимпиадах по геологии. Карпинск стал одним из центров массового геологического движения, которое в 60-70 годах бурно развивалось.

Наградой за достижения в этой области стало присвоение А.С.Шумкову почетного звания «Отличник разведки недр». Отец заслуженно гордился тем, что некоторые его воспитанники стали профессиональными геологами, в том числе ведущими специалистами и руководителями организаций геологоразведки.

Как и многих путешественников того поколения, его влекли неизведанные уголки Союза. Район следовал за районом: Урал и Крым, Тянь-Шань и Камчатка, Саяны и Алтай.

Много походов отец провел в горах Средней Азии (порядка двадцати больших походов 1-5 категории). Бывал на Кавказе, как в «пятерке» 1974 года, так и в более поздних походах со школьниками, маршруты которых проходили по местам боев 1942 г. на перевалах Домбая и Приэльбрусья.

Любимым районом отца был Приполярный Урал. Здесь с 1965 по 2000 гг. им было совершено

После установки мемориальной доски на вершине Попова.
Приполярный Урал. 1999 г.

около 30 категорийных путешествий. Летом 1978-го он руководил экспедицией по маркировке перевалов этого района. Установка маркировочных пикетов на зачастую однотипных, похожих одна на другую перевальных седловинах производилась с целью облегчить туристам

ориентирование на маршрутах, особенно в непогоду, повысить уровень безопасности. В том походе группа отца совершила ряд восхождений на основные вершины района и установила пикеты на 30 (!) перевалах уральского Приполярья.

В 2000 году А. С. Шумкову было присвоено звание «Заслуженный путешественник России». Все походы с его участием или же под его руководством (а их было более сотни – всех категорий сложности) прошли безаварийно.

В течение всей своей жизни Анатолий Шумков остался верен единожды выбранной стезе – педагогическому труду, занятиям туризмом со школьниками. Ему было это интересно, он считал нужным заниматься именно этим. «Карпинск еще не понял, человека какого масштаба он потерял», – звучит в фильме, посвященном его памяти.

Точно и справедливо сказано.

На леднике Географического общества. Центральный Памир. 1988 г.

Юпитер — Кситху

«Пинк Игл» Риты Ли медленно дрейфовал к Юпитеру. Слегка промахнулась, крошка, подумал я. Туда тебе и дорога.

Расчетная траектория «Пинка» на моем экране заканчивалась черной кляксой в атмосфере Юпитера — значит, базовый процессор у Риты сдох. Жаль — а то можно было бы подцепить ее развалюху на буксир и запродать старьевщикам. И трюм перегрузить уже не успеваю. С паршивой овцы... ну что ж, нет так нет. Остается утешаться сознанием того, что Стерва Ли так и не выполнила давнее обещание сплясать на моей могилке.

Лезть на обреченный корабль не слишком умно, но я не смог отказать себе в удовольствии. Подошел на стыковочную дистанцию, выпустил коридор к аварийному люку, прихватил с собой пистолет и отмычку — и пошел наслаждаться зрелищем.

Люк поддался сразу. Не потому, что у меня такая уж хорошая отмычка... просто сдох, видно, не только базовый процессор «Пинка», но и аварийный. Так что подбирать пароль не потребовалось, и вошел я

на «Пинк Игл» бариним в полном своем праве.

Так, в рубке ловить нечего. Я-то надеялся прихватить Риткину маршрутную базу — но пульта боя не пережил, а рыться в обломках в поисках чудом уцелевших чипов времени нет. Да и соседство Стервы Ли и ее стрелка... переоценил я свою способность наслаждаться зрелищами! И то сказать, живая Рита смотрелась приличней. Самую малость...

Капитанская каюта. Койка откинута. Пустая бутылка из-под русской водки на полу, еще одна — на койке. Тоже пустая. На столе — лифчик и недоеденный чизбургер. В столе... хмм... ничерта полезного! Вот разве что пара запасных обойм... и то одна на треть посажена.

Каюта стрелка. Как же его... Диксон? Николсон? Стрелок с «Пинка» — и всё тут. Всем понятно, о ком речь. Потому как сволочь похлеще Стервы Ли. И что у нас тут? А ничего! Голяк. И глазу не за что зацепиться. Аккуратист, зараза, Рите не чета.

В третью каюту я заглянул просто на всякий случай. Ожидал найти ее пустой, чистой и в меру кра-

сивой – то есть готовой для случайного пассажира. Однако пассажир там был. Глядел на меня серо-серебряными глазами и мелко дрожал. Мальчишка, пристегнутый к столу силовым ошейником.

Я выругался. А что еще могло на ум прийти? Ведь не идиотское «кто ты?» – это и так яснее ясного. Н-лин. Живая удача. Не зря Стерве Ли последнее время так несусветно везло!

– Теперь ты меня возьмешь? – спросил н-лин. Безнадежно так... а я, балда, сначала ответил: «Да уж здесь не оставлю, будь-спок!» – а потом только понял, что пацан имел в виду. «Теперь ты»... как Рита. На цепь.

Ладно, после будем объясняться. Сейчас некогда. «Пинку» вот-вот конец...

Я возился с отмычкой, мальчишка дрожал, сбивая настройку, а «Пинк Игл» медленно, но верно дрейфовал к Юпитеру – еще чуть-чуть, и атмосфера.

Мы успели. Перебежали на мой «Караиб» как раз, когда дрейф «Пинка» перешел в медленное, но неуклонное падение. Повезло... а не могло не повезти!

Я висел над Юпитером, пока не убедился, что «Пинк Игл» добрался до обещанной черной кляксы. Просто порядка ради... хотел убедиться, что Стерва Ли и ее стрелок не воскреснут в самый неподходящий момент через год или два. Я смотрел на «Пинк» и думал о мальчишке.

– Ну что, – спросил я, – куда летим?

Мальчишка зыркнул настороженно. Сейчас глаза его казались серыми. Стоит посреди рубки, руки в карманах, тощий, лохматый... самый что ни на есть обыкновенный пацан! Даже одет – так же одевается детвора на Земле, Дельте, Сапфире... хотя нет, на Сапфире жарко, там джинсы не носят.

– Звать-то тебя как?

– Колька.

Ну и ну!

– А я Рей. Так куда летим, Коль?

– А куда?..

– Ну, ближе всего Марс и Земля. На Дельту горючки хватит. Можно заправиться у локсов и наведаться на Скалу или Сапфир. Тебе-то куда надо? Мне, если честно, все равно.

– Ты... как эта?..

Что тут скажешь?

– По профессии – да.

Мальчишка н-лин хмыкнул.

– Так тебе тоже нужна удача.

– Своей обойдусь. Говори, куда летим.

Колька побелел, в глазах плеснулось серебро.

– На Кситху сможешь?

Я крутанулся в кресле, шлепнул ладонью по пульту.

– Кситху?

Экран мигнул, раскидал по рубке огоньки-звезды. Полосатый Юпитер повис перед глазами. Наметился пунктир возможных трасс. Угу...

– За пару дней доберемся. Если через Базу-Семь.

Через Седьмую мне лететь не хотелось. Наследил я там крепко... а с другой стороны – со мной ведь н-лин. Живая удача. С таким талисманом...

– Не надо через Седьмую, – заявил н-лин. – Другой маршрут посмотри.

– Ммм... ладно, как скажешь. Тогда... тогда так: Сапфир, с заправкой у локсов – Мистика – База-Два – Кситху. Идет?

– Да, наверное... не знаю.

Так... значит, фифти-фифти. Ладно.

– Хавать хочешь?

– Сначала спать.

– Ну, топай тогда в мою каюту, гостевых я не держу.

– А здесь можно? В кресле? – Колька кивнул на пустующее место стрелка.

– Да без проблем.

– Спасибо...

Через минуту н-лин спал.

Вот так – не лети через Седьмую... что ж там было бы, на Базе-Семь? И все-таки – не буду я просить тебя остаться со мной хоть на месяц-другой, н-лин. Не надо. Хоть и не помешала бы мне твоя удача.

«Караиб» буравил пространство, пробивая туннель к Локсия. Сопел и всхлипывал во сне Колька. А я смотрел на часы и думал. На часы – потому что они у меня в зеркале, смотришь время – и видишь свою рожу, обычно мятую, иногда – хмурую или довольную. А задумчивая, как сейчас – редкость. Смотри, Рей, запоминай – вот ты какой, когда умные мысли в башку лезут без спросу. Н-лин – ценный приз, да. В космосе без везения никуда, а пацан – гарантия везения. Был бы ты постарше, Колька, поговорил бы я с тобой напрямки. А так – не стану. Довезу до твоей Кситху, и проваливай, не вводи во грех.

До Мистики добрались без приключений. Колька не рассказывал о себе. Я в претензии не был, поскольку тоже откровенничать не собирался. Так, случайные попутчики. Ели, спали, резались в «морской бой». И никаких проблем, всегда бы мне так везло! Впрочем, в «морской бой» везло Кольке.

Я не собирался задерживаться на Мистике. Таким, как я, нечего делать на тихой и мирной планете – и местная милиция активно на это намекает. Но все же мы обошли портовые магазинчики. Купили Кольке новые шмотки, ну и мне кое-что по мелочи. В ресторан зашли. Потом долго гуляла, по Мистике ночью побродить – это ж аттракцион! Вернулись под утро, Колька спал на ходу. Я и не думал прятаться и осторожничать – перед местным законом чист, могу позволить себе расслабиться. Да и н-лин – неплохой туз в рукаве.

Я мог бы сообразить, что одной удачи мало. Что и н-лин может лопухнуться. Еще на «Пинке» мог бы сообразить! Так нет же – для этого понадобился чудный вид «Шатеринга», опускающегося в военную зону.

Вот влип так влип!

Видно, крейсер отряда «Омега» где-то рядом болтался, а тут агентура настучала, что на Мистику прибыл «Караиб»... как раз та планета, на которой не вот так скроешься, к властям не обратишься, а драться начнешь – местная милиция повяжет. И взлетать смысла нет, наверняка на орбите завеса, на «Шатеринге» экипажа полторы сотни душ. А я... хотя нет, нас двое.

На таможенную утряску «омеговцам» – полчаса, двадцать минут. Может, еще быстрее. Доехать до «Караиба» – десять.

– Коль...

– Что, Рей?

– Ты извини, – я лихорадочно рылся в бардачке. Когда здесь успело скопиться столько хлама?! А, вот! – У меня неприятности, н-лин. Крупные неприятности. На, возьми.

Колькины глазищи полыхнули серебром. Он не спешил брать... он опять мне не верил.

– Что это?

– Контактные линзы. Карие, тебе нормально будут, пацан как пацан. Хорошо, не выбросил... И дергай отсюда, пока можно. Вот кредитка, на предъявителя, сколько на ней, не помню, но на билет должно хватить. Доберешься до своей Кситху, не пропадешь, ты ведь везучий.

– Отпускаешь меня? Сейчас? У тебя же неприятности, тебе нужна удача!

– Не по карману мне такая удача. Ли уже попро-

бовала, и что с ней сейчас?

– Ей правда повезло, – мрачно признал Колька. – Умерла быстро, свободной.

– Ну и мне так же повезет. И тебе заодно. Оно нам надо? Давай, вали отсюда. Своей удачей обойдусь.

Колька посмотрел мне в глаза... странно посмотрел, неприятно. И – кажется мне, или в самом деле серебро просвечивает даже сквозь линзы? Кажется, наверное. Экран бликнул, только и всего.

– Вали отсюда, – повторил я.

– Почему, Рей?

– Вот же ж блин! Да не хочу остаток жизни совести маяться, вот почему! Проваливай ты наконец!

– Ладно, – н-лин протянул мне руку, – прощай.

Шлепнулись ладошками. Колькина рука горячая такая, уж не заболел ли? Тьфу, что за бред в голову лезет, как н-лин может заболеть, они же не болеют...

– Тебе повезет, Рей. По-настоящему повезет.

Я проводил его взглядом. Пацан бежит к портовой конторе, что такого? Купит сейчас билет... а мне осталось – я посмотрел на часы – что-то около двадцати минут. В лучшем случае.

И уже повернулся к пульту – когда мелькнул в зеркале странный блик. Что там? Да рожа твоя перепуганная, что ж еще... эк тебя трясет, Рей – аж противно. Прекращай. Сказал же Колька – повезет...

Что-то странное происходило в глубине зеркала, а что – я понять не мог. Пока Кольку не вспомнил. И тут – увидел. Увидел, как заплескалось серебро удачи в моих карих глазах.

ОЖОГ ОТ СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Сокровища Харпа

Харп – местечко любопытное. С историей. До прихода цивилизации только ненцы пасли здесь оленей стада. Потом пришли люди с «большой земли» и «привели» с собой железную дорогу. Это были годы 501-й стройки – конец 40-х – начало 50-х. Тянули полотно заключенные. Они шли от Москвы через Лабитнанги и Салехард на Новый Порт. По приказу Сталина. По заданию партии. Под тычки прикладами. Они продвигались от станции к станции. Километр за километром. Оставляя за сутулыми спинами шпалы, шпалы и свои тела под шпалами...

Там, где сейчас стоит поселок, строители оставили станцию Подгорную и участок земли, обнесенный колючей проволокой. Несколько лет потом тишину этого «медвежьего» угла нарушали только редкие паровозные гудки. Но в начале 60-х годов, с развитием нефтегазового комплекса в Заполярье, все изменилось. Неподалеку от станции появились первые дома поселка Харп. Ожила и территория за «колючкой», которой дали название ИТК-3 (Северу были нужны дешевые мужские руки). Заработал завод-гигант ЖБИ. То было время великих дел!

Сегодня завод обанкротился, заключенные «тройки» сидят без работы, а поселок живет тихой будничной жизнью. Но местные жители знают, это «безвременье» скоро закончится. У харпской земли большое будущее. Если ее копнуть поглубже...

Харп стоит в долине, окруженной горами Полярного Урала. В ослепительно белых снегах – зимой, в ярких красках (словно радуго порезали на лоскутки и

разбросали повсюду) – осенью. Окрестные склоны в зарослях березняка и хвойного леса издали словно махровые. Только вблизи одна такая «ворсинка» может оказаться лиственницей, которую не обнимут и два человека. Студеная речка Сось пересекает долину. Зимой она закована в голубой панцирь. А летом спешит по своим делам. И хариус играет в ее водах... Чудна земля! Еще чудесней то, что она скрывает в себе. Здесь под ногами вся таблица Менделеева! Залежи хромитовой и железной руд, запасы марганца, золото, рубины! Не зря же Юрий Неелов, губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа обратил свой взор именно в эту сторону, назвав Полярный Урал «вторым источником дохода для области».

А еще здесь настоящий рай для туристов. Для тех, кто не любит поджаривать себя до румяной корочки на южных пляжах, существуют холодные и прозрачные реки, в которых водится рыба большая и маленькая, заснеженные хребты Полярного Урала, который в народе называют не иначе как «Северной Швейцарией», лесотундра с обилием грибов и ягод... Первозданность природы – вот что манит сюда путешественников.

Только выйдешь за околицу Харпа и рукой подать до совершенно другого, какого-то нездешнего, параллельного, мира. Чистого, кажущегося необитаемым, нетронутым. Иллюзия, конечно. Здесь ступала нога человека. Но как-то осторожно ступала до сих пор. Тут на берегу горной речки, на краю географии, вдали от автомобильных гудков и истошных криков пьяных соседей можно в полной мере ощутить себя частью Вселенной.

Загар на снегу

Не случайно Харп выбрали местом ежегодного проведения фестиваля туристов и путешественников. Местные склоны словно специально созданы для лыжников, а суровая природа для тех, кто стремится испытать себя. Проверка на прочность серьезная. Снег обжигает не меньше огня. Морозец щиплет уши. Глаза слезятся от ветра. А солнце и белые сугробы делают тебя слепым. В таких благоприятных для настоящих испытаний условиях и проходят соревнования по спортивному ориентированию на маркированной лыжной трассе и прохождение тактико-технической дистанции. Участники фестиваля преодолевают навесную переправу, на волокушах транспортируют «пострадавших», проходят лавинно-опасный участок, разводят костры. А судьи... страдают. Топчутся каждый на своем этапе в ожидании последнего лыжника. Целый день! Ордена за стойкость им не дают. Единственная награда – северный загар. Во всю счастливую (когда все позади и губы обжигает горячий чай) физиономию...

Одолеть лыжню мало, надо еще «выплыть» победителем из конкурсной программы. Спеть лучше всех на конкурсе туристской песни, ответить правильно на вопросы краеведческой викторины (а здесь спотыкаются чаще, чем на лыжах), обустроить свой бивак так, чтобы судьи одобрительно поцокали языками, а потом накормить их, неподкупных, изысками походной кухни до отвала. Последняя задача – одна из самых сложных. Кого на Севере удивить ухой из муксуна или морошкой в сахаре?

КОЛУМБЫ ПОЛЯРНОГО УРАЛА

Все началось еще в шестидесятых. Тогда на Полярном Урале проложили первые туристические тропки. Десятки людей, не сумевших приучить себя к размеренной и уютной оседлой жизни, на несколько дней становились дикарями. Спасались от надоевшей цивилизации на лоне матушки-природы. В сентябре на мысу Корчаги состоялся первый туристический слет. С тех пор встречи в палаточном городке стали традицией. А в 1999 году в Главном управлении по молодежной политике и туризму администрации Ямало-Ненецкого автономного округа решили организовать еще и окружной фестиваль туристов и путешественников. Его нарекли «Северное сияние», позаимствовав русское значение ненецкого слова Харп.

Это задокументированная история. А вот живая – кореннастый, пружинистый дедуля. Руководитель детской команды «Приуралье» из Аксарки. Аксакал туризма! С детства ходил в походы. Южный и Средний Урал излазил вдоль и поперек. Побывал на Алтае, Байкале, Красноярских Столбах, в Баргузинском заповеднике, Карелии... А к пенсии потянуло на Полярный Урал.

Иван Петрович Стариков – по паспорту. А в жизни – просто Петрович. Все его так зовут. И ему это удивительно идет. Роста он небольшого. Но в толпе не затеряется. Одевается так, как ему хочется. Совсем не по-туристски. Ходит в поношенном, когда-то деловом, костюме. Пиджак застегнут на одну пуговицу. Из-за отворотов выглядывает олимпийка. На голове кожаный «котелок» с козырьком. Вид самый простецкий. Но есть в Петровиче что-то такое, что невольно приковывает взгляд. Огонек ли в глазах, стремительная походка или, может, его уникальная способность находиться повсюду (только вспомнишь – он тут как тут)? Наверное, все вместе. Даже не надо приставать с расспросами, видно и так – Петровичу интересно жить!

Хитро прищурившись и хохотнув в кулак в ответ на мою неловкую попытку ненавязчиво выведать возраст, Петрович признается, что живет на земле уже 65 лет. Но кто скажет! В такие годы обычно крепнет мужская дружба с диваном, а он в горы ходит наравне с молодыми. Да еще рюкзак тяжеленный тащит, который весит больше других ровно настолько, насколько вытягивает термос с горячим чаем для «озябших ребятишек». Своих воспитанников Петрович оберегает как наследка. А те по-детски искренне и открыто обожают наставника.

Стариков – дипломированный преподаватель биологии и географии. С 1961 года – «вечный директор школы». Директор неусидчивый. Его все время тянуло в поход, а он тянул за собой учеников. Бывало, соберет команду, позовет на подмогу двух-трех учителей и пару дней ведет начинающих туристов неведомыми дорожками. Устроит их в укромном местечке на ночь, а сам на поезд. С утра успеет принять в школе экзамены и вернуться назад к палаткам.

На фестивале, едва начинает светать, Петрович уже суетится у костра. И вечерами, когда все разбредаются по вагонам, продолжает свою работу. Распиливает доски, орудует топором, чтобы подкормить полешками огонь. Мне нравится наблюдать за ним.

Окно нашего купе как раз напротив «приуральского» бивака, так что можно провести прямую до «резиденции» Петровича – маленькой копии ненецкого чума. Ни одна из команд не додумалась до такого. Особо не оригинальничали – просто установили палатки. И Петрович палатку поставил. Только... внутри чума. Так теплее.

– Ну, конечно, размеры не выдержаны и количество шестов тоже, – не скрывает Петрович, – форма только. Но он очень удобен. Ветер вот ураганный был, палатки сносило. А чум устоял.

– Чум хорош! – отвечаю комплимент, поглядывая в сторону постройки. – Но в вагончике все же уютнее. Вы принципиально отказываетесь спать на полке?

Он даже «спотыкается», удивляясь моей дремучести:

– Дак... тут же... на свежем воздухе. И костер рядом! Поддерживаю его всю ночь. Дрова-то сырые. А есть такой вид костра – называется «надыя», или «таежный»...

Все – Петрович оседлал любимого конька. Продолжает увлеченно:

– Делается он так: кладут два бревешка, на них третий. Внизу поджигается стружка. Охотники обычно разжигают такой костер в ногах, и он всю ночь помаленьку тлеет. Ноги греет. К утру встает человек, полешки уж сгорели, а тепло все равно остается. А вот, к примеру, «полинезийский» раз-

жигается по-своему. Роят в земле лунку, вбивают колышки, потом на них дрова складывают. Есть еще «пионерский» костер, «звезда», «шалаш», «колодец».

– Всякий костер для определенного случая?

– Для случая – не для случая... Для удобства! Скажем, если сухие дрова, то можно просто «шалашик» сделать. Дрова сырые, тогда лучше смастерить «колодец», чтобы они подсыхали и грели.

За окном стемнело. Петрович поглядывает в сторону своего чума. Трет колени. Уже готов сорваться. Но... хорошо сидим. Задаю вопрос, который не дает мне покоя с самого начала нашего знакомства:

– Не устали еще от такой жизни?

– Время-то подходит. Я же чувствую, – вздыхает Петрович, – ноги начинают сдавать. Замечаю, что шаг-то старческий. Сын с дочкой постоянно говорят: «Папа, хватит заниматься чужими детьми. У тебя внуки подрастают». Как-то мы с внучатами собрались в поход. Дождь пошел! Так в саду под яблоней натянули палатку и две ночи там ночевали. Теперь просят в настоящий поход. И сноха говорит: «Своди нас в пещеры». И свожу! Хочется с внуками побывать на озерах, по горкам ползать, по лесам походить – еловым, сосновым, пихтовым. Я знаю одно место на Южном Урале. Там родник из горы вытекает. Исключительно вкусная вода! И пихты кругом. Если в этом лесу заночуешь, как эликсиром тебя напитает.

– Значит, планы наполеоновские?

– Какие наполеоновские? Наши планы! Все на свете, друзья, постижимо. Лишь бы только варил котелок.

Полярная стая

В наше купе попить чайку иногда заходит Лена Сазанова, суровая и немногословная девушка. Пошвыркает кипятку, скажет пару фраз и убежит. Узнаю: она из команды «Полярные волки», которая недавно вернулась из похода.

– Мы уже с жизнью попрощались, – в следующий раз проговорилась Лена.. Об остальном – ни гугу. Еще не пришла в себя. Поэтому отмалчивается.

Она – далеко не «слабый пол» (бицепсы – настоящее железо), но все-таки единственная «волчица» в «полярной стае». В горы с ней ходили еще четыре «хищника». Один из них, Виктор Андрущак, «вожак стаи», рассказал, как все было...

Путь «Полярных волков» пролегал вокруг массива Рай-Из. По огромному плату, ограниченному с севера рекой Собь, с юга – рекой Макар-Русь, а с востока – Черной горой. Шли вкруговую, попутно выходя на перевалы. Их было пять. С альпинистской точки зрения – так себе перевалы... Если летом. Но дело было зимой. Бешеный ветер поднимал снежную круговерть. Видимость – пять метров. На второй день «волчью» палатку изорвало в клочья. А самих «волков» сбросило с хребта...

С утра была идеальная погода. Тишь да гладь. Солнце одурело лупило по глазам. «Стая» радовалась жизни. Шли – куражились. Фотографировались. Как говорится, ничто не предвещало...

В девять вечера подул ветерок. Несерьезный. «Волки» начали окапываться на перевале Рай-Из. Вырыли яму. Вкопали палатку. Обнесли ее стеной из снежных кирпичей... В одиннадцать ночи началось! Несерьезный ветерок приобрел ураганную мощь. Палатку стало заносить. «Вожак» выбрался наружу, чтобы «откопаться». И эта вылазка едва не стоила ему жизни. Ледяной порыв подхватил его, как пушинку (а в нем 85 килограммов весу плюс снаряжение, плюс лопата!), и отшвырнул на десять метров в сторону. Бум! Главный «волк» подскочил проворно (от скорости реакции зависла сохранность шкуры) и нырнул обратно в убежище.

А ветер лютовал. 35 метров в секунду – силища! С таким не поспоришь. Сидели молча всю ночь напролет. Каждый думал о своем. И все старались держать «купол». До одеревенения рук. До оцепе-

нения душ. К утру почувствовали – уходит жизнь... Решили тоже идти. Нырнули в снежное марево. И... полетели в овраг. Синяков и шишек набили! До избушки геологов добрались на следующий день. Отдыхались, достали «по пятьдесят» и справили день рождения всей «стаей».

Лестница

В СТЫЛЫЕ НЕБЕСА

О приобретении «волками» «летных навыков» мне стало известно как раз накануне великого похода. Все, кто приезжает на «Северное сияние» в поселок Харп (участники, гости, организаторы), считают делом чести взобраться на гору Рай-Из Полярного Урала. Вот и мне выпала честь...

Время 8-30 утра. Поступила команда собраться на площадке у харпского вокзала. Там поджидают вахтовки и вездеходы, которые должны увезти нас к подножию Рай-Из. К месту сбора гуськом подтягиваются фестивальщики.

Дорога хоть и накатана, но наш «Урал» то и дело кренит на правый бок. И всякий раз кажется, что вот сейчас-то он точно уляжется в сугроб. До Рай-Из добирались долго. По ошибке «вписались» не в тот поворот. Пришлось воротиться. Ни один раз вязли в снегу. Позади река Собь. Красотища! Так и просится на полотно. Туристы высыпали на снег.

На нос водружаю темные очки, чтобы солнце не отняло зрение, ладони прячу в варежки из козьего пуха. Поначалу кажется – идти легко. Наст прочный, как асфальт. И подъем не такой уж крутой... Минут через пятнадцать чувствую – запыхалась. Какой-то добряк, идя на обгон, вручает мне лыжную палку. Не успеваю даже разглядеть его лица. Очки запотели. Прячу их в карман. И дальше карабкаюсь почти вслепую – глаза слезятся от яркого света и сверкающего на солнце снега. По пути попадают снежные глыбы. Некоторые, как и я, стремятся «сесть на пенек» и передохнуть.

Впереди маячат два ушастых спаниеля. Со всей собачьей дури они носятся по склону. То взбегают

вверх, то съезжают вниз на брюхе. Встряхиваются и снова догоняют хозяев.

А горы все выше, а горы все круче... Наст кончается – впереди каменистый склон. Вот и обещанная веревка, которую натянули спасатели из службы МЧС. Держусь за нее и упрямо ползу вверх. Лучше не оборачиваться. Но любопытство пересиливает. Теперь не знаю, как буду возвращаться.

Силы оставляют. Еще один рывок и... Наконец-то, ровная

горизонталь! Небольшой пятачок, укрытый снегом и огороженный по краю флажками. Спрятаться от разгулявшегося ветра здесь негде. Руками держу капюшон. Все! Падаю на свою сумочку. Усевшись поудобнее, вспоминаю, что там вроде бы лежит сухой паек. А! Уже не важно...

Смотреть вниз с обрыва и страшно, и интересно. Может, есть в нас все-таки «птичьи» гены? Потому что, несмотря на «нытье» в поясище, очень хочется взлететь. Взгляду открывается удивительная

панорама! С самолета такое не разглядишь. Теперь мне понятно, почему однажды «отведав» высоты, альпинисты снова и снова покоряют вершины.

Страх как не хочется идти назад. Помогает ветер, который со всей своей богатырской мочи толкает в спину.

Да здравствует чувство свободного полета! Мчимся в белом вихре. На мгновение вспоминаю себя девчонкой в кроличьей ушастой шапке. Задержалась «на минутку» после школы. И визжа от восторга, лечу с ледяной горки, оседлав потрепанный ранец. А потом – дырявые «коленки», мокрые тетрадки, мамин вздох...

Внизу нас ждали горячая стерляжья уха, сто грамм и теплые вахтовки. Я поднимаю голову к небу. «Больше никогда!» – даю себе обещание. Еще не знаю, что вскоре снова пойду на Рай-Из, чтобы успокоить «птичьи» гены, которые не дают покоя, заставляя думать о высоте...

Потушены костры, убраны палатки. На лицах – и радость, и грусть. Я «упаковываюсь» вместе со всеми. Уезжать не хочется. «Северное сияние» крепко обожгло душу.

ЧИТАЙ ВЫБИРАЙ ПУТЕШЕСТВУЙ

Единственная еженедельная туристическая газета на Урале

Подписка по каталогу "Роспечать" в любом почтовом отделении

Подписной индекс 19234

+7 (343) 376-59-59, 376-59-60

www.osm-ekb.ru

Чекист Кабанов вспоминает

Одним из потрясающих событий периода Гражданской войны в России, будоражащим умы и нынешнего поколения, явился бессудный расстрел царской семьи в Екатеринбурге, конец трехвековой династии Романовых. Злодеяние совершилось по воле высшего большевистского руководства страны и местного – уральского, тайно, с последующей информацией российской и мировой общественности о расстреле лишь одного – бывшего императора Николая II. Автор, многие годы исследующий проблему гибели царской семьи, тщательно и всесторонне изучая вопрос о составе команды расстрельщиков, пришел к доказательству, что она состояла почти целиком из русских чекистов, а не латышей (остаются не выясненными до конца лишь данные об одном из них), тем более – австро-венгерских военнопленных. Расстреливала бывшего императора, членов его семьи и четверых приближенных группа чекистов из 8-ми (возможно, из 9-и) человек. Одним из них был Алексей Георгиевич Кабанов, до глубокой старости сохранивший тайну царевубийства. На протяжении многих лет, начиная с 1932 года, до своей кончины спустя 40 лет, он жил и работал в городе Хабаровске.

Родился Кабанов 30 сентября (по н. ст. – 12 октября) 1890 г. в крестьянской семье села Гришино Гришинской волости Ржевского уезда Тверской губернии (ныне – область). Семья, как водилось в ту пору, была многодетной. Лишь сыновей в ней было трое, причем два из них, старше и моложе Алексея, носили одинаковое имя – Михаил. Семья жила в основном крестьянским трудом, но глава ее подрабатывал пилкой бревен. Мать умерла еще в середине 90-х годов. Алексей в 1900-1904 годах учился в Гришинской сельской школе и окончил ее. В 1903-1904 гг., в летнюю пору, был в найме – пастухом в ближайшей деревне Бабинке. Со времени окончания школы он занялся ремеслом, учился плотницкому и столярному делу в г.Зубцове, других ближних городах. Зимами жил в Гришино, в семье, но и там занимался ремеслом – осваивал портняжное дело у местного мастера. Затем, в 1907-1908 гг., работал в Финляндии. Плотничал на станции Перви-Яр. В девятьсот восьмом году перебрался в Санкт-Петербург, по 1911 год работал там столя-

ром на аэроплановом заводе Щетинина. В июле 1911 г. принял участие в забастовке, по собственной оценке, «активное», за что был «уволен... занесен в черную книгу и взят под наблюдение полиции». С этого времени по ноябрь 1914 г. работал по найму столяром, где придется, – на стройках (в основном, в летнее время), в частных мастерских. Участвовал в революционной работе, в агитации, распространении нелегальной литературы, в сборе средств политзаключенным, ссыльным и пр. Этот путь он избрал под влиянием старшего брата, члена партии большевиков с 1914 г.

Через несколько месяцев после начала 1-й мировой войны, именовавшейся в России «Великой», 15 ноября 1914 г., 24-летним был мобилизован в армию. Был зачислен в 332-ю Тверскую пехотную дружину, отправленную из Твери в Финляндию. Весной 1915 г. был с партией других солдат переведен в Петроград (так стала называться тогда столица России, оказавшейся вовлеченной в войну с Германией). Здесь Кабанов оказался в Финляндском полку. В нем, по данным из его «Автобиографии», служил по июль того же года. И здесь воз-

А.Г.Кабанов

Царская семья. Слева направо: Ольга, Мария, Николай Александрович, Александра Федоровна, Анастасия, Алексей и Татьяна. 1914 г.

никает вопрос. Забегая вперед, отмечу, что оказавшись в июле 1918 г. во внутренней охране царской семьи, находившейся в заключении в Екатеринбурге, Кабанов был узан Николаем II во время его прогулки во дворе дома заключения как бывший гвардеец. Между ними произошел нелестный разговор, свидетелем которого оказались и другие охранники, в дальнейшем рассказавшие об этом. Насколько удастся выяснить, индо Финляндского полка, кроме гвардейского с таким наименованием в Петрограде не существовало. Кабанов же в документах и воспоминаниях умалчивал, что служил в императорской гвардии, очевидно, из опасения быть неугодным советским, особенно чекистским, органам власти.

В «Автобиографии» Кабанов указывал, что «в империалистическую войну в боях не участвовал, наград не имею», был «рядовым». В воспоминаниях же 60-х годов утверждал, что «с ноября 1914 г. по июнь 1917 г. – на фронте». Это было неправдой.

Среди братьев все время доминировал Михаил-старший, рождения 1879 г. Он раньше вместе с Михаилом-младшим перебрался на Средний Урал, в Екатеринбургский уезд Пермской губернии. Оба работали на строительстве динамитного завода в поселке Таватуй, что севернее Екатеринбурга.

Михаил-старший вызвал Алексея с родины к себе на Урал. По биографическим данным А.Г.-Кабанова, выясняется, что где-то в самом конце 1917 г. или в начале 1918-го он приехал в Таватуй, некоторое время поработал там, а затем

вслед за братьями, по его записям, в апреле, приехал в Екатеринбург.

«20 апреля 1918 года я прибыл в Екатеринбург, – вспоминал Кабанов, – и в тот же день по рекомендации моего брата Михаила-старшего, поступил на работу в только что организуемую Уральскую областную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». В тот же день он официально оформил членство в РКП(б). Свою должность в ЧК Кабанов называл «сотрудник для поручений».

Следует отметить, что почти с самого начала работы ему были даны весьма важные поручения, связанные с судьбами царской семьи и великих князей Романовых. В долгие последующие годы Кабанов в доку-

ментах, автобиографиях и анкетах не указывал на это: держал слово молчать о своих деяниях. После смерти И.В.Сталина, с наступлением «Хрущевской оттепели», некоего изменения «климата» в стране, Кабанов, будучи уже старым человеком, наконец, говорит и пишет о событиях в Екатеринбурге, на Урале весной и летом 1918 г. и своей роли в них. К этому его, очевидно, подталкивали и жизненные обстоятельства – стремление стать персональным пенсионером, обеспечить более достойную старость. Свои воспоминания Кабанов тогда же предлагал для публикации местному журналу «Дальний Восток» (опубликованы они тогда не были). Наконец, он, как и ряд других бывших чекистов, в середине 60-х годов был привлечен отделом пропаганды ЦК КПСС, Радиокomiteетом Совмина для получения сведений о тех событиях и своей роли в них. В начале предполагалось их обнародовать, но высший партийный ареопаг передумал: стенограммы бесед, воспоминания бывших чекистов засекретили. Будучи извлеченными из спецхранения, они частично были опубликованы лишь в 90-х годах, с наступлением «перестройки».

Воспоминания А.Г.Кабанова, написанные для Радиокomiteета, почти не публиковались. Воспроизвожу их в прямой связи с пребыванием Кабанова в Екатеринбурге с апреля по июль 1918 г.

От обысков, разоружений и арестов Кабанов руководством ЧК переключается на агентурную работу – слежку за объектами и людьми. Вскоре он оказался вовлеченным в дела и судьбы царской семьи. Представляется, что этот поворот в судьбе бывшего рабочего, солдата, чекиста был опять-таки свя-

Вид дома с угла бывшего Вознесенского проспекта (ныне - ул. Карла Либкнехта) и Вознесенского переулка (в дальнейшем пер. Клары Цеткин, до настоящего времени не сохранен)

зан с положением и службой его братьев. Алексей часто бывал у них, проживавших в служебном помещении при тюрьме. Старший брат был женат. Жена его также была вовлечена в тюремные дела – готовила пищу для группы содержащихся в тюрьме аристократов, в том числе из окружения бывшего императора. Кабанов вспоминал: «Жена брата Михаила, деревенская неграмотная женщина, готовила для свиты б[ывшего] царя пищу. Я часто приходил к брату и обедал с княжеской кухни».

Привлекался он и к различным акциям по отношению к этим заключенным: осмотру камер, обыскам, в том числе личным и т. д.

Некоторое время Кабанов исполнял роль тайного наблюдателя за Домом особого назначения – домом инженера Н.Н. Ипатьева, в котором содержалась бывшая царская семья и часть охраны (в основном она размещалась в соседнем доме). Вскоре Алексей Кабанов был подключен к перемещению великих князей из Екатеринбурга в Алапаевск. Это было весьма ответственное поручение и в масштабах УралоблЧК. Кабанов был в ней уже «на виду» руководства. Фактическим руководителем облЧК был Я.Х.Юровский. Чекист Кабанов вскоре попал в его поле зрения, и их деятельность с мая по июль оказалась связанной, одного как руководителя, другого как активного функционера-исполнителя.

Режим в отношении Романовых, в том числе и князей, формально числившихся на свободе, все больше ужесточался. В середине мая областные власти надумали выслать великих князей в г.Алапаевск и содержать их там уже под арестом (фактически официальным). 14 мая на этот счет телеграммой было запрошено согласие Москвы на эту акцию. Таковое было дано. Отправка в Алапаевск была произведена 19 мая.

Общавшийся с князем Игорем Константиновичем заведующий гаражом Исполкома облсовета П.А.Леонов в дальнейшем свидетельствовал: «Во

Расстрельная комната

вторник на Фоминой неделе (это – 14 мая. – И.П.), когда я был у князя, какой-то красноармеец принес ему бумагу. Там говорилось, что все князья должны переселиться в Алапаевск, согласно постановлению местных комиссаров». Этим «красноармейцем» и был чекист А.Г.Кабанов. Ему-то руководство области и ЧК и поручило перевезти князей Романовых в нештатный старинный уральский городок Алапаевск, в котором сформировалась сильная большевистская власть с решительной, жаждущей крови «врагов революции» карательной системой.

В середине 60-х годов прошлого столетия Кабанов, уже персональный пенсионер, рассказывал: «В то время в Екатеринбурге свободно проживали в трех гостиницах ближайшие родственники Николая II нижепоименованные великие князья, а именно: Сергей Михайлович, Иоанн Константинович, Игорь Константинович, Елизавета Федоровна, дочь короля Сербии Мария (жена одного из великих князей) и с ними фрейлины и прочие (в воспоминаниях здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация; в именах и титулах мемуари-

стом допущены большие неточности, об этом скажу далее. — И.П.).

Уральская областная Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией исполнение этого решения возложила на меня и другого сотрудника этой комиссии — тов. Булычева. В помощь нам были даны два бывших эмигранта — оперативные сотрудники Ч.К., если мне память не изменяет, то фамилии их были такие: Гринберг и Гольфорд. Для этой цели был запланирован в Алапаевск поезд Особого назначения из одного мягкого вагона 1-го класса.

Чтобы подготовить их высочества к отъезду в Алапаевск мне было поручено отобрать от них подписку в том, что они к отъезду готовы.

Как себя вели их высочества во время подготовки к отъезду и самом отъезде, я считаю целесообразным на этом остановиться.

С подписными листами, на кануне отъезда, я вошел в ту гостиницу где проживал великий князь Сергей Михайлович. Когда я вошел в вестибюль гостиницы и спросил проживает ли здесь великий князь Сергей Михайлович, в вестибюле гостиницы находился ее владелец.

— Где проживает великий князь?

Не успел этот человек ответить на мой вопрос, как передо мной появился высокий седой старик, в сером штатском костюме, и отрекомендовался, что он великий князь Сергей Михайлович ... князь задал мне такой вопрос: Зачем их переселяют в Алапаевск? Я ответил, что в Екатеринбурге Вам, аристократам, летом будет душно и шумно. Заботясь о Вашем здоровье, Советская власть поэтому переселяет Вас на дачу, в Алапаевск. На это мне старый князь сказал: Гражданин Кабанов! Я-то, в Вашем лице, думал встретить порядочного человека, и Вы мне Алапаевск называете дачей! Я еще младшим артиллерийским офицером пешком исходил все уральские заводы. Был и в Алапаевске, и это са-

мый грязный завод. На это я сказал князю: Я Вам передал то, что мне было сказано, а сам я в Алапаевске не был.

После этого разговора князь взял у меня бланк подписного листа и на нем написал: «Великий князь Сергей Михайлович» и подписался: «Романов». Затем я пошел в ту гостиницу, в которой проживала Елизавета Федоровна. Ко мне вышла ее фрейльна и сказала: «Ее высочество Вас принять не может. Она принимает ванну». Не отобрав подписку от Елизаветы Федоровны, я пошел в ту гостиницу, в которой проживали молодые князья: Игорь, Иоанн и Мария (на деле — Елена. — И.П.). Когда я подошел к двери того номера, где тогда находились эти князья, оттуда были слышны оживленные разговоры на французском языке. Я приоткрыл дверь и увидел, что в номере, кроме князей и княгини, сидел старый седой старик в военной шинели, с генеральскими погонами на плечах.

Не успел я к ним обратиться, как меня, от двери оттащил здоровый мужчина и сказал: Их высочества Вас принять не могут, у них генерал, представитель короля Сербии. Я оттолкнул от себя этого человека, открыл дверь в номер и сказал: Ваше высочество! Я представитель Их Величества Советской власти и поэтому прошу дать подписку немедленно. И подал подписный лист. Через минуту 15—20 мне возвращен подписной лист был, на котором значилось вместо подписи имена: «Иоанн», «Игорь», а Мария свою подпись сделала так: «Королева Сербии великая княгиня Мария Романова» ... После этого я вторично пошел к Елизавете. На этот раз на моем подписном листе она написала: «Великая княгиня Елизавета Федоровна» и подписалась: «Романова».

Прервусь в цитировании свидетельств Кабанова, указав на то, что он события помнил неплохо, но все же не в должной мере, привносил путаницу в титулованиях, в передаче текста документа. Сохранился подлинник того

подписного документа, который позволяет в точности передать подписи и имена подписавшихся. Вот его содержание: «Нам объявлено и мы, нижеподписавшиеся, обязуемся быть готовыми к 9 1/2 часам утра для отправки на вокзал в сопровождении члена Уральской областной чрезвычайной комиссии 19 мая 1918 года». И подписи, с указанием титулов:

«Елизавета Федоровна, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия. Князь Иоанн Константинович. Княгиня Елена Петровна. Князь Константин Константинович. Князь Игорь Константинович. Князь Владимир Палей. Сергей Михайлович Романов».

Как видно, Сергей Михайлович не первым, а последним подписывал лист. Титул «великих князей» из них имели Елизавета Федоровна и Сергей Михайлович. Остальные — титул князей. Все (кроме Владимира) носили фамилию Романовых, которую проставлять было не принято. Княгиня Елена Петровна была дочерью сербского короля Петра I — королевой (а не королевой) супругой Иоанна Константиновича, княгиней. Князь Палей — внебрачный сын великого князя Павла Александровича.

Продолжу передачу рассказа Кабанова, относящегося уже к организации поездки в Алапаевск и о ней самой: «В день отхода поезда в Алапаевск мне было выдано 400 рублей керенками, на которые я должен был нанять частных извозчиков и на них доставить князей к поезду Особого значения, по расписанию отходящего в 11 часов утра. В 9 часов утра я пришел на стоянку извозчиков, где не оказалось ни одного извозчика, т.к. они в то время получали в какой-то организации для своих лошадей фураж. Где именно, я не знал.

Пробежал я по городу в поисках извозчиков до 11 часов утра, т.е. до отхода поезда, согласно расписанию. Только в 12 часов мне удалось нанять 4-х извозчиков на плохоньких лошадях и

Настоятельница Марфо-
Марининской обители Великая
княгиня Елизавета Федоровна

Инокья Варвара (Яковлева),
келейница Елизаветы Федоровны

Великий князь
Сергей Михайлович

Князь Императорской Крови
Игорь Константинович

собой. Я спросил его: Почему он нарушил мое законное указание. Он ответил: А ты кто будешь? А это их высочества! Получилось так, что их высочества поедут на нанятых мною извозчиках до вокзала, а я должен сзади них бежать на своих, на двоих. И тут, на мое счастье, мимо нас ехал извозчик – лихач на хорошей лошади, в хорошем, роскошном экипаже. Я его остановил и без торга сказал, чтобы он вез меня на вокзал ...

Из-за всей этой канители наш картеж к вокзалу прибыл вместо 11-ти часов утра, во втором часу дня! Начальник станции встретил меня с поднятыми вверх кулаками, с трехэтажной бранью угрожая мне судом. Им были наняты носильщики в 11 часов утра, которые ожидали нас.

Далее Кабанов описал размещение князей в вагоне, их разговоры о том, что население станции, оказалось, ждало прибытия поезда. «На одной станции мы вышли, – вспоминал бывший чекист. – На перроне к великому князю Сергею Михайловичу подошли два старика, похожие на кулаков, и пали перед ним на колени. Сказали: Ваше высочество! Явите божескую милость, у нас большевики отобрали хлеб. Князь подошел ко мне и спросил: Что я им скажу? Я ответил, что у нас свобода слова; что хотите, то и говорите... После этого князь подошел к мужикам и сказал: Встаньте, мужички! Я вам помочь ничем не могу...

Когда мы подъехали к станции «Алапаевск», в наше купе вошел очень пожилой человек в рабочей одежде, вооруженный револьвером и гранатами, к поясу прицеплен плантаж, на голове засаленная кепка, в зубах трубка, и сказал: Собирайтесь к выходу. Приехали. Князь спросил его: А ты кто такой будешь? Этот человек ответил: Комиссар юстиции (это был Е.А.Соловьев. – И.П.)...

На станции «Алапаевск» к нашему вагону подо-

очень плохоньких маленьких экипажах. На этих извозчиках я поспешно стал собирать их высочества. Сначала я, без хлопот, усадил на извозчика старшего князя Сергея Михайловича, затем княгиню Елизавету Федоровну, потом подъехал к той гостинице, в которой проживали Иоанн, Игорь и Мария (Елена. – И.П.). Уходя за ними, я одному извозчику сказал, чтобы он никого в свой экипаж не сажал, т.к. я на его экипаже поеду сам. Придя в номер, я предложил князьям и княгине садиться на извозчиков. Они потребовали носильщиков для погрузки их вещей, но поблизости носильщиков не было, а время-то подходило к отходу поезда ... Я показал их высочествам револьвер – «наган». После этого их высочества приступили сами к погрузке на извозчиков своих чемоданов. Из номера я вышел последним, а когда я подошел к извозчику, чтобы сесть и поехать, оказалось, что все они были заняты князьями и княгинями, и их вещами. В том числе был занят и тот извозчик, которого я забронировал за

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ № 12 1928			
№ записи	Имя	Возраст	Родные, отец, братство и фамилия покойного
197	Св. 5	6	Великий Князь Сергей Николаевич Романов 49
198	Св. 5	6	Великий Князь Алексей Александрович Романов 32
199	Св. 5	6	Великий Князь Кирилл Владимирович Романов 28
200	Св. 5	6	Великий Князь Игорь Кириллович Романов 24
201	Св. 5	6	Великий Князь Владимир Александрович Романов 54
202	Св. 5	6	Великий Князь Николай Николаевич Романов 23
203	Св. 5	6	Великий Князь Алексей Александрович Романов 40

Выписка из метрической книги
Свято-Троицкого собора
о погребении алапаевских мучеников

шли 10 человек в кожаных костюмах, вооруженных револьверами и гранатами, забрали всех князей и княгинь, усадили их в крестьянские подводы и под конвоем увезли в город, где их разместили в реальном училище (точнее – «Напольная школа». – И.П.), расположенном на окраине города. К каждому окну и двери, и внутри помещения были выставлены посты вооруженной охраны из местных рабочих.

На второй день я пошел посмотреть, как содержатся князья и княгини. Они все лежали на полу в одном классе училища, из которого вся мебель была вынесена. Увидев меня, старый, разговорчивый князь Сергей отвернулся от меня лицом к стенке и ничего мне не сказал. Я получил от Алапаевского горсовета расписку о сдаче ему князей и княгинь и [уехал] в Екатеринбург».

Вот так, по свидетельству организатора переправки князей Романовых, бывшего чекиста Кабанова выглядела эта печальная эпопея – одно из звеньев гибели Романовых на Урале. В ночь на 18-е июля 1918 г. князья и двое из сопровождавших их лиц были уничтожены. Княгиня Елена перед тем вернулась в Екатеринбург, уехала с Урала и с помощью зарубежных дипломатов эмигрировала.

По возвращении из Алапаевска в Екатеринбург

Кабанов отчитался о выполнении задания. Его действия были одобрены, и он продолжал выполнять разнообразную чекистскую работу, по-прежнему связанную с судьбой Романовых.

К июлю месяцу в Центре В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Ф.Э. Дзержинским, возможно, совместно с некоторыми другими вождями, предпрешен был вопрос об уничтожении Романовых на Урале. Можно сказать, что застрельщиками в этом деле были некоторые уральские лидеры во главе с Голощекиным и Белобородовым, добивавшиеся согласия на скорейшее решение вопроса. Спешно готовилось тайное, бессудное убийство. Для окончательного решения вопроса с Центром в Москву выехал Голощекин. 4 июля комендантом ДОНа был назначен абсолютно «надежный» и решительный большевик, еще в юности совершивший убийство (следствие тогда пришло к выводу, что оно «случайное»), – Я.Х. Юровский. Он заменил прежнюю внутреннюю охрану на чекистскую в полном составе примерно из 10 человек. С возвращением из Москвы 14 июля Голощекина по обсуждению вопроса в узком кругу руководства области из членов РКП(б) (без приглашения левых эсеров), потом выдаваемого за решение «президиума исполкома облсовета», план убийства был осуществлен в ночь с 16 на 17 июля.

Вернемся к личным свидетельствам и воспоминаниям А.Г. Кабанова.

«[Николай] неразговорчив во время прогулок, постоянно гулял только с дочерью Ольгой; причем они гуляли ускоренным шагом (гулял Николай II и с другими своими детьми. – И.П.).

В одну из прогулок, Николай II обратился к постовому охраннику чтобы убрать торф с тропинки, по которой царь гулял. На это охранник ответил бывшему императору:

– Ишь, какой барин! Убери сам!

После этого, Николай эту тропинку очистил сам, путем разбрасывания ногой, с тропинки, торфа.

Когда проходили, мимо дома Ипатьева красноармейцы на фронт, Николай становился на окно и, через незакрашенную мелом фрамугу окна, наблюдал за проходившими красноармейцами.

Однажды согласно указанию постовой охранник выстрелил в окно, когда Николай на нем стоял. Николай кубарем светился (так в тексте. – И.П.) на пол и после этого в окно не смотрел.

Бывшая царица Александра – среднего роста, рыжая, лицо слегка покрыто веснушками, некрасивая, затаенная, на прогулку не выходила, потому что ей, в первые дни нахождения в доме Ипатьева, охранники задавали вопросы; как она сожительствовала с Распутиным?

Старшая дочь Николая – Ольга, роста выше среднего, замкнутая некрасивая, одета в простое длинное платье, подпоясанное широко (черного бархата) поясом, в длину которого расположены также бархатом обшитые пуговицы. Сзади пояса бант. Сапоги русские, на низком каблуке.

Младшие дочери Николая – Татьяна, Анастасия и Мария, роста ниже, чем Ольга, на лицо симпатичные, одеты-обуты также, как Ольга, жизнерадостные; всегда хохотали пели народные песни, частушки, стремились разговаривать с охранниками. Тема разговоров кого и как они любят. Сын Николая – Алексей – болезненный, на собственных ногах передвигаться не мог (его возили на детской коляске или носили на руках). По этой причине, к ним были приставлены няни: его ровесник (14-ти летний племянник одного из царских поваров) и фрельна – графиня Шнейдер (на деле – комнатная девушка императрицы – А.С. Демидова; Е.А. Шнейдер же – придворная лектриса – содержалась во 2-ой Екатеринбургской тюрьме, в дальнейшем была увезена в Пермь и там расстреляна. – И.П.)...

В середине лета 1918 года наша Родина оказалась в крайне тяжелом положении. Огромное огненное кольцо фронта замкнулось вокруг нашей молодой Республики. Хлебные районы Юга и

Востока оказались в руках интервентов и белогвардейцев. 25 июля (на самом деле мая. – И.П.) 1918 года начался мятеж чехословацкого корпуса.

Для обороны города явно не хватало сил. Встает вопрос об оставлении Екатеринбурга нашими вооруженными силами.

Мы хорошо знали, что белогвардейцы: Колчак, Юденич, Врангель, другие, а также интеллигенты, воюют не за Республику, а за восстановление монархии. И если в их распоряжение попадутся Николай II и его члены семьи, то это для них будет большая находка. Они постараются поставить на престол любого члена семьи Николая Романова. Поэтому, в интересах революции, Уральский Областной Совет постановил: Николая II Романова, членов его семьи – расстрелять.

Сложившаяся обстановка не позволила это сделать открыто, поэтому было решено ликвидацию Николая II и его семьи сделать, по возможности секретно.

21 июля 1918 года тов. Юровский, его помощник Никулин и я стали выработать план ликвидации Николая и его семьи. И было решено, акцию эту произвести в той подвальной комна-

те, в которой помещался я, со своей пулеметной командой.

Для этой цели убрали из комнаты наши кровати и другую мебель. На время расстрела решили поставить, под окнами нашей комнаты, старую грузовую автомашину «Форд», с плохим глушителем, чтобы она в это время трескотала, своим мотором заглушая выстрелы.

В 2 часа утра 22 июля (ошибка в датировании; следовало 17 июля. – И.П.), 1918 года тов. Юровский сообщил Николаю II, что в городе неспокойно, что его жизни и его семье угрожает опасность, что во избежание этого, он предложил ему, со всей семьей, спуститься вниз. После этого, Николай II взял на руки своего сына и пошел в указанную комнату, а за ним пошли и другие члены его семьи, и другие лица, находящиеся при нем. Николай II, придя в указанную комнату, сына посадил на приготовленный нами стул, а сам встал посередине комнаты, лицом к двери. Все остальные встали с правой и левой руки, также, лицом к двери.

Тов. Юровский вошел в эту комнату, встал в угол и зачитал Николаю II и его семье Постановление Уральского Областного Совета о их расстреле. Причем, в этом Постановлении, инкриминировалось обвинение династии Романовых, за все время, со стороны этой династии. После оглашения тов. Юровским Постановления Областного Совета, сразу затрещал мотор грузовой маши-

Продолжение всех страниц

Личный листок по учету кадров

Фамилия Каванов имя Викентий отчество Георгиевич

Год и месяц рождения 1890 г. 2 пол. 11. 3. Место рождения (по существующему административному делению) Кашинский уезд, Владимирская губ. 4. Национальность Русский

Сод. происхождения: а) бывш. сословие (звание) родителей крестьяне б) основное занятие родителей до Октябрьской революции степовик, швейцар, швейцарский мастер в) после Октябрьской революции крестьянин в колхозе 6. Основная профессия (занятие) и момент вступления в профсоюз Рабочий 8. Партия Свердловской

9. Стаж пребывания в ВКП(б) с 1918 г. по 1920 г. 10. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какому времени) не состоял 11. Состоял ли ранее в ВКП(б) не и по какому и на каком основании исключен или выбыл не исключен

12. Состоял ли в оппозиции (каких, когда) не

13. Состоял ли в оппозиции (каких, когда) не

14. Участвовал ли в оппозиции (каких, когда) не

15. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Коммунистический, в 1920 г.

Дата (М-И-Год)	Вступил	Вышел	Кому (куда) переведен

Позднее название учебного заведения (вуз, школа, техникум, вулвуз, школы и проч.) и его местонахождение

А.Г.Кабанов в конце жизни

ны и присутствующие при этом товарищи, сначала, не входя в комнату, где находились приговоренные начали стрелять через проем открытой двухстворной двери.

Присутствующий здесь член, т.е. чекист Михаил Медведев, с первого выстрела, застрелил насмерть Николая II.

В это время, я также разрядил свой «наган» по осужденным. Результаты моих выстрелов я не знаю, т.к. вынужден был сразу же пойти на чердак, к пулемету, чтобы в случае нападения на нас (во время этой акции) враждебным нам сил, в своей пулеметной команде отражать это нападение.

Когда я вбежал на чердак – увидел, что в Горном институте, расположенном через улицу, загорелся свет. Хорошо были слышны выстрелы, и сильный вой царских собак.

Я немедленно спустился в комнату казни и сказал, что стрельба в городе хорошо слышна, что очень силен вой царских собак, что против нас, в Горном институте, во всех окнах горит свет, но в это время, за исключением фрельны и сына Николая, все уже были мертвы.

Я рекомендовал умертвить их холодным оружием, а также умертвить трех царских собак, которые сильно выли. Четвертую собаку Джек как не производившую вой, не тронули.

Затем районный врач освиде-

тельствовал всех казненных и установил, что все они мертвы (по некоторым данным, это делал П.Л.Войков (Вайнер). – И.П.).

После этого, все трупы были уложены в грузовую автомашину и... вывезены за город для захоронения.

Когда закончилась погрузка на машины трупов казненных, я слез с чердака и вошел в помещение, ранее занимаемое Николаем и его семьей. Там студент Горного института, состоящий в штате охраны, сортирует драгоценные камни Николая. Простые самоцветы он клал в одно место, а драгоценные – в другое. На студенте был подпоясан бархатный пояс, одной из дочерей Николая. Я сказал, что все пояса дочерей Николая необходимо распороть и хорошенько проверить их содержимое. Когда были распороты эти пояса, то оказалось, что расположенные, во всю их длину, обшитые бархатом, пуговицы, были не пуговицы, а крупные бриллианты. В распоротых сзади бантах, также были заполнены крутыми бриллиантами. Выходит, что молодые великие княжны, не из-за чудачеств были одеты и обуты в такие маскарадные наряды, а это была тщательная подготовка к их побегу за границу. И если бы вовремя их не привезли из Тобольска, то они оттуда легко могли бы бежать. Так, через свободу и тайну, враждебные нам силы, готовили их побег.

У царя был новый черный шевровый портфель. Меня особенно занимало, какие же находятся государственные документы у императора России, царя Польского, великого князя Финляндского и прочия, и прочия.

Когда мы взяли один из этих портфелей, все документы, их оказалось всего два. И когда мы прочли их содержание – разочаровались.

Один документ – это приказ командира гвардейского полка, генерал-майора, времен Екатерины II (вероятно изъятый из архива). Этим приказом, генерал предлагает всем офицерам, вверенного ему полка, явиться к гра-

фине на бал и вести себя так, как подобает образованным русским офицерам. Затем в приказе идет перечень, что офицеры могут делать и что не могут делать на балу. Что нельзя делать, изложено в таких выражениях, за которые в наше время судят, как за хулиганство. Поэтому, уважая тех, кто меня слушает, я повторять их, эти хулиганства, не буду.

Второй документ – это личное – небольшая рукопись царя, всего на четвертушку листа. Она изложена в стихах; царь ругал народ, революцию и кончал так: «собрались в кучу люди (ну тут он такое слово), или не дать мужикам земли ни пяди». Все это произведение состояло из хулиганских матерщин. Полагаю, что это он переписывал в Тобольске, с произведения какого-нибудь белогвардейца, ибо у него способности и на такие глупые, хулиганские документы, не было.

У всех дочерей царя были дневники. Несмотря на проходившие бурные события и, особенно, касающиеся их судьбы, в дневниках записывались их самые обыденные моменты, как и с кем они стояли в церкви, с кем завтракали, прогуливались, и больше ничего. А ведь Ольге было уже 22 года!

Все драгоценности царя были сложены в небольшой чемодан, который был опечатан и взят тов. Юровским, для сдачи в Москве.

После этого, я, тов. Юровского, не видел. После расстрела царя, его семьи, из дома Ипатьева ушли все, в том числе и охрана. Пулеметы и другое оружие были увезены. Я в этом доме остался один, вооруженный только револьвером «наган» (в доме оставался и охранник В.Н.Нетребин. – И.П.)»

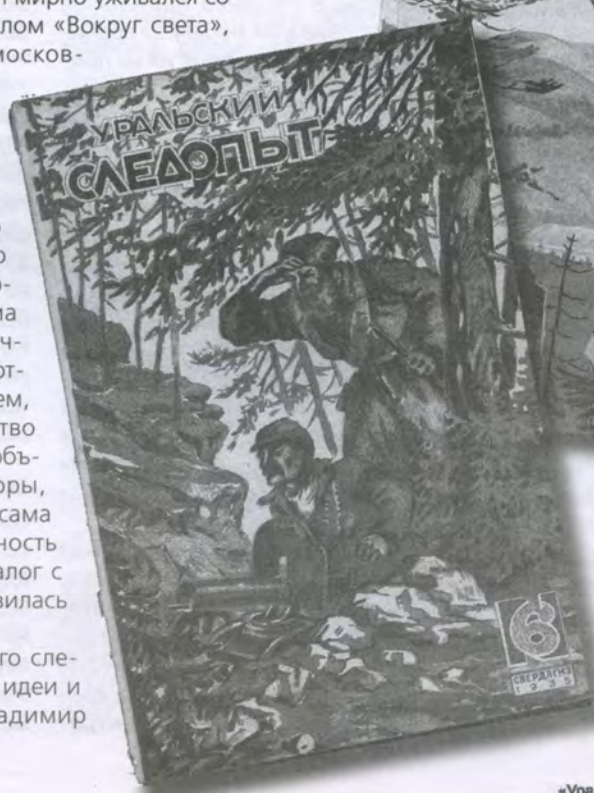
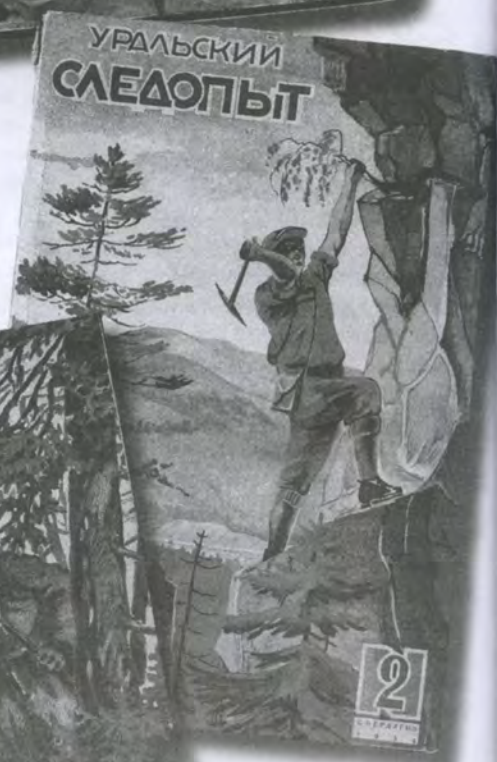
В 1965 г. Кабанов, уже персональный пенсионер республиканского значения, проживал по адресу: Хабаровск, улица Фрунзе, дом 72, квартира 5, с телефоном – 33-06-81. Проживал тут, вероятно, до конца своих дней. Умер он 1 июля 1972 года. Еще в большом почете.

Как удержать на своих плечах весь мир?

В этом году журналу «Всемирный следопыт» исполнилось 80 лет. Для многих читателей, эта дата – безусловно, праздничное событие. А ведь праздника могло бы и не быть... Но собрались вместе люди неравнодушные! Они продолжили прерванную когда-то историю журнала и, можно сказать, обогатили его новыми идеями.

В далеком 1925 году родился на свет этот необычный «ребенок» – искренний любитель путешествий, приключений, охоты, спорта и научной фантастики. Те, кто зачитывался «Следопытом» Ф. Купера, легко поймут, откуда возникло название журнала. Долгое время он мирно уживался со своим «побратимом», журналом «Вокруг света», под крылом крупнейшего московского издательства «ЗиФ» («Земля и фабрика»). А в 1932-м по вполне понятным причинам прекратил свое существование. Трудное было время, особенно для тех, кто не соответствовал понятию «винтика» строящегося государства. Идеологическая система сознательно враждовала с личностями, которым удавалось открыть интересное дело – скажем, негосударственное издательство или журнал: вокруг него часто объединялись талантливые авторы, рождались вольные идеи, а сама редакция получала возможность наладить доверительный диалог с читателями, для многих становилась другом...

Вот и история «Всемирного следопыта» оборвалась, а автор идеи и заведующий редакцией, Владимир

Юбилей

РЕКА ВРЕМЕНИ

Алексеевич Попов-Штарк оказался на Урале. Приехал он тогда в наши края по доброй воле, потому что решил поддержать инициативу свердловских писателей возродить любимое детище на новой почве.

Изменилась линия судьбы талантливого редактора, но не изменил он сам своему предназначению. Был Владимир Алексеевич неутомимым выдумщиком, организатором всевозможных поисков, человеком образованным и неординарным, сложа руки, не сидел. Он и на новом месте постарался сплотить в один круг добровольцев-следопытов не только из числа тех, кто входил в научное сообщество края – охотоведов, геодезистов, селекционеров, горных инженеров, но и талантливых литераторов. Журнал начал выходить в 1935 году под учредительством правления Свердловского союза советских писателей. Летопись одного издания как бы зеркально отразилась в другом времени и в других координатах – продолжилась на Урале!

Те, кто держали в руках оба журнала тех лет, могли убедиться в том, как они похожи. И обликом, и духом. А все потому, что и в Москве, и на Урале печатались одни и те же авторы, сегодня многие из них составляют цвет нашей литературы – Михаил Пришвин, Виталий Бианки, Александр Беляев... Владимиру Алексеевичу доверяли, его искреннее любопытство к миру помогало «Уральскому следопыту» раздвигать горизонты, отыскивать новые интересные маршруты. Журнал не был провинциальным (в уничижительном смысле этого слова), рассказывал о жизни края с неподдельным увлечением, на его страницах находили место путевые очерки, занимательные научно-популярные статьи, остросюжетные рассказы и повести. Павел Бажов, Вячеслав Шишков, Михаил Зуев-Ордынец, Борис Рябинин считали за честь быть опубликованными в издании. Жаль только, вышло в далеком 1935-м всего девять номеров. Попов-Штарк еще какое-то время жил в Свердловске, собирал «Уральскую библиотеку занимательного краеведения» в надежде, что журнал вернется к читателю, но, увы, возродился он только в 1958 году.

«Следопыт» не забывает о традициях. Помнит также и о символическом юбилее своего предшественника. И искренне радуется тому обстоятельству, что, оказывается, нас объединяют не только родственные связи, но еще и общие читатели. Как раз на днях мы получили бандероль из Санкт-Петербурга с необычным содержанием. Инженер-стандартизатор и известный в городе библиофил, собиратель краеведческой, мемуарной, социологической и философской литературы, автор более 150 опубликованных работ по специальности и библиофильству, почетный член Городской Секции Книги, Игорь Кузьмич Григорьев прислал нам в подарок несколько экземпляров «Всемирного следопыта» (в том числе и практически «ненаходимый» – увеличенного формата, образца 1931 года). Было бы неправильно утверждать, что исчезла память о журнале за годы

его вынужденного молчания. Нет прямых продолжателей идеи Попова-Штарка, и все же в 2001 году в Москве родилось издание с известным миру названием. В 2003 году права на журнал приобрело Санкт-Петербургское издательство «Панорама ТВ». «Всемирный следопыт» поменял адрес, но не прекратил свои путешествия маршрутами истории, по-прежнему рассказывает о наиболее интересных фактах и достопримечательностях, о жизни людей, об увиденном в самых разных уголках света.

Мир держится на плечах энтузиастов... А 80 лет назад один из представителей плеяды атлантов-энтузиастов – Владимир Алексеевич Попов-Штарк – попытался удержать на своих плечах «Всемирный следопыт». Старый журнал и сегодня читается с удовольствием, в нем немало любопытного. И вполне понятно, почему росла его популярность (к 1930 году тираж издания уже достигал 150 тысяч экземпляров). К слову, и некоторые ремарки сотрудников редакции просто не могут не вызывать доброго отношения. Читаем: «В номере четвертом в подписи под портретами вкралась ошибка...», – сразу видно: собрались люди нескудные. Они с одинаковым увлечением вели наблюдение за «великой книгой природы», рассказывали о «стране кенгуру», публиковали очерки о героях-полярниках, искали тунгусский метеорит, но и не боялись, если надо, повиниться перед читателями за элементарные «ляпы». Для любопытных: страницы книжечек с многокрасочными рисованными обложками нумеровались в течение года непрерывно – к примеру, в 1930 году их количество перевалило за восемь сотен.

«Рукописи должны быть четко переписаны, по возможности на пишущей машинке», – с такого предупреждения начинался каждый новый номер. Мир изменился, прогресс налицо, современные читатели хорошо знают, что такое e-mail, дискета и CD, и все же, все же... Многие авторы, как и раньше, присылают в редакции журналов материалы, написанные от руки, от сердца. Времена другие, а люди – такие же.

1 р. 50 н.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 г.

НА НОВЫЙ УРАЛЬСКИЙ
ежемесячный иллюстрированный
ЖУРНАЛ СЛЕДОПЫТ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ,
ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ ставит своей целью содействовать исследованию, раскрытию и освоению величайших естественных богатств Урала, Предуралья, Зауралья и Восточной Сибири, их истории и освещению жизни народов, населяющих их.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ подает свой материал в форме увлекательной исторической повести, сюжетного рассказа, художественного или занимательного научно-популярного очерка, расширения и углубления знания учащихся и широкой слоев советского читателя в области истории, географии и краеведения.

ОТДЕЛЫ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

ИСТОРИЯ	ГЕОГРАФИЯ	КРАЕВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ	ПРИРОДА И ОХОТА	
УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ — СТАРЫЕ И НОВЫЕ		
ПУТЕШЕСТВИЯ УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА ВОКРУГ СВЕТА	ПУТЕШЕСТВИЯ УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА ПО КНИГАМ	
ПО КРАЕВЫМ МУЗЕЯМ УРАЛА	НАРОДЫ УРАЛА	ИШАХМАТНАЯ ДОСКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ систематически будет следить за научно-исследовательскими экспедициями по Уралу и сообщать о результатах их работ

Проекты «Уральского следопыта»

А. НАСЕДКИН. Майский экстрим - 2005 № 6	Ю.ГОРБУНОВ. На руинах храма Богородицы № 8
Ю.ГОРБУНОВ. Серия «Тропинка» № 7	А. ТУМАНОВ. С мольбертом по Уралу № 11

Фотоконкурс

Е.ПАРАМОНОВА. Городской пейзаж № 1	В. БАЙДУКОВ. Урал - горная страна № 6
Е.КОРБУТ. Мы - уральцы! № 2	А. ЧАРУШНИКОВ. Мы - уральцы! № 7
М.ПОЛЫКОВСКИЙ. На грани № 3	А.ПИЧУГИН. Заповедные земли № 10
А.АКИФЬЕВА. По следам предков № 4	С. ПОЛЯКОВ. Мы - уральцы! № 11
А.СЛЕПУХИН. Заповедные земли № 5	

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

Ю.КЛЮШНИКОВ. «Ермак» — неосуществленный замысел Пушкина № 1
Н.АКИФЬЕВА. Павел Берг и сыновья № 2
В.ТРУСОВ. Причальные столбы на Чусовой № 4
В.ИЩЕНКО. Малахит первых рудознатцев № 4
В.ЗАЙЦЕВ. Военные госпитали Перми № 6
В.ИЩЕНКО. Цыльма — рудник или завод? № 7
В.НОВИКОВ. Ординский селенит № 8
Ю.КЛЮШНИКОВ. Бородино туринских ополченцев. № 11
В.ИЩЕНКО. Тайное золото Всеволожских № 12
Э.СОКОЛОВ. Сказ об уральских скоморохах № 12

Юбилей

С.ПАНИНА. Под эгидой госпожи Удачи № 1
М.ГОЛДИНА. Родыгин: знакомый и не очень № 2
О.ГАФНЕР, Л.ГОРОДЕЧНАЯ. Мирные тралы «Станкомаша» № 3
Ю.ГОРБУНОВ. Жив, Курилка! № 4
Е.ЗАХАРОВА. Наследство старого свердловчанина ... № 4
А.АНТОНОВ. Спартак Киприн — художник «Следопыта». № 4
Н.ЕРОХИН. Вечный «бегун», или Необычная картотека «Следопыта» № 4
Е.МИНАКОВА. Как удержать на своих плечах весь мир?.. № 12

Далекое-близкое

Н.АКИФЬЕВА. Леса Билимбаевской дачи: исторический аспект № 4
В.ПОПОВ. «Шестьнадцать столовых ножей...» № 6
В.БОЙКО. Офицеры шли не нагибаясь № 8
В.СОЛОВЬЕВА. Разорванное колесо № 10
А.АЛЕКСЕЕВ. Побег № 12
И.ПЛОТНИКОВ. Чекист Кабанов вспоминает № 12

Легенды и были

Е.ЛЫСЕНКО. Дети снегов. Тресколье № 1
В.ШАКАЕВ. Дети снегов. Экспедиция № 2
В.СУРЕНКОВ. Казенка № 2
Л.ЛИСЮТКИНА. Агнеины байки № 6
А.КОЗЫРЕВ. Былицы старого рудника № 9
О.АРМАТЫНСКАЯ. Земля алыпов, или Витязь в золотом шлеме № 9

Портреты

А.КОЗЫРЕВ. Харбино-шанхайские кировоградцы ... № 1
А.КОЗЫРЕВ. Отечество юнкера Ксенофонта № 3
Ю.КЛЮШНИКОВ. Творец «Касьяна Остудного».. № 4
М.ПРОЗОРОВА. Выжить помогло искусство № 5
М.ПЕТРОВ. Отец «Белой башни» № 7
В.РЯБУХИНА. Даритель — Елизавета Кремлева № 10
И.ПЛОТНИКОВ. Кроль — лидер уральских кадетов .. № 10

Краеведческая копилка

И.КОПЫТОВА. Горнист с «Варяга» № 1
В.ТУРБАСОВ. Хроники Сылвы № 9
В.ТРУСОВ. Взлет семьи Зотовых № 11
М.АНТОНОВ. Верхний Уфалей и... Лондон № 11

Версия

А.ЛЕШКОВ. О заблудшем человечестве и великом правителе № 1
Л.БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Кама - окраина древней Руси? № 2
А.ЛЕОНОВ, С.БАННЫХ. Каспиотида № 3
В.БАЙДУКОВ. Окно в эпоху мезолита № 4
С.БАННЫХ. Первая культурная революция № 4
А.ЛЕОНОВ. Мистерия Древнего Египта № 6
А.ЛЕОНОВ. Истоки древних традиций № 7
А.ЛЕОНОВ. Империя бога Асара № 8
А.ЛЕОНОВ, С.БАННЫХ. Уральский «Царь-камень» ... № 9
Г.ПУДОВ. Уральский берестяной промысел: самодельность или традиция? № 10

В мире прекрасного

Н.АКИФЬЕВА. Храм в Билимбае и его архитектор... № 8
Е.МИНАКОВА. По следу Захарова № 12
М.ЗАХАРОВ. По небу лодка плыла № 12

По белу свету

В.ЛУКЬЯНИН. Чудо света в Долине Павших... № 2
О.РУДЕНКО. Страна душевного покоя № 8
Г.УФИМЦЕВ. Тункинская долина № 9

Родословная

О.ОЖГИБЕСОВА. В поисках Родины № 1
О.ЛУЗЯНИНОВ. Анна всяя Руси № 2
А.ТРОФИМОВ. «Древо» унтер-офицера Дементьева.. № 7

Ишимские хроники

О.ОЖГИБЕСОВА. Матушка Александра № 3
О.ОЖГИБЕСОВА. «Сапожник» для Ватикана № 6
О.ОЖГИБЕСОВА. Быть ли музею на родине Петра Ершова? № 9
О.ОЖГИБЕСОВА. Веселый человек из Ишима № 10
О.ОЖГИБЕСОВА. Черный квадрат Валентина Филатьева № 11
О.ОЖГИБЕСОВА. Прасковья Луполова, или Путешествие из Ишима в Историю № 12

Человек и природа

В.ТРУСОВ. Кристалл «Малютка» № 3
А.КАНТОР. Я — хозяин родничка! № 6.

Музей фотографии

О.ШАБАРШИНА. Тагильская капуста № 1

О.ШАБАРШИНА. Слева – здание «Обжорного ряда» №	3
О.ШАБАРШИНА. Первый самолет в Тагиле №	7
Занимательная нумизматика	
В.ПУРОНЕН. Червонец вместо империала	№ 1
Возвращение из Леты	
В.ГОЛДИН. «Кому я эти песни посвящаю...»	№ 1
В.ГОЛДИН. Жизнь под псевдонимом	№ 6
В.ГОЛДИН. Забытые тобольские поэты	№ 9
Очерк	
Н.ШАМСУТДИНОВ. Человек из глубинки	№ 3
Прогулки в прошлое	
В.ОСИПОВ. Здесь венчался Бажов	№ 2
Клуб собирателей	
А.МАКУРИН. Налоговая полиция: след в фалеристике.. №	3
В.ПОПОВ. Уральские боны Гражданской войны	№ 4
А.МАКУРИН. «Собачий ваучер»	№ 6
А.МАКУРИН. «Вогулки» – тоже деньги	№ 7
И.АРТЕМЬЕВ. О людях-самоцветах	№ 9
В.ВОЛЕГОВ. Шанхайские раритеты	№ 10
А.МАКУРИН. «Всхлипы» НТМК	№ 10
Л.БОРИСОВА, А.МАКУРИН «Вовчики» ШААЗа	№ 12
Писательницы России	
Ю.ГОРБУНОВ. Материалы для био-библиографического словаря	№ 1-12

Заочная экспедиция	
В.ШУМКОВ. Страна пещер.	№ 3,4,11
Школа юного журналиста	
О.ИГНАТЕНКО. Десантник Юра Сюткин	№ 7
Свидетельствуют архивы	
В.ТРУСОВ. Архитектор Карл Турский	№ 7
Исторический детектив	
Ю.КЛЮШНИКОВ. Аркебуза Шекспира	№ 7
Детский сад	
Н.СТЕПАНЫЧЕВА. Устами младенца	№ 8
Поиски и находки	
Ю.КЛЮШНИКОВ. «Я давно искал случая...»	№ 2
День Победы	
Г.КРАСНОПЕВЦЕВА. Обелиск на горе Вересовой	№ 5
«За Зину Туснолобову»	№ 5
Л.ПАВЛОВСКАЯ. Под гудки паровозов	№ 5
И.СЕМЕНЧИК. Афоня. Жажда. Фрикадельки по-немецки	№ 5
Награды субъектов УрФО	
А.МАКУРИН. Награды Ханты-Мансийского округа – Югры.	№ 11

АЗЛИТА

Переводы современной поэзии

В. ОСИПОВ Антология сербской поэзии XX века	№ 8
---	-----

Современная поэзия Урала

Л. РАТУШНАЯ Стихи	№ 1
Е.МОЗГУНОВ. Стихи	№ 2
Н. НУРКЕНОВА Стихи	№ 3
С. НАДЬ Стихи	№ 5
А. КАМЕНЕЦКИЙ Стихи	№ 6
Е. БРАЙС Стихи	№ 7
Ю. БОГАТЫРЕВ Стихи	№ 10

Современная поэзия

Е. СЕРЕБРЯКОВ Стихи	№ 3
В. ОХОТНИКОВА Стихи	№ 3
Ю. КОНЕЦКИЙ Стихи	№ 4
А. КЕРДАН Стихи	№ 5
Л. ЛАДЕЙЩИКОВА Стихи	№ 5
Н. СМИРНОВА Стихи	№ 6
В. ЗЮСЬКИН Стихи	№ 7
А.ТЕМИРОВ. Стихи	№ 8
Д. КОЛЧИН Стихи	№ 9

Современная проза

И. ЖИВЕТЬЕВА Закон сохранения	№ 1
А. САМОЙЛОВА Рассказы	№ 2
Р. КАРИМ Рассказы	№ 2
Л. ИЗМАЛКИНА Алтынжель	№ 4
Е. ЛОБАНОВ Лифт на семнадцатый этаж	№ 7
М. ПРОЗОРОВА Сны хорошей учительницы	№ 7
Н. МЕДВЕДЕВ Осень	№ 10
В. КУЗИН Горбун	№ 11
В. ЧАЩИН Катастрофа	№ 11
Н. СМИРНОВ Осень Артиста – гончего пса	№ 11

М.ПРОЗОРОВА. Новогодние сновидения, или К чему снятся вараны?	№ 1 2
--	-------

Современная проза Урала

С. РУСИНОВ Обреченные	№ 3
В. ДАНИЛОВА Жизнь, она такая короткая	№ 3
С. ЧУФАРОВА Вот уж я тебе!	№ 7
О. ВАКУЛЬСКАЯ Остров Тигра	№ 8
Э. УРАЛЬСКИЙ Зеленое солнце	№ 11

Наш гость

Дж. ГЛЮК Рассказы	№ 1
В. МАЗУРОВ Стихи	№ 2
К.ЗИГАНШИН. Боцман, или история жизни рыси	№ 5 - 6

Фантастика

В. НИКОРА. За гранью	№ 1
Т.АРТЫКОВ, С.ТАТЕВОСЯН. Судьба	№ 2
К. СУХИХ. Счастливый билет	№ 3
А. БУТОРИН. Возвращение себя	№ 4
Владислав КРАПИВИН. Прохождение Венеры по диску Солнца	№ 5 - 7
С. КАЙМАНОВ. Серьезные намерения	№ 6
С. ЭСТ. Сага о солнечном берегу	№ 8
С. ЧЕКМАЕВ. Ничья	№ 8
И. СИТНИКОВ. Нечистое место	№ 9
С. и Е. ЗАХАРОВЫ. Седьмой гном	№ 9
Н. ИПАТОВА. Ледяное сердце Златовера	№ 10 - 12
В. ВОРОН. Взаимодействие искусственного с живым	№ 10
И. ВОДОЛЕЕВ. Дорога в Аресибо	№ 11
А.ГОРЕЛИКОВА.. Юпитер-Кситху	№ 12

Дебют

А. ЛУКЬЯНОВ. Стихи	№ 1
Е. РЕЗНИКОВА. Рассказы	№ 3
А. БРЯЛЯКОВА. Стихи	№ 1

Драматургия

Д. БАЛЫКО Ангелика решает продаваться?	№ 2
--	-----

Юмор

Е. МОСКВИН Дерево	№ 2
-------------------------	-----

Сказка

С. ГРАЧЕВ Дела заморские, лукоморские	№ 2
Н. СРЕДИН Добрыня и Змей	№ 4
В. НИКОРА. Новогодний дар	№ 1

Притча

В. СУЧКОВ Пастырь и Ренегат	№ 3
-----------------------------------	-----

Юбилей

А. НАСЕДКИН Большому кораблю – большое плавание	№ 5
--	-----

Эксклюзив

А. ПАПЧЕНКО Сокровище призрака	№ 8 - 9
Б. РЫЖИЙ Стихи	№ 10

Миниатюры

М. ТРЕГУБОВ Дом, В западне	№ 9
----------------------------------	-----

Публицистика

Н. ТАРАБУКИНА «На вас меня посмотрят сквозь» ...	№ 10
--	------

Союз писателей представляет

А. ТИТОВ Морпех Паша	№ 10
О. ЧУДНОВСКАЯ. Стихи	№ 12

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Колонка редактора

Поиски Уральских пещер	№ 1
------------------------------	-----

Уральские тропы

О. МАРУЩЕНКО. Дневник одного похода	№ 1
П. РЫКАЛОВ. Север зовет	№ 2
О. МАРУЩЕНКО. Лыжные походы по водным маршрутам	№ 3

Туристские байки

Байки	№ 1
Добрые «Бураны»	№ 2
«Неспортивное» поведение	№ 4

Советы специалиста

Личное снаряжение туриста-лыжника. Лыжи	№ 1
Личное снаряжение туриста-лыжника. Одежда	№ 2
Групповое снаряжение в лыжном походе	№ 3
Групповое снаряжение туриста-водника	№ 4
Личное снаряжение туриста-водника	№ 5
В. ВОЛЕГОВ. Выдыха нет?	№ 6
Г. ЧЕУРИН. Разведение костра в сверхсложных условиях	№ 7
Н. ПАНЬКОВА. Обувь для пеших путешествий	№ 9
Н. ПАНЬКОВА. Походная верхняя одежда	№ 10
С. КОРОТОВСКИХ. Упаковка и сохранение продуктов в туристском путешествии	№ 12

Экспедиция

В. МИХАЙЛЕНКО В краю заповедной Печоры	№ 1
А. НЕКРАСОВ По линии фронта	№ 10
Г. ЧЕУРИН Учебно-оздоровительная экспедиция «Сибирский путь»	№ 12

Заповедные земли Урала

А. ПИЧУГИН. Веселые горы	№ 1, 2
В. СОЛОВЬЕВА. Три жемчужины Башкирии	№ 7
В. МИТРОФАНОВ. Край уральский. Маршрутом Ермака	№ 9
В. МИТРОФАНОВ. По реке Тагил	№ 10
А. ПИЧУГИН. «Ноты могучей гармонии»	№ 10

Путешествия

И. АБРАМОВ. Зимой на Басеги	№ 4
В. ШУМКОВ. Майский авто-водный поход	№ 5
И. КОМОВ. Перевал	№ 5
Н. ЗВЕРЕВА Первый раз за Полярным кругом	№ 10
А. ПАНОВА. Поход на Иремель (Хоббиты. Туда и обратно-2)	№ 12

Публицистика

М. МЕЛЕКА. Жизнь за жизнь	№ 6
Н. ПАНЬКОВА. Феномен уличной культуры	№ 8

Дети в походе

А. СЛЕПУХИН. Экспедиция для детей	№ 7
Н. БЕРДЮГИНА. Путешествие в каменный век	№ 9

С места событий

В. КОЧУБЕЕВ .Пойдем в «Юбилейный»	№ 2
---	-----

Записки очевидца

В. ФАДИН Зимой в поход на велосипеде	№ 2
М. ШИШКИН. М-ский треугольник: загадки остаются	№ 3
Е. КОРБУТ. Полярный Урал: начало	№ 3
В. КАСАТСКИЙ. В поисках приключений, или Полет на параплане	№ 8
М. ШИШКИН. Магия - не панацея	№ 10
М. ПЕТРУШКО. «Чайник» на обочине	№ 11
И. ТАРАБАЕВА. Ожог от северного сияния	№ 12

Наши увлечения

А. НАСЕДКИН. Игры патриотов	№ 3
К. КУЗНЕЦОВ. Дикий спуск по пологим склонам	№ 3
М. ПЕТРУШКО. Самолеты отдыхают	№ 8

История уральского туризма

Л. БУКРИН. Поход до... и после	№ 3
Л. БУКРИН. Два похода подряд	№ 4
В. МИТРОФАНОВ. Наш капитан	№ 4
Л. КОЛЬЦОВ. Байки	№ 5
В. ШУМКОВ. Памяти отца	№ 12

Человек и природа

Ю. КАТИН. Никакая Швейцария с Уралом не сравнится	№ 4
В. ПРИМЕРОВ. Отчет об альпиниаде на Северный Урал	№ 5

Человек в экстремале

Д. ПОРУБОВ. Фрирайд	№ 3
Д. ПОРУБОВ. Тальковский микст	№ 4
Т. НИКОЛАЕВА. Купола	№ 4

Заповедные земли

Г. УФИМЦЕВ. Тункинская долина	№ 9
Г. УФИМЦЕВ. Саянская сказка - Окинское плоскогорье	№ 10

По белу свету

С. НОВОПАШИН Полуостров терпения	№ 11
--	------

По следу Захарова...

Выпал снег. Окно в моей квартире заулыбалось. Мне заулыбалось! И тут же, словно почувствовав мое приподнятое настроение, позвонил Михаил, чтобы поздравить меня с первым снегом этого года.

— Когда выйдешь на улицу, — начал он немного загадочно, — то обязательно протопчи следы. По этим следам можно проверить свою походку.

У Захарова Михаила есть одно волшебное свойство — выхватывать из сутолоки серых дней и серых людей приметы жизни. Живая природа у волшебника обретает биографию, характер и даже чувство юмора. За доказательствами не надо далеко ходить. Достаточно прислушаться, присмотреться, например, к своему огороду, когда он начинает еще и разговаривать. Бесприютно шумят дальние леса поздней осенью, по-собачьи скулит на ветру калитка, а самолет-флюгер молчит, потому что винт его приржавел к гвоздю навечно. А почему навечно? Да потому что само это время — осень, приводит старость, и никакие порывы ветра не в силах запустить испорченный «вечный двигатель».

Захаров — охотник за точным, сочным народным словом... Я долго думала, почему, читая коротенькие его рассказы, чувствую себя счастливой. Как говорят старые люди, разбередило... А все потому, что талант писателя знает, как расшевелить, разбудить душу затерявшегося в большом городе человека. Иная душа продолжает спать, но это уже, как говорится, ее личное дело.

* * *

Мне кажется, что следы многих людей на нашей планете совпадают. А вот походки — разные...

Захаров родился в глухозимье. В этом меня убеждает целая вереница сюжетов, как бы вернувшихся к художнику из его далекого детства. Представьте себе: полотно, а на нем — сугроб и ничего более. А ведь автор — по сути, большой ребенок — положил немало красок на холст, чтобы выразить свое восхищение величественной сибирской природой. Или — удивление?... Щедро написал глухую зиму и не ушел в разбел (есть такой профессиональный термин). Красиво сложил поленницу. Ну а в центр композиции поместил глупую-преглупую неясность. Сказочная птица сидит и сама себе поражается.

Не случайно именно сказочная птица Захарова, по задумке тюменских искусствоведов, была исполъ-

зована на обложке каталога и на афише к первой, персональной выставке мастера. Мне посчастливилось наблюдать за ним в канун той памятной встречи со зрителями. Окинул он взглядом свои холсты, отошел от них на приличное расстояние и как бы сказал себе: «Ну-ка расчеси темечко, поищи иной угол зрения!» Все-таки ему, творцу, важно посмотреть на себя как бы со стороны. И что же? Работы из частных собраний показались автору неприлично одетыми в пышную позолоту. У «музейных» (ставших частью тюменской коллекции) — более скромный вид, простые одежды. К сожалению, возможности государственного учреждения ограничены — денег на закупки оно не имеет, именно по этой причине несколько лет назад сотрудники главного тюменского хранилища художественных раритетов стали устраивать конкурсы «на лучшую работу» среди авторов. Именные премии от мэра и грант от губернатора устроители конкурсов стали вручать лауреатам как некую путевку в сокровищницу музея, — немало таких путевок получили в разное время и работы Захарова.

Лучшее должно храниться в музее под присмотром государства. В этом убеждал собравшихся на выставке мастера Александр Новик, председатель Тюменского отделения Союза художников России. Он рассказал о том, как часто разбазаривается в нашей стране искусство. Картины попадают не в те руки, и фактически невозможно собрать разлетевшихся «птенцов» по частным коллекциям, по домам состоятельных покупателей под определенную экспозицию. Так же бесследно пропали и многие талантливые работы Захарова. «Ушли», потому что

Мазуровские козлы.

были многократно перепроданы. Кому-то удалось обнаружить сибирский след аж в далекой Бельгии – в каком-то модном европейском салоне, ну а кто-то все-таки наслаждается чистым творчеством самородка в «номерах» местного элитного санатория.

Автор не знает о том, что такое «тираж», не любит живопись «не первой свежести», может, поэтому он и живет достаточно скромно – по средствам. Как-то признался: «На вторичное мне не хватает голоса»...

В этом году Захарову исполняется шестьдесят лет. Сколько сделано и сколько еще предстоит сделать?.. Дорога у этого удивительного живописца впереди предлинная.

* * *

Талантливому человеку всегда и везде трудно, потому что он – настоящая экзотика. Как говорит Захаров, творить лучше в деревне. Вот только еще надо разобраться с главным – стоит ли вообще навязывать искусство хлеборобу, механизатору – деревенскому жителю?

Город, только он, на сегодняшний день – благо для художника, убежден Захаров. Большой муравейник помогает в работе, в реализации замыслов. Беда только в том, что жить приходится в спальном микрорайоне, который не имеет даже человеческого названия...

Самая главная задача художника – не потерять себя в сутолоке. А ведь это непросто – сохранить свой мир, непохожесть, имя! Вот вырос очередной дом – и любимый пейзаж за окном отодвинулся. Собака бездомная пробежала... и помешала, нарушила равновесие! Можно спрятаться в скорлупе, в лесу, под елками, но одиночество тоже не идиллия. Иногда художнику приходится возвращаться к людям. И он видит два мира: один – материальный, осязаемый, а другой – поэтически осмысленный.

Счастье Захарова в его патриотизме. Главная тема творчества – возвращение на родину. Уватская деревня, привитые отцом знания тайги, крестьянский уклад – все это замешивалось на любви людской. Любовью и в художнике аукнулось. В пору своей озаренности он открывал жизненные истины: «... небосвод стремительно прочертила искра. Там кто-то объяснился в любви или ненависти, а на Земле подумали: сгорела звезда...»

Творчество художника – как цельная книга. Ни в прозе, ни в живописи ему, похоже, ни разу не изменяло вдохновение. На потребу дня не писал, от дорогих тематических заказов отказывался и даже в дальние поездки за свежими впечатлениями перестал ездить. Как-то обронил: «Пустоглазие все это – путешествия художника в далекие края».

Ну а как же заработок, слава, признание зрителей?.. «Придут и купят», – отвечает.

Сказал о цене – и уши прижал...

* * *

Как-то я у него спросила:

– Жива ли твоя родная Березовка?

Задумался:

– Вообще-то, там живет какой-то человек. Или двое...

Вырос он в глухомани, в местах, по Далю, озеристых.

– От промышленности и городов далеко, снега чистые, светлые. Весной воды много, особенно когда Иртыш разольется. Выйдешь на берег – от просторов аж дух захватывает. Красотища!.. – рассказывает Михаил, и лицо его будто становится светлее.

А в реальной жизни никакой поэзии – проза. Дом родной, пятистенок, разобрали. Там сейчас крапива растет... Деревушка – бедная была, как все кругом, а все же красивейшая. Местные люди звезд с неба

не хватало, просто рождались, трудились на земле и умирали. Круг жизни разомкнулся. Осиротело и кладбище.

В далекие 60-е годы, бывало, наезжали в Березовку ученые мужи со всех уголков страны нашей. Отец Михаила водил в те поры гостей на охоту. Вот тогда-то будущий художник и поперезнакомился со всей московской профессурой.

— Я ведь чуть-чуть ученым не стал, — рассказывает Михаил откровенно, — увлекался орнитологией. Родители-то, конечно, хотели, чтобы я инженером где-нибудь стул просиживал... Но художник увел меня в другую сторону.

* * *

Натюрморт. 2004.

Он лишен амбиций и зависти настолько, что разводит руками: «Я вообще не понимаю, как художникам можно завидовать?»

Захаров — не герой нашего времени, но и не поверженный. Просто он убедился, что искусство сегодня заказывают только от сытости.

Представляю себе словесный портрет, нарисованный Захаровым: человек, у которого все есть, лежит-полеживает на диване, хлопает глазами, ковыряется в зубах и думает: «Хорошо бы картину еще завести»...

* * *

Михаил летом зиму пишет, а зимой — лето. «Так, — подмечает, — острее чувствуется...»

— А сейчас чего не хватает?

А сейчас у него — настроение! Осень...

* * *

— Как ты относишься к одиночеству?

Захаров даже обрадовался моему вопросу:

— Люблю, когда совершенно один. Только звездное небо, Млечный путь, и ты сидишь у костра, как малая мушка.

В редкие минуты сопричастности к вечности Михаил, бывало, думал о ежике. Как бы не распугать его! Ежик навещал его летом, стал хорошим «компаньончиком». Налет полуночник в тарелку молока, крошек набрасает, брюшко колючему пощекочет, а тот даже не сворачивается.

Придет весна — и друзья встретятся...

Захаров не ходит с мольбертом по лесам, не пытается насильственно впихнуть «эпизоды» жизни в прозу, в живопись и даже походную палатку отверг, потому что ее «тяжело таскать» на своем горбу. Джентльменский набор охотника-следопыта — топор, спички и костер. Нанюхается художник лесов,

болот и речушек где-нибудь в непосредственной близости с Кальчинским нефтяным месторождением и пишет потом, дома, «по памяти». Творчество получается умозрительным, образным.

А технология творчества, тем не менее, вызывает добрую улыбку: на наброске, больше похожем на шпартгалку, накарябано карандашом: «Фон серозеленый, дымчатый, декор с белыми прожилками, небо выбеленное, голубое», «воробей пролетел».

Ну а дальше — превращения.

* * *

Часто повторяющийся мотив — прорубленное окно... Предзакатное солнце нежно подсвечивает предметы интерьера — фонарь «летучая мышь» и бывалую одностволку. В небе чайка парит, ну а в баньке уже повесил свой плоский нос убитый соксун. Натюрморт.

— Я не парильщик, — поясняет художник. — Забьюсь от комаров, от всех в бане и смотрю, как пейзаж меняется — какие цветы, какое освещение? Не цветы напишу, так рассказ...

Когда же мастеру не хватает двухмерной плоскости, тогда просятся к нему в руки бумага и карандаш.

Захаров вырос в угрюмом краю. С ранних лет ходил на охоту, гонял глухарей, а все же щекой ощущал прикосновение росы и подмечал, как раскачивается ковш на небе... Писал. Но проза художника пролежала в его письменном столе целых пятнадцать лет! Столько времени понадобилось автору на то, чтобы отшлифовать слова, на поиски гармонии. Ничего страшного. Это иногда почетно — помолчать, когда за тобой стоит великая традиция словотворчества, когда слышатся голоса Ивана Бунина, Константина Паустовского, Виктора Астафьева.

И ежик, и глупая неясность, и мокрый скворец, который оцепенело болтается на ветке в ненастье, – вот они, крупинки «золотой пыли», из которых Захаров выковывает свою розу.

* * *

Когда читаешь талантливый рассказ или приближаешься к стоящей картине, то в душе, бывает, нарастает непонятное волнение. А почему это происходит? На этот вопрос исчерпывающе ответил Паустовский: «При созерцании прекрасного возникает тревога, которая предшествует нашему внутреннему очищению».

Смотришь на тощий захаровский серпик луны, на плакучие березы, на прясла вокруг стогов – и такая охватывает тоска зеленая!.. Хотя живет на холстах у мастера и иная пастораль – с бесконечными вариациями у амбара. Чисто кругом, кристально: хозяин

сено сметал, грабли конные под навес поставил, в стайке на зиму прибрался. А в снегу – на переднем плане – отдушина от теплой земли...

«Композицию с деревом» кто-то из тюменских экспозиционеров по ошибке перевернул с ног на голову. Автор подошел к своей работе, удивился и сказал: «Так тоже нормально...»

То и дело кочуют у него из сюжета в сюжет топор, глухарь-мошник, летучая мышь – таежные странники. «Ну а это еще что за сюр?» – спросит зритель. Никакого сюра. Генрих Засекин, товарищ Захарова по художественному цеху, как-то подметил в нем «особинку», которую можно считать мерилом подлинности, надежности человеческих отношений: «Мы с Михаилом вместе ходили в тайгу. Это говорит о том, что человек он нормальный».

Вот такой он, Захаров, и есть – нормальный человек.

Михаил ЗАХАРОВ

По небу лодка плыла

Когда к вечеру успокоится ветер и зажгутся первые звезды, у столика под облепихой я разведу костер.

А пока я занят дровами, мне все кажется, что из темноты кто-то смотрит на меня осуждающе, так неуместно громко стучу я топором. И этот «кто-то» — Тишина. Под этим взглядом, стараясь не шуметь, с охалкой дров, путаясь в ромашках, пробираюсь к столу.

Ночь мгновенно обступила пламя. Толкаются, играют свет с тьмой. Вспыхнет ярче пламя — тьма отпрянет, покажет куст смородины и кружку с чаем на столе. Притаится костер — тьма слизнет и куст смородины, и кружку. Выстрелит уголь искрой в небо — и тьма стремительно шарахнется летучей мышью.

Над головой, в облепихе, ворохнулась невидимая птичка и гулко шлепнула в кружку каплю росы. Слышно, как где-то зундит комар и глухо лают дачные собаки.

Кто-то шуршит травой к моему костру, вот ближе, ближе. Ах ты, господи, ежик ко мне пришел, маленький, круглый ежик! Он робко присел у костра, и теперь мы вдвоем смотрим, как шевелится пламя и стреляют угли; после каждого выстрела ежик вздрагивает и вопросительно смотрит на меня.

— Это костер, он тоже живой — побудь с нами, не бойся. — А он, похоже, и не боится, хотя и впервые видит нас.

На севере небо все еще светится бледно-зеленым, и там, у горизонта, появилось большое темно-синее облако. Когда я поправляю костер, то все поглядываю на это облако. А оно живет, меняет свою форму, вытягивается. И вот уже если присмотреться, то и не облако это — по небу плывет огромная долбленая лодка с перламутровым дном. В лодке сидит рыбак, он в шапке и с бородой. Вот он медленно, медленно наклоняется, слегка поднимает руку, она у него почему-то одна, и видно, как он перебирает сеть. Сеть его полна темных карасей в звездных блестках чешуи.

Вот он так же медленно распрямляется, у него, наверное, болит спина. Вот слегка ковырнул веслом, и по небу поплыла, качая звезды, гигантская темно-синяя волна. На востоке она докатилась до созвездия Скорпиона и закрыла его. На севере зацепила Большую Медведицу и качнула Ковш. Ковш наклонился, и из него выплеснулась и упала на Землю целая пригоршня холодной росы.

Волна докатилась и до меня. Коснулась щеки влажной прохладой, тихо прошелестела травой и беззвучно положила на плечо мокрый облепиховый лист. Испуганно подвывают и лают на лодку собаки. В свете костра на мгновение появилась сова, гугукнула и растворилась в лугах с туманами.

Давно ушел ежик. Дотлел мой костер. Давно уплыла небесная лодка, и как след от нее мерцает на темном небосводе Млечный Путь, уже по-осеннему яркими звездами.

Завтра большой праздник — Ильин день, начало великих рос, а вместе с обильной росой наступит извечный час Полночных Таинств. Там произойдет смена лета с осенью. Но если я буду даже очень внимателен, я все равно этого не увижу.

Зимние пожары

Какой ядреный мороз! А к вечеру еще и сиверко наладился. Заструился, погнал по озеру жесткой поземкой, зашумел, заскрипел тоскливо плотными, ржавыми тростниками.

Под предзакатным розовым небом леса за озером обозначились серо-фиолетовой зубчатой стеной. А ветер, то здесь обожжет, отвернет лицо и стихнет, то там, неслышный, невидимый, налетит ледяным шквалом, сорвет снежные комья с отяжелевших ветвей, разобьет и понесет клубами колючей пыли.

А отсюда, из-за озера, кажется: то ли жжет там кто-то костры, то ли дымятся, горят дальние леса зимними пожарами.

Михаил ЗАХАРОВ

Родился в деревне Березовка Уватского района Тюменской области в 1945 году. Учился в Заочном народном университете искусств им. Н.К. Крупской в Москве. Член СХ СССР с 1980 года. Живописец. Автор тематических композиций, пейзажей.

Произведения художника находятся в Тюменском областном музее изобразительных искусств, в частных собраниях России и за рубежом.

Древняя птица

Глухоземье

Вечерние стога. Уват

Шпартгалка для художника

ЧИТАЙТЕ В ЯНВАРЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

Каждые два-три года мы с братом навещаем родные места. Вот и в этот раз, часа три покружив на машине по Каменску-Уральском, где родились и закончили школу, направились в соседнюю Курганскую область – в нашу деревню Колмогорову, что в 20 километрах от райцентра Каргаполье. В детстве все каникулы проводили мы у бабушки Марии и дедушки Михаила. Поездом обычно добирались до Шадринска, затем – автобусом, по грунтовой дороге – до села Осиновское, а там – еще 4 километра пешком или, если повезет, на попутке. Места раздольные – не надышишься! И речка та же – Исеть.

АЗЛИТА

«О братьях не наших меньших» – рассказ о зарождении жизни, о простом русском мужике, который стал свидетелем появления на свет новой цивилизации; и не где-нибудь в далекой-далекой галактике, а прямо у себя в сарае. О том, как ветеринар по образованию принимал роды у инопланетянки, читайте в первом номере 2006 года.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Автор методики разведения костра в сверхсложных условиях представляет свой способ устройства укрытия в зимнем лесу при возможном отсутствии топора и пилы.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!